

ЖАК ЭРС

РОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА В СРЕДНИЕ ВЕКА
менялы, ростовщики и крупные финансисты

JACQUES HEERS

LA NAISSANCE
DU CAPITALISME
AU MOYEN AGE

CHANGEURS, USURIERS
ET GRANDS FINANCIERS

Paris
Perrin
2012

ЖАК ЭРС

РОЖДЕНИЕ
КАПИТАЛИЗМА
В СРЕДНИЕ ВЕКА

МЕНЯЛЫ, РОСТОВЩИКИ
И КРУПНЫЕ ФИНАНСИСТЫ

Санкт-Петербург
2014

ББК 63.3(4)
УДК 94
Э81

Научный редактор:
к. и. н. *Карачинский А. Ю.*

Эрс Ж.

Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. Пер. с франц. Некрасов. М. Ю. — СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014 — 320 с.

ISBN 978-5-91852-068-0

Вопреки общепринятому мнению, капитализм родился в средние века и широко распространился с XIII по XV в. в разных формах: денежные займы и спекуляции (слово «биржа», от фамилии семейства из Брюгге, появилось именно тогда), активно действующие торговые и финансовые компании. К нему были причастны все слои общества. Его практиковали не одни только евреи и ломбардцы, местные бюргеры в качестве капиталистов были намного более многочисленны, чем иностранцы, и даже самые малоимущие вносили в него свой вклад, покупая акции.

В этом смысле говорить о «народном капитализме» не значит впадать в преувеличение. Если церковь вновь и вновь запрещала займы и ростовщичество, это показывает, насколько плохо соблюдались ее запреты. Что касается настоящих сильных мира сего, ими были не крупные купцы, а ростовщики. В городах они задавали тон и навязали свою власть, которую наглядней всего олицетворяет род Медичи. Жак Эрс, как всегда, еще раз талантливо опровергает традиционные представления, предлагая нам новый взгляд на средние века.

© PERRIN, 2012

© Некрасов М. Ю. перевод с франц., 2013

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2014

© Оформление, ООО «Издательство

ISBN 978-5-91852-068-0

«ЕВРАЗИЯ», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

В средние века банков не было. Ни слово «банк», ни слово «банкир» не встречаются ни в нотариальных договорах, ни в счетных книгах, ни в судебных протоколах. Банки, появившиеся во Франции в XVII в., а в Италии, то есть в Венеции и Генуе, еще позже, своим происхождением обязаны скамьям (banc), какие на ярмарке, на городской площади или в порту ставили менялы — не только умелые торговцы золотом и серебром, драгоценностями и монетами, но еще и займодавцы. Употреблялось также слово «столы»¹ — в первое время это были доски, уложенные на козлы; меняла стоял за ним и вечером за несколько секунд разбираал такой стол, освобождал место и уходил домой. Если меняла становился неплатежеспособным либо его уличали в подлогах, распространении фальшивых монет или в чрезмерных спекуляциях на монетном курсе, городские магистраты приказывали публично разломать его скамейку. Это называлось «банкротством» (bancs rotta, «сломанная скамейка»).

Банков не было, был обмен. И в Италии, и в Южной Франции профессиональным объединением финансистов был *цех менял* (art du change), во многих городах крупнейший после

¹ В начале 1300-х гг. одного из таких менял-ростовщиков, обосновавшихся в Париже, на мосту Менял, называли Мартен Большой Стол; это прозвище перешло и к его потомкам. Кстати, в Греции банк по-прежнему называется словом *τράπεζα*, означающим «стол». [Это и последующие примечания принадлежат автору, за исключением указанных особо (прим. перев.).]

купеческого. В договорах об образовании союза и в расчетных документах менялы и заимодавцы называли свои предприятия «компаниями» или «обществами», а свои филиалы в иностранных городах именовали в счетах и письмах только «столами».

Историки долго пренебрегали менялами, несомненно, считая их доход скудным, тогда как на самом деле менялы занимали видное место в иерархии ремесленников, в обществе и в публичной жизни города, их часто делали членами советов и коллегии консулов. Мы не спешили изучать их деятельность, потому что нам навязывали представление о «средневековой» экономике, якобы неизбежно элементарной и даже примитивной. Некоторые охотно говорили о «замкнутой» экономике или «экономике пропитания», ни в коем случае не «капиталистической» и даже не «протокапиталистической». Без конца рассуждали о том, что это были времена мелких сделок, маленьких рынков или приблизительного обмена. А внешняя торговля якобы сводилась к перевозке товаров караванами ради защиты от разбойников и к утомительному мореплаванию на галерах, ходивших вдоль самого берега, капитаны которых не осмеливались выходить зимой. Подтверждая тем самым представление о средневековом мракобесии, этот тезис отстаивал Вернер Зомбарт (1863–1941), которого ученики называли «тагхен», а не «марксистом», и который в своем большом труде «Современный капитализм» из шести томов, изданном в 1902 г., несомненно первым стал запросто использовать слово «капитализм». Та же логика мышления и та же слепота в отношении фактов характерны для красивой концепции Макса Вебера (1864–1920), который был выходцем из немецкой протестантской семьи и одно время дружил с Зомбартом: в работе «Хозяйство и общество» он постарался показать, что система ценностей католической церкви, восхваление бедности, обязательное милосердие, осуждение процентных займов настолько препятствовали развитию капитализма, что деловые люди в числе первых пожелали Реформации.

Тот и другой тезис опровергнуты бесчисленными работами настоящих исследователей. Как можно не понять, что грозные окрики, осуждающие ростовщичество, как раз показывают, что оно практиковалось широко, во всех слоях общества, при заключении любых сделок, даже в повседневном обиходе? В противном случае зачем было так старательно напоминать о запрете? Уже почти полвека тому назад Марк Блок в нескольких точных словах заметил, что историки часто очень наивны, потому что верят всему написанному. Тем не менее тезис о «средневековой» экономике, которую парализовали табу, и по сей день защищают люди, которые верны марксистским схемам и не могут признать, что «капитализм» в какой бы то ни было форме существовал до «нового времени». Им важно не изучать архивы, а рассуждать о ментальностях и о типах интеллектуального поведения. Остроумцы в салонах XVIII в. называли себя философами; эти заявляют, что они «антропологи».

Каждый может отстаивать собственное определение капитализма. Однако обычно это слово применяется к обществу и к экономике, где человек, имеющий капитал, как правило, в виде суммы денег, может извлекать доход из труда другого человека через посредство процентных займов, участия в торговом предприятии, а также покупки и продажи ценных бумаг.

Многие деловые люди, отнюдь не гнусные кровопийцы, в завещаниях отказывали во спасение своих душ и искупление своего греховного ростовщичества крупные денежные суммы благотворительным заведениям и даже требовали от наследников (несомненно, скорей этим обескураженных) погашения своих долгов. Тысячи текстов, найденных во всех странах Запада и охватывающих весь период средневековья, показывают любому, кто возьмет на себя труд их прочесть, что такие займы практиковались повсюду и в городе, и в деревне, что их давали не только заведомые ростовщики — ломбардцы, кагорцы или евреи, но и добрые христиане, безупречно честные и пользующиеся уважением

в обществе. Основателями больших состояний и успешных карьер в обществе чаще были менялы, чем купцы, и эти менялы были также ростовщиками. Медици, которых Макиавелли назвал «династией ростовщиков», никогда, даже на пике успеха, не прекращали отдавать деньги в рост — либо непосредственно, не обращая внимания на запреты, либо через посредство обменных операций, ведущихся так умело, что не возникала опасность потерять деньги. Как и многие другие, эти люди, которых наши книги обычно представляют нам крупными негодьями, были финансистами, не занимавшимися коммерцией ни под каким видом и не имевшими ни одной фактории ни на Западе, ни на Востоке. Они не доверяли своих капиталов судовладельцам Пизы или Генуи. Все их отделения в Италии, в Англии и во Фландрии назывались столами. То есть столами менял и ростовщиков. Следует ли игнорировать тот факт, что в 1318 г. *arte del cambio* [цех менял (*итал.*)] Флоренции насчитывал больше трехсот членов? Что расследование, проведенное по приказу французского короля, позволило всего в трех провинциях узнать имена 491 менялы, осужденного за ростовщичество? И что уполномоченные короля Карла VII выявили 750 менял-купцов, добрых христиан, но тоже заимодавцев?

Предприниматель, рассчитывающий только на себя, не получающий финансовой поддержки извне, мог встретиться только среди лавочников или ремесленников. В больших приморских городах Италии, в Марселе и во французских портах атлантического побережья любое предприятие, для которого требовалось оснастить судно и собрать груз, порождало огромное количество договоров, заключаемых открыто и регистрируемых по всей форме, которые связывали инвестора с хозяином судна или с купцом, уходящим в плавание, и под которыми подписывалось до нескольких десятков человек, мужчин или женщин, вносящих каждый небольшую сумму. Тем самым простые люди, мелкие торговцы или ремесленники, а часто и вдовы, вкладывая скромные капиталы и распределяя их на несколько экспе-

дий, чтобы разделить риск, принимали участие в большой морской торговле, извлекая из нее прибыль: их долю им выплачивали по возвращении. Почему бы, рискуя еще больше шокировать авторов, верных старым представлениям, не назвать это народным капитализмом? В других делах, рассчитанных на несколько лет, капитал, намного более крупный, делили на доли, а прибыль распределяли каждый год пропорционально вкладу каждого. Такая практика была настолько распространена, что эти доли могли продавать — целиком или по частям.

Рынок ценных бумаг был доступен всем. Слово «биржа» (*bourse*), которое сегодня как будто воплощает для хулителей капитализма самую продвинутую и пагубную его форму, появилось в XIV в. в Брюгге, где на постоялом дворе, принадлежащем семейству по фамилии Ван дер Бюрсе, а потом на соседней площади каждый будний день с утра до вечера продавали огромное количество ценных бумаг, выпущенных в разных странах, но по преимуществу в городах германской Ганзы. Это был отнюдь не курьез и не исключение: в итальянских городах маклеры и приказчики покупали и продавали для своих клиентов пай в компаниях и государственные долговые документы.

Оценивая значимость такой торговли деньгами, обменов и займов, которые производились более или менее согласованно, надо, конечно, изучить сложные приемы, позволявшие избежать лобового столкновения с церковными запретами и, главное, не пасть в глазах соседей, сохранить уважение социальной среды, которая, как и клирики, осуждала открытое ростовщичество. Но, чем изучать эту технику, еще важнее увидеть, как вели себя люди, поместить их в семейную и профессиональную среду: тех, кого бедность вынуждала брать займы, чтобы дожидаться лучших дней и выжить, виноградарей накануне сбора винограда, крестьян в поисках посевного зерна, как и тех, кто превратил такую разнообразную торговлю золотом и серебром в свое ремесло. Не только описать их образ жизни и подсчитать доход, но

и заново поместить их в социальную среду и в семью, в город, приход и квартал. А в отношении некоторых попытаться понять, как они накопили свое состояние и, несмотря на занятия подобной торговлей и ростовщичеством, оказались на верхней ступени социальной лестницы, заставили признать себя участниками политической игры и пришли к власти. И для этого надо искать и анализировать не папские буллы, декреты соборов или королевские ордонансы, то есть не тексты, уже хорошо известные, потому что они изданы и прокомментированы, а намного менее доступные нотариальные акты или домашние бухгалтерские журналы.

Формы ростовщичества и социальное положение действующих лиц этой истории были различными в разное время и, возможно, еще более в разных странах и городах. Кто мог бы в одной-единственной книге представить чрезвычайное разнообразие обычаев и обстоятельств на всем Западе? От денежных воротил Нюрнберга до дельцов тосканских городов и от бристольских судовладельцев до венецианцев? Я предпочел ограничиться Французским королевством и торговыми городами Италии. Это позволяет рассмотреть принципиально разные уровни техники и, применительно к финансам и к методам ведения дел, сопоставить монархию, уже развивавшуюся в направлении более или менее выраженного абсолютизма, и нацию, которая еще только начинала осознавать себя нацией. Этатизм, тенденция к унификации с одной стороны, а с другой — мозаика городов, независимых государств, которые, стараясь уберечь местные особенности и оставить людям определенную свободу действий, сохраняли настолько сложные монетные системы, что современный экономист становится в тупик, пытаясь понять, как деловые люди, скованные такими узами, могли господствовать на рынках и в денежной торговле так далеко от своих земель.

ГЛАВА I. ЗОЛОТО И СЕРЕБРО

В 1252 г. Генуя и Флоренция начали чеканить почти одинаковую золотую монету — *дженовино*, вскоре названную в Генуе дукатом, а во Флоренции — флорином, весом около 3,6 г (сегодняшних) и из почти чистого золота¹. Новые монеты положили конец продолжавшейся несколько веков монетной анархии, когда на христианском Западе почти бесчисленные монетные мастерские короля, князей, крупных и мелких сеньоров, архиепископов, епископов и аббатов отливали серебряные монеты всё худшего качества, всё меньшего веса и со всё большим содержанием примесей.

СУДАНСКИЕ КОПИ И ЗОЛОТО КАРАВАНЩИКОВ

Чеканка этих «хороших» монет породила колоссальную потребность в драгоценных металлах. Копи, разрабатывавшиеся до тех пор, бедные залежи с низким содержанием металла, почти выработанные, и промывка речного песка, называемого золотиносным, не могли ее удовлетворить. И поиски начались в других местах, очень далеко.

¹ Венеция — торговый город, поддерживавший связи со всеми известными землями как Запада, так и Востока, начал чеканить золотые монеты только через тридцать лет, в 1284 г.: это были золотые дукаты весом 3,6 г и диаметром 2 см.

С давних пор значительное количество золота поступало из Африки, из региона, называемого в то время Суданом и расположенного между рекой Сенегал на севере и рекой Тинкиссо, притоком Нигера, на юге¹. Местные жители выкапывали там индивидуальные шахты глубиной до 20 м. Оттуда они извлекали золото, по большей части в порошке, на которое выменивали у мавров или арабов-караванщиков соль, холст или сукно и медную посуду. Эта «немая торговля», о которой говорят мусульманские путешественники и географы, сводилась к натуральному обмену без использования монеты, слов и заключения соглашений. Купцы доходили до линии, которую никогда не пересекали, достаточно далекой от копей, чтобы последних было не видно. Подойдя туда, они долго били в большие барабаны, рокот которых раздавался по всему Судану из конца в конец, и раскладывали на земле товары. Так поступали, пишет один путешественник, в 1200-е гг., «потому что жители этой страны прячутся в подземельях и пещерах, совсем голые, без малейшей одежды. Они не позволяют ни одному купцу их видеть»².

Африканские цари получали от этого огромные доходы. В Мали, сообщает аль-Бакри³, «если находят зо-

¹ Точнее — на землях, которые на первых картах назывались Биту (или страна Ашанти), Буре (в Верхней Гвинее) и Бамбук (долина реки Фалем и верховья Гамбии). См.: *Alvise da Mosto. Relation des voyages à la côte occidentale d'Afrique d'Alvise de Ca' da Mosto, 1445–1457* / publ. par M. Charles Schefer. Paris: E. Leroux, 1895. — *Heers J. Le Sahara et le commerce méditerranéen à la fin du Moyen Age//Annales de l'Institut d'Études Orientales*, XVI (1985). — *Cissoko, S.-M. Tombouctou et l'empire Songhay: épanouissement du Soudan nigérien aux XVe–XVIe siècles*. Paris; Montréal: l'Harmattan, 1996.

² Якут ибн Абдаллах (1179–1229), раб-вольноотпущенник, автор энциклопедии. Масуди, историк и географ, цит. по: *Cuoq, J.-M. Histoire de l'islamisation de l'Afrique de l'Ouest: des origines à la fin du XVIe siècle*. Paris: P. Geuthner, 1985.

³ Родился в Уэльве, Испания, в 1014 г., автор «Описания Северной Африки»: *al-Bakrī. Description de l'Afrique septentrionale* / traduite par le baron William Mac Guckin de Slane. Édition revue. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1965, и «Путеводителя по Северо-Западной белой и черной Африке»: *al-Bakrī. Routier de l'Afrique blanche et noire du Nord-Ouest* / traduction nouvelle de seize chapitres, avec

лотой самородок, царь его отбирает и оставляет подданным только золотой порошок. Иначе золота оказалось бы слишком много, и оно бы обесценилось». На иллюстрации к Каталанскому атласу Анджелино Дульсера, изданному в 1339 г.¹, царь Мали изображен в тюбране и в длинном белом одеянии, сидящим на троне с подушками и держащим в руке скипетр; надпись гласит, что это сарацинский царь, повелитель страны песков, и что он владеет большим количеством копей. В рассказе, записанном в первые годы XVI в., португалец Диогу Гомиш с восхищением говорит об этом удивительном богатстве царя: «Негры сказали мне, что он — хозяин всех копей и что перед воротами его дворца стоит золотая глыба в таком виде, в каком родилась в недрах земли, и ее никогда не подвергали воздействию огня; она столь велика, что и двадцать человек не могли бы ее поднять, и царь привязывает к этой глыбе коня. Они также мне сказали, что звать его двора носит золотые кольца в носу и в ушах»². Во время паломничества в Мекку в 1324 г. этот царь, Манса Муса, прибыл сначала в Каир, где провел больше трех месяцев. Его сопровождало несколько тысяч черных рабов и сорок мулов, нагруженных мешками с золотом. Он осыпал город дарами и не пропустил ни одного мусульманского богослова, ни одного приближенного султана, не одарив золотом. Когда один крупный дипломатический чиновник умер, у него нашли сотни золотых самородков еще в оболочке из породы. Люди царя тратили деньги не считая, и египетские купцы ежеминутно наживались на них: «Если кто-то из этих негров покупал рубашку, или тунику, или сукно, или любую

notes et commentaire... par Vincent Monteil // *Bulletin de l'Institut fondamental d'Afrique noire*. Série B, Sciences humaines. 30 (1968). P. 39–116.

¹ Ошибка автора: Каталанский атлас появился позже карт Дульсера, только в 1375 г. (*прим. перев.*).

² Цит. по: *Jobson R. The golden trade: or, A discovery of the river Gambrá, and the golden trade of the Aethiopians...* Teignmouth: Devon, 1904.

другую вещь, он платил по пять динаров за то, что стоило всего один. Это были простосердечные, доверчивые люди. С ними можно было всякий раз делать что угодно. Они все принимали за чистую монету». После их ухода количество золота, обычно стоившее двадцать пять дирхемов, стало стоить не больше двадцати двух или двадцати. Манса Муса подарил двадцать тысяч золотых монет обоим священным городам Аравии — Медине и Мекке¹. Через пятьдесят лет Аския Мухаммед, император, восстановивший в Сонгае истинную веру, во время паломничества раздал более ста тысяч золотых монет.

Из земель Нигера, Ганы, Томбукту или Гао караванщики везли золото, вместе с черными рабами и экзотическими зернами, в города средиземноморского побережья, в Марокко, в государство Тлемсен, в Тунис и дальше на восток, в горы Барка, в Ливию и в Египет. Эти длинные опасные пути по пустыне с очень редкими этапами подробно описаны в рассказах о путешествиях и в трудах географов — с самым тщательным указанием каждого источника воды, с оценкой расстояний в днях перехода².

Караванщики доставляли народам оазисов и страны золотых копей всё, чего тем не хватало. «Когда кто-нибудь из них отправляется в путешествие, он ведет за собой рабов, которые несут его постельные принадлежности и всю его

¹ Масалик, повествование 1342–1349 гг., цит. по: *Cuoq, J.-M. Histoire de l'islamisation*, op. cit. Здесь сказано также, что на обратном пути царь, совершенно разоренный, был вынужден занимать в Каире у ростовщиков; некоторые из них, недоверчивые и агрессивные, последовали за ним до Томбукту для пушей уверенности, что им вернут деньги. Спутники малийского царя сохранили о Каире, купцах, погонщиках верблюдов, проводниках и займодавцах только плохие воспоминания: «Увидев сегодня величайшего из знатоков науки и религии и узнав, что он египтянин, они его бранят и думают о нем дурно».

² *Magalhães Godinho V. de. O «Mediterrâneo saariano» e as caravanas de ouro: geografia económica e social do Sáara // Revista de História (São Paulo). 23 (1955). P. 74–134. 24 (1955). P. 307–353. 25 (1956). P. 59–107.*

кухню, с посудой, сделанной из тыквы, из которой он может есть и пить. Для торговли имеются только куски соли, стеклянные безделушки и ароматические вещества. Больше всего любят гвоздику, мастику — смолу куста, из которой делают жевательную массу, и особенно тасаргант, растение, собираемое на берегу океана, которое служит им фимиамом. В Мавритании порцию этого фимиама покупают за полтора динара, в странах негров она продается за двадцать пять, сто и более». Другие останавливались на медных рудниках Такедды, в Центральной Сахаре; за одну монету, двойной золотой, там можно было получить четыреста довольно толстых полос меди или шестьсот-семьсот более тонких, чтобы обменять в землях золотых копей на мясо, дрова, рабов и золото. Нагружались также солью на соляных копиях атлантического побережья или далеко в пустыне, в Тегазе, где в ужасных условиях работали черные рабы, которых плохо кормили и которые всего через несколько месяцев умирали от изнурения¹.

Торговля золотом и рабами была очень прибыльной: «Их легкие караваны всегда находятся в движении, а тяжелые караваны отовсюду, куда ни идут, приносят чудесные доходы. Немногие рынки в мусульманской земле столь богаты и влиятельны. В Аудагосте (северо-восточней Томбукту) я видел долговую расписку на имя Мухаммеда ибн Али, заверенную поручителем, где была указана сумма, составлявшая 42 тысячи динаров»².

Христиане Запада с давних пор знали, где найти это африканское золото. На Пиренейском полуострове, в Кастилии и Арагоне, в первые годы *Реконкисты* значительная часть золота, из которого чеканили монету в мастерских, приобреталась путем грабежа или обложения данью

¹ Ибн Баттута родился в Танжере в 1304 г., умер в 1369 или 1377 г. («Le Robert»). Автор многих рассказов о путешествиях. Здесь цит. по: *Ibn Batoutah. Voyages / texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le Dr. B.-R. Sanguinetti. T. III: Inde, Extrême-Orient, Espagne et Soudan. Paris: Impr. impériale, 1858. P. 927.*

² Ибн Хаукаль, Абу-л Касым. Книга путей и стран (прим. перев.).

мусульманских правителей — союзников и вассалов. Курс монет все время колебался — они резко дорожали, когда дань не выплачивалась вовремя, и дешевели после побед и завоеваний. В Арагоне при короле Педро IV (1319–1387) выкуп за одного мусульманского вождя принес в казну более десяти тысяч двойных монет, а в Кастилии после большой победы при Тарифе золото, до того стоившее в десять раз дороже серебра, стало дороже всего в шесть раз.

В христианской Испании свободно ходили *морисские* монеты, а *мараведи*, ставшие расчетными единицами, были монетами альмохадов, прибывших из Африки завоевателей мусульманских эмиратов Испании¹. Несмотря на многократное изменение названий — *добла*, *крусадо*, *кастельяно*, монета «*де кабеса*» [с головой], монета «*де банда*» [с полосой], *энрике*, — такие монеты, похожие на африканские, всегда имели один и тот же вес: 4,6 г. Однако слово «двойной» означало намного более тяжелые монеты, которые хранили, как слитки, или же дарили. В Кастилии в 1200-е гг. были монеты *добла магна* весом в 45 г и диаметром 67 мм, а намного позже, при Хуане II (1405–1454), в сокровищницах и в посмертных описях встречались золотые монеты весом, превышающим вес обычной золотой монеты в десять, двадцать и даже в пятьдесят раз, — последние весили 235 г.

АВАНТЮРИСТЫ НА ДОРОГАХ САХАРЫ

Каталонцам и итальянцам понаслышке были известны дороги в песках и дальние оазисы, перекрестки и склады, куда из земли золотых копей караванщики пригоняли нагруженных верблюдов. В Ороне и в Хунайне, порту Тлемсена, арабские купцы и евреи говорили им о Туате, о Тафилальте,

¹ Однако к северу от Кастилии, в королевстве Леон, сохранилась каролингская система ливров, су и денье.

о Сиджилымасе, «воротах Сахары в страну негров и в страну источника золота». Один генуэзец, вызванный в купеческий суд как свидетель на самом обычном процессе, показал, что встречался в Ороне с одним мавром, торговцем пряностями, который часто посещал рынки в негритянских землях.

Аль-Идриси¹, долгое время служивший сицилийскому королю Рожеру II, не бывал в Судане. Он пересказал лишь то, что узнал в городах Магриба или находясь в Палермо, но сумел с изумлением описать богатства и обычаи этих повелителей дорог и оазисов, способ приобретения ими денег: «Когда один из них имеет четыре тысячи динаров в запасе и четыре тысячи, чтобы вкладывать в дела, он ставит справа и слева от своего дома две колонны, поднимающиеся от земли до крыши. Тот, кто проходит мимо и видит колонны, может по их количеству узнать, сколько у хозяина денег. У ворот можно видеть по четыре и даже по шесть колонн».

Несомненно, было немало авантюристов, которые на свой риск или по предложению финансистов пытались найти и разведать дороги через пустыню, сведения о которых держались в строгом секрете и ревностно охранялись. Они не знали ни названий этапов, ни расстояний, ни способов торговли в оазисах и в стране копей. Ни об одной из этих рискованных попыток нам не известно ничего, кроме как о вылазке одного генуэзца, письмо которого, отправленное с дороги, случайно дошло до нас в связке архивных документов. Антонио Мальфанте, человек невысокого происхождения, мелкий компаньон в компании братьев Центурионе из Генуи, которые в свою очередь были партнерами Медичи, много времени провел на Майорке и в Валенсии, где, конечно, говорил с владельцами

¹ Аль-Идриси, родившийся в Сеуте в 1100 г., умерший в 1164 г., сделал для Рожера II Сицилийского большую планисферу и прокомментировал ее в «Книге желающего видеть мир», при создании которой исходил из представлений Птолемея и Павла Орозия, жившего в V в. Первый перевод на французский сделан П.-А. Жобером в 1836–1840 гг.

каталонских кораблей, регулярно ходивших в Африку. Далее он оказался среди мусульман Гранады, Малаги и Орана, изучая их обычаи и монетную систему. В 1447 г. он писал своим патронам, что находится в Туате, первом оазисе на дороге в песках; он разговаривал с негоциантами, вернувшимися из более дальних мест, и изъявлял готовность следовать дальше на юг. Больше вестей о нем нет — то ли он был захвачен в плен или погиб по дороге, то ли, что не менее вероятно, его письма затерялись, не достигнув Генуи, либо в бумагах Чентурионе.

Был ли он единственным, кто решился на такую авантюру? Историки великих экспедиций и открытий XV в. хоть и ловили малейший намек, не обратили внимания на флорентинца Бенедетто Деи, который в своей хронике в нескольких словах, не представляя это подвигом, сообщил о своем пребывании в Томбукту в 1470 г. Некоторые полагали, что если бы он по-настоящему осмелился проникнуть в сердце Африки, то постарался бы ярче дать это понять. Но в те времена негоцианты неохотно говорили о том, где они торгуют. Во многих договорах фрахтования указывалось только, что судно поднимет якорь, чтобы идти «за море» или «в страны Востока». К тому же, возможно, Деи не привел дальнейших подробностей о своей авантуре в песках, так как знал, что до него там были другие и что больше говорить об этом незачем. Кажется маловероятным, чтобы в то время, когда миссионеры, купцы и дипломаты проникли в самые глубины Азии и достигли морским путем Китая, африканская Сахара оставалась для западных христиан закрытым, совершенно неизвестным миром. Уже больше века как карты, составляемые каталонцами и генуэзцами, не сводились, как портуланы, к изображению морских побережий и показывали немалую часть африканского континента, до реки Нигер.

Просвещенный человек, гуманист, коммерсант и автор новелл, Бенедетто Деи не был сочинителем небылиц. До нас дошло более четырехсот его деловых писем, получен-

ных во Флоренции и посланных из Рима, Милана, Сиены, Болоньи, Феррары и Лиона. Его хроника, уделяющая много места истории Медичи, упоминает имена восьми компаньонов или посредников их компании в Брюгге, пятерых в Авиньоне и четверых в Лондоне¹. Может быть, он ездил в Томбукту по их поручению, чтобы разведать тропы торговли золотом?

ПОРТУГАЛЬЦЫ В АФРИКЕ

Португальцы снаряжали морские экспедиции вдоль берегов Африки не столько в поисках морского пути в Индию и ради погони за пряностями в надежде обойтись без посредничества мусульман Востока и составить конкуренцию венецианцам, сколько на розыски золота. Генрих Мореплаватель и его рыцари никогда не слышали о мысе, расположенном далеко на юге, а значит, не имели никакого представления о том, как обогнуть Африку.

На западе: *rescates* и Золотой Берег

Португальцы в 1415 г. захватили Сеуту и несколько позже построили близ Гибралтара и на атлантическом побережье цепь фортов, *presides*. В 1436 г. их король официально заявил, что собирается исследовать эти земли морским путем, чтобы войти в непосредственный контакт с продавцами «арабского» золота. В том же году он объявил, что любой, кто ввезет золото, будет полностью освобожден от таможенных сборов, если задекларирует его на Монетном дворе. Каравеллы пошли вдоль берега Марокко, пройдя намного южнее Сафи, до широты Канарских островов. Из первой вооруженной экспедиции (*rescate*) вглубь

¹ De Roover R. The rise and decline of the Medici Bank: 1397–1494. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1963. P. 296, 315, 331. — Pisani M. Un avventuriero del Quattrocento: la vita e le opere di Benedetto Dei. Genova, Napoli, Firenze: F. Perrella, 1923.

материка моряки привезли только кожу, воск, камедь и жалкие кусочки золота. В 1444 г. в Аргене, намного дальше, они захватили рабов, а потом возвели форт, куда берберские купцы, выходя в Уадане с большой пустынной тропы, привозили на продажу черных рабов (от восьмисот до тысячи в год), а также много золотого порошка для обмена на зерно, сукно и холст, восточные пряности (перец, гвоздику, имбирь), шафран, а также служившие им монетами бусы из сердолика — красной разновидности агата и из кораллов, добываемых в португальских владениях¹.

Через два года люди Генриха Мореплавателя обнаружили дельты рек Черной Африки. Они не сумели подняться по Сенегалу, не одолев пороги реки и столкнувшись с враждебностью тукулёров и волофов, но на своих небольших судах водоизмещением в 50–60 т прошли реку Гамбию очень далеко вверх по течению: «Мы оставались там две недели, и очень много негров с обоих берегов реки приходило на наши суда, одни — просто посмотреть на нас, другие — чтобы продать нам какие-то продукты, золотые кольца и слоновую кость. Они приносили также хлопчатобумажные ткани, одежды, вытканные на их лад, одни белые, другие в бело-синюю полосу, третьи красные, четвертые красно-белые, сделанные очень хорошо. Они показывали нам также обезьян и бабуинов, больших и маленьких, которые очень распространены в этих землях. Мы давали взамен малоценные вещи. Они предлагали нам мускус почти даром и всевозможные плоды, в том числе мелкие дикie финики, не очень хорошие»². Еще дальше, на какие-нибудь семьсот километров вдоль побережья: «За началом реки мы увидели людей на правом берегу, направились к ним и вступили в мирные переговоры с этими людьми, вождя которых звали

¹ Об этой атлантической авантуре и о торговле см.: *Magalhães Godinho V. de. L'économie de l'Empire portugais aux XVe et XVIe siècles.* Paris: SEVPEN, 1969.

² *Ca da Mosto A. de. Relato de los viajes a la costa occidental de África / Trad. de J.F. Machado.* Lisboa: Academia Portuguesa de Historia, 1948, цит. по: *Jobson R. The golden trade, op. cit.* P. 252–253.

Фарисунгул, и он был великим государем этих негров. И выменяли массу золота (около 182 кг) на наши товары, а именно ткани и *manilles* (медные браслеты). Однако у властителя был некий негр, знавший всю страну, и я попросил его идти со мной до Канторы и хотел дать ему плащ, рубашки и все необходимое»¹. В Кантору, на большой рынок, обнаруженный в 1448 г., приезжали торговцы из народности мандинка, тратя на дорогу по пять-шесть месяцев, чтобы продавать золото. Хорошо осведомленные о стоимости товаров, мерах, весах и монетах, привозя с собой очень точные весы, они меняли золото на лошадей, хлопчатобумажные ткани, медные котлы и тазы, стеклянные или коралловые бусы, раковины, орехи колы и на зонтики»².

После смерти Генриха Мореппавателя продвижение на юг не замедлилось, и королевские рыцари жестоко соперничали здесь с авантюристами-мореходами. Фернан Гомиш, богатый негоциант, получил монополию на торговлю с Гвинеей в обмен на обязательство ежегодно разведывать посто льё побережья. Король возвел его в дворянское достоинство, дав титул «да Мина» [копь], явственно связанный с торговлей золотом; на его гербе изображались три головы негров в золотых ожерельях и с золотыми серьгами в носу и в ушах. В 1471 г. два рыцаря из Сантарена обогнули мыс Три-Пойнтс и впервые совершили *rescate* в эту часть побережья, позже названную Золотым Берегом. Вскоре купцы стали привозить драгоценный металл, добытый в многочисленных копях, которые были разбросаны на обширной территории, то довольно близко к берегу, то намного

¹ Nunes de Sousa M. J. A escravatura no início da Expansão: métodos de aquisição e exploração do tráfico // *Congresso internacional Bartolomeu Dias e a sua época: actas*. V. 3: Economia e comércio maritime. Porto: Universidade do Porto, 1989. P. 197–216.

² Португальцы прочно обосновались в Канторе и оставались там более века, до 1580–1590-х гг. Андре де Алмада, автор «Рассказа о Гвинее и ее описания», написанного в 1594 г., еще видел их за делом: «У них там фактория, которую называют *rescate* Канторы, и там они извлекают золото из этой страны».

далее, в глубине материка, до самой Верхней Вольты, ныне Буркина-Фасо, то есть окрестностей современного Уагадугу. Для защиты этой торговли решили построить форт. После первой неудачи, связанной с сильными дождями, нападениями пиратов и разбойников, сопротивлением туземных торговцев, которые усмотрели подрыв своей коммерции, король лично организовал следующий поход. Он снарядил две каравеллы и два больших корабля, наподобие урок германской Ганзы, какие брали на борт соль в Сетубальском заливе, посадил в них воинов, сотню каменщиков и плотников, погрузил большое количество блоков тесаного камня и черепицы. Планы «замка» были разработаны в Лиссабоне. Названный Сан-Жоржи-да-Мина, форт был выстроен за несколько недель (в январе-феврале 1482 г.) и вскоре получил статус города, доступ в который был совершенно безопасным и из которого к кораблям регулярно ходила шлюпка. До освоения копей Нового Света он оставался главным рынком золота для всех жителей Пиренейского полуострова, а тем самым и для всей Западной Европы¹. Для оплаты здесь использовали не монеты, а *manilles*, латунные браслеты. Чтобы обеспечить себя ими, португальцы были вынуждены закупать много немецкой меди в Брюгге и Антверпене.

Говорить, что они мечтали только достичь Индийского океана, значит не понимать инструкций короля и важности торговли драгоценным металлом. Это значит также не учитывать, что португальцы строили, намного южнее на том же побережье или в глубине материка, и другие укрепления — опорные пункты для колониальных экспедиций, давших им власть над королевствами Конго и Анголы.

Торговля золотом находилась под строгим контролем чиновников африканских факторий и «Каза да Мина» [Палаты

¹ *Lawrence A. W.* Trade castles and forts of West Africa. London: J. Cape, 1963. — *Pereira J. C.* Le troc de l'or à Mina pendant les règnes du roi Jean III et du roi Sébastien. Paris: Fondation Calouste Gulbenkian, Centre Culturel Portugais, 1990.

копи], могущественного торгового и финансового учреждения в Лиссабоне. Только командиры и солдаты, должностные лица и служащие короля имели право покупать золото и погружали его для доставки в Лиссабон в опечатанных сундуках на суда, которые охранялись на якорной стоянке и обыскивались перед отплытием. На рубеже XV–XVI вв. в Португалию ежегодно поступало от четырех до шести тысяч двойных золотых монет. Для одного путешествия всего на одной-единственной каравелле был зарегистрирован груз весом 4500 фунтов.

И тем не менее сколько было контрабанды и злоупотреблений! История этой торговли изобилует королевскими предупреждениями, расследованиями и процессами над купцами и финансистами, преступившими закон. Право торговать в Сьерра-Леоне предоставляли крупным negociantes на три года; незаконная торговля, тайная, сложная, происходившая окольными путями, которых никто не мог взять под контроль, обогащала контрабандистов. Немало жителей островов Зеленого Мыса, Сан-Томе и Мадейры участвовало в таких *rescates mandingues* [вылазках в земли мандинка], быстрых и скрытых, избегая наказания. На этом берегу купцы желали получить раковины и жемчуг, и когда все это собирали в африканских морях, такие операции совершались за пределами больших торговых маршрутов и ускользали из-под контроля Лиссабона. Больше всего ценились большие красные раковины, *conchas vermelhas*, — негры их ценили наравне с драгоценными камнями. В Сан-Жоржи-да-Мина всего за одну такую раковину давали золота на двадцать-тридцать двойных монет. Монополии, утвержденные королем, можно было обойти сотней различных способов. Авантюрист, имеющий лодку, занимался самостоятельным обменом, если у него было хоть несколько раковин.

Африканское золото, отныне более обильное и дешевое, чем прежде, провоцировало также другие авантюры и орошало другие рынки. Испанцы с Канарских островов, зная,

как ценятся раковины, добываемые в их водах, направляли в Гвинею и свои суда. Король Кастилии попытался поставить эту торговлю под свой контроль, чтобы подчинить ее фиску, но потерпел неудачу и ради сохранения мира предпочел договориться с королем Португалии. 22 января 1498 г. он приказал наместникам «королевских островов» (Пальма, Гран-Канария и Тенерифе) запретить кому-либо возить раковины в «*Miná de oro*»; груз каждого судна должен был проверять уполномоченный короны Антонио де Пеньялоса, составляя подробную опись. Через несколько месяцев запретили *rescate* в любом виде; больше никто не имел права отправляться в земли Африки, чтобы получать там золото или рабов за зерно и серебро. Наконец, в 1511 г. под королевский контроль подпал и сбор раковин.

Королевские корабли караулили у берегов, но пираты крейсировали в открытом море. В Севилье судовладельцы и капитаны продавали свои услуги итальянцам, фламандцам и англичанам. В 1475 г. одно фламандское судно, которое вел испанский лоцман, достигло побережья Африки и приняло на борт золото на сумму от пяти до шести тысяч двойных золотых монет... но потерпело крушение на Перцовом берегу¹. Через четыре года Эсташ де ла Фосс, комиссионер одного купца из Брюгге, внимательно следившего за этой торговлей золотом, сел в каравеллу, которая тайно отплыла в Андалусию; к ней присоединилось еще одно судно, и оба нагрузились золотом на Гвинейском побережье; их перехватили четыре португальских корабля, суда и груз были подвергнуты досмотру и конфискации. Известно также, что португальскими экспедициями в Африке интересовались агенты Медичи в Брюгге; они были знакомы и общались с людьми из свиты Изабеллы Португальской, супруги герцога Бургундского, и охотно ссужали их деньгами,

¹ На этом берегу португальцы грузили на суда зерна малагетты, называемой также райскими зернами или гвинейским перцем. В первое время думали, что их можно будет использовать в качестве приноски так же, как перец с Дальнего Востока, но их качество оказалось намного хуже. Эти зерна нашли также применение в медицине.

рассчитывая получить от этого пользу. Эти тайные связи не остались незамеченными, и считается почти бесспорным, что таким образом, помогая фламандским пиратам, Медичи намеревались включиться в эту торговлю. В письмах, которые Медичи писали в Брюгге из Флоренции, открыто говорится о «большой гвинейской авантюре».

Красное море и Мономотапа

История или, может быть, легенда утверждают, что португальцы, пройдя мыс Доброй Надежды, имели в голове только одну мысль — найти лоцмана, который отвел бы их в Индию, и загрузить там на борт перец. Но говорить так — значит придавать слишком большое значение поискам морского пути в Индию и рынкам пряностей. Если учесть старания португальцев пройти далеко на север вдоль побережья Восточной Африки, представляется очевидным, что для них гораздо важнее было найти новые золотые копи. Джироламо Серниджи, итальянский купец, сопровождавший в 1498 г. Васко да Гаму, описывает большую деревню, населенную неграми, и удивляется, обнаружив там большое количество золота. Говоря о том же регионе, Фраканцано да Монтальбоддо, автор «*Paesi novamente ritrovati*» [Недавно найденных стран], писал в 1500 г., что видел город Софалу, «населенный маврами, где золото поступает с гор, от другого народа, не мавританского. Тамошние люди имеют маленькое и крепкое тело; говорят, что они жестоки, что они едят тех, с кем воюют, и что коровы царя носят на шее массивные золотые ожерелья». Этот автор не сказал ни слова ни о дороге в Индию, ни о пряностях.

Через пять лет, в 1505 г., Бальтазар Шпренгер, служивший в то время у Антона Вельзера из Аугсбурга, занял место на одном из кораблей флота, которым командовал Франсишку ди Алмейда; в рассказе о своем путешествии он описывает, как расспрашивали местных жителей, выясняя, где находятся копи, и как вели себя с теми, кто торговал

золотом: «Им задали много вопросов о руднике в Софале (к югу от Замбези), но в тот момент там шла война, и потому из этой копи золото не поступало. В разговоре с нами они утверждали, что в прежние годы корабли из Мекки и Джидды и многих других мест увезли с этой копи золота на два миллиона прекрасных монет. Есть книги и рассказы, уверяющие, что именно на эту копь царь Соломон ездил раз в три года, забирая очень много золота». Португальцы общались с арабскими купцами, которые меняли маврам, приезжавшим из глубины материка, кипы хлопка и штуки шелка на золото, ничего не измеряя. Они никогда не отправлялись на поиски копей, но выяснили, где есть месторождения: в Манике, которая находится в долине, окруженной высокими заснеженными горами, и намного дальше, в королевстве Ботона, защищенном большой и высокой стеной, — туда месяц ходу от побережья. В 1506 г. Педру ди Анайя, командуя сильным флотом, снаряженным в Лиссабоне, захватил Софалу, где его люди немедленно соорудили крепость, в точности напоминавшую Сан-Жоржи-да-Мина на побережье Западной Африки.

Гонка за пряностями никогда не побуждала к таким усилиям, не мобилизовала столько людей и не приводила к оснащению таких больших флотов. Историки, очарованные экзотикой и пряностями, не придают никакого значения колонизации и созданию вассальных государств — как и на побережье Западной Африки. А ведь авторы наших книг могли бы рассказать о соглашениях с народами, живущими в глубине материка, и проявить интерес к Мономотапе (это слово значит «господин копей»), империи банту, которая, образовавшись в IX в., контролировала дороги из копей внутрь материка. И главное, мы сознательно игнорируем тот факт, что эти португальские экспедиции в Индийский океан, доходившие до самого Красного моря, были военными экспедициями, снаряженными, чтобы нападать на турок и пресекать их попытки завоевания территорий на африканском континенте. В 1517 г. был захвачен и сожжен

город Зейла, фактория на Красном море, где мусульмане обосновались с 1150 г. 12 февраля 1541 г. на континенте высадилось четыреста человек под командованием Криштована, четвертого сына Васко да Гамы, которые сумели достичь Эфиопского нагорья и в 1543 г. нанесли тяжелое поражение эмиру, желавшему подчинить христианское королевство Эфиопию (то самое королевство, которое наши тексты называют королевством пресвитера Иоанна). Таким образом, христианскую Эфиопию от мусульманской оккупации освободил флот, о котором мы обычно говорим, что он был снаряжен и отправлен в дальний поход, чтобы привезти в Лиссабон груз перца.

СЕРБИЯ И ЧЕХИЯ, СЕРЕБРЯНЫЕ КОПИ

Испания, Португалия и, за счет перераспределения, Генуя и Флоренция контролировали торговлю золотом; что касается венецианцев, они получали по морю серебро, добытое на копях Сербии, а по суше, благодаря немецким купцам, — серебро из Чехии и Саксонии.

Царь Сербии издал написанный на славянском и немецком языке «Закон о рудниках», чтобы защитить права владельцев и регламентировать условия труда при добыче и промывке руды и выплавке металла. Копи сдавались в аренду деловым людям, почти исключительно уроженцам Рагузы, которые набирали саксонских рабочих. Прямо на месте чеканили византийские монеты, а затем отправляли их в Константинополь. Другая часть металла, «белое золото», или «*argento de galma*» (электрум¹), шла на далматинское побережье, а оттуда благодаря непрерывной и активной торговле — в Венецию и ее монетную мастерскую. Опасаясь пожаров, поскольку там происходило литье

¹ Сплав золота и серебра очень переменного состава, который встречается в самородном виде.

металла, эту мастерскую устроили в квартале, удаленном от центра, который называли *getto* — так называлась особо деликатная операция, состоявшая в заливке расплавленного металла в формы¹. Сразу после своей победы на Косовом поле в 1389 г. турки наложили руку на копи этого района, о котором говорили, что там «вся земля — серебряная копь». Генуэзец Джакомо ди Промонторио, который провел в балканских турецких провинциях несколько лет, говорит о копиях в Приштине, Кратове, Ново-Брдо, Сребренице и подробно описывает работу (добычу и выплавку) на копи в Глухавице, которой совместно управляли турецкий кадий и сербские уполномоченные, оставшиеся на месте. В 1475 г. ее передали в аренду одному рагузскому финансисту за 360 тыс. дукатов, венецианских монет, и Промонторио утверждает, что эти деньги позволили султану построить и вооружить новый военный флот.

Когда сербского металла стало меньше, венецианцы сильнее заинтересовались продукцией Центральной Европы. Копь в Кутной-Горе, к востоку от Праги, разрабатывавшаяся еще с начала XI в. (настолько успешно, что там на месте чеканили серебряные монеты), пережила сильный подъем, когда в последние годы XIII в. один знатный приближенный чешского короля Вацлава II основал совсем рядом, в Седлеце, цистерцианский монастырь, подчиненный аббатству Моримон², которое прославилось искусством обработки металла. Тысячи немцев поселились в городе, где построили большую церковь и мощные укрепления. В 1302 г. по указанию короля был составлен кодекс «*Jus regale montanorum*» [Право горной регалии], свод законов о труде в копиях, и началась чеканка серебряных грошей — монет, получивших в империи хождение как «пражские гроши».

¹ В этом *getto*, от которого происходит наше слово «гетто», жили в том числе и евреи, и с тех пор этим словом стали называться кварталы, где жила еврейская община, также в других городах.

² Цистерцианское аббатство на территории Френуа-ан-Бассиньи, в современном департаменте Верхняя Марна.

После того как дважды, в 1422 и 1424 гг., Кутну-Гору разорили и сожгли гуситы, монеты чеканить там перестали и прекратили работу на заброшенных копиях, производительность которых падала все больше. Тогда новый подъем испытали саксонские копи в Мариенберге, Фрайберге и Шнеберге, где в 1478 г., по преданию, нашли «серебряный стол» — большую глыбу серебра весом в четыре современных тонны. Руду обрабатывали на месте методом амальгамации, который известен был, похоже, издавна, но который значительно усовершенствовали, чтобы получать почти чистое серебро. Немалая часть очищенного металла отправлялась в Италию через альпийские перевалы, через которые была проложена новая дорога для тяжело нагруженных караванов мулов или лошадей. В Венеции это серебро доставлялось в импозантный «Фондако деи Тедески» и складировалось там.

Саксонские копи создали состояние финансистам Ульма и Аугсбурга. Фуггеры брали их в аренду для эксплуатации, поставляли на них машины и контролировали рынок¹. Это производство, где руду очищали методом амальгамации, сильно нуждалось в ртути, которой не было ни по соседству, ни в сравнительно близких горах. За ней обращались на копи в Альмадене, в Юго-Западной Кастилии, и вскоре ее рынок оказался в руках генуэзских дельцов, обеспечивавших ее вывоз морем через Севилью. Из Генуи ртуть переправляли дальше, по преимуществу в Германию, но также во Флоренцию, в Брюгге и в торговые порты Востока, на Хиос и в Сирию. Грузооборот был значительным: по соглашению, подписанному в 1475 г. с морскими таможенниками, финансисты, получившие концессию на разработку альмаденской

¹ Конкурентов у них не было. Конечно, залежи искали и в других местах — так, в некоторых областях Италии деловые люди покупали у землевладельцев концессии с правом брать пробы и разрабатывать рудные жилы, если обнаружат. В 1445 г. два генуэзских финансиста по фамилиям Гримальди и Чентурионе арендовали на два года «замок» и земли в Калабрии, в Сан-Донатто-ди-Нинья, близ Козенцы, чтобы искать там ртуть. Неизвестно, нашли ли они ее.

ртути и на торговлю ею, обязывались в обмен на сокращение пошлин выгрузить в порту Генуи не менее 500 *кантаров* (сегодняшние 24 т) ртути в течение пяти месяцев и за тот же период поставить равное количество киновари — кристаллического сульфида ртути, служившего в качестве красного красителя.

Французский король Карл VII попытался покончить с этой квазимонополией венецианцев на торговлю серебром и на торговые связи с Востоком. Тогда же, когда он приказал оснащать «Галеры Франции», чтобы, как полагали, составить конкуренцию венецианским галерным караванам, он также велел хоть как-то возобновить разработку старинных серебряных копей в Лангедоке и в Лионской области. Жак Кёр, начальник монетных дворов, обладал солидным опытом в легировании, литье и чеканке. Ему приписывали открытие новых месторождений, а также метода очистки руды для получения почти чистого серебра — метода, который он якобы держал в секрете; некоторые эзотерические девизы, выбитые на стенах его особняков в Бурже и Монпелье, якобы изображают формулу, которую надо расшифровать, чтобы узнать этот метод. Похоже, он интересовался недавно открытыми копиями под Сомьером, недалеко от Нима¹. В Лионской области в 1444 г. как откупщик «королевской десятины», пошлины, собираемой с серебряных копей, он создал компанию вместе с Жаном

¹ Это представляется правдоподобным, если учесть его активную деятельность в Монпелье, где он приобрел три дома. *Combes J. La monnaie de Montpellier et les gisements d'or et d'argent dans les Cévennes méridionales au XVe siècle // Mines et mineurs en Languedoc-Roussillon et régions voisines; de l'Antiquité à nos jours: actes du XLIXe Congrès de la Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon: Alès, 22–23 mai 1976. Montpellier: Centre national de la recherche scientifique, 1977. — Bailly-Maître M.-C. L'argent: du minerai au pouvoir dans la France médiévale. Paris: Picard, 2002. — Mines et pouvoir au Moyen âge: actes de la table-ronde de Lyon, 15 mai 2002 / sous la direction de M.-C. Bailly-Maître et J.-M. Poisson. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2007.*

и Пьером де Вилларами, лионскими менялами и банкирами. Через шесть лет, в 1450 г., Жак Кёр взялся вместе с тремя братьями Баронна, лионскими негоциантами, за разработку месторождений в Шисьё, Сен-Пьер-ла-Палю и Жу-сюр-Тарар. В следующем году для другой «горы», Пампальё, он нанял мастера-рудолопа и мастера-литейщика, став тем самым одним из «могущественных и богатых людей, которые берут на себя риск оплатить расходы». Все было запущено, шахты и галереи залиты водой, но вскоре на всех четырех «горах» работа возобновилась. Начальники рудников приехали из Чехии или Германии, набравшись опыта на копиях аугсбургских финансистов. Ответственные за подземные работы, геометры, нивелировщики, «горные мастера», плотники, «проходчики» и «крепильщики» тоже приехали из Германии, так же как несколько сотен рабочих, поселенных в «особняки» (*ostels*), в каждом из которых была общая спальня, залы и мастерские, сады, огороды, а также капелла, где по воскресеньям служили мессу.

Занимая в Бурже важную государственную должность сборщика королевских налогов, Жак Кёр не был хорошим хозяином предприятия. Даже до того, как он оказался в опале, работы на трех копиях прекратились. Когда король в 1454 г. велел сделать расчеты, выяснилось, что копь Шисьё «в плохом состоянии и весьма дурно закреплена деревом и что уже почти четыре года как на ней не работают, потому что она копь не оказалась прибыльной и больше требовала расходов, чем приносила доходов». Как и производство шелка в Лионе, начатое по приказу короля, как «Галеры Франции» и левантийская торговля, государственное предприятие, порученное чиновникам, которые тратили на него недостаточно времени и которым не хватало знания дела, попытка разработать копи потерпела крах. Компаньоны хранителя королевской сокровищницы, часто отсутствующие, слишком занятые другими делами, полностью положились на бухгалтеров, которые, чтобы запутать дело, прибегали к «подлогам, умолчаниям

и неучтывым приемам»¹. При ликвидации выставить на продажу удалось только бедную мебель, а из металла — четыре бруска свинца, но не серебра.

¹ *Luce S.* De l'exploitation des mines et de la condition des ouvriers mineurs en France au XVe siècle // *Revue des questions historiques*. XXI (1877). P. 189–202. — *Joly A.* Établissements de Jacques Cœur dans le Lyonnais // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 89 (1928). P. 70–80. 93 (1932). P. 314–330.

ГЛАВА II. ОБМЕН

«КРАСИВЫЕ» МОНЕТЫ, ВЕС И ПРОБА

«Хорошие» монеты вольного города имели с одной стороны герб коммуны, а с другой — изображение святого покровителя города. На «хороших» монетах монарха, которые часто чеканились в честь его восшествия на престол или победы над врагом, были его имя и портрет. Карл Анжуйский, едва в 1266 г. пришел к власти в Неаполе, велел чеканить золотые монеты в Барлетте, а через несколько месяцев в Капуе запретил использовать так называемые швабские золотые монеты, «августали» Фридриха II. Его собственными монетами, где указывался его титул короля Неаполя и Сицилии, были золотые «реалы» и «полуреалы», которые в Италии называли также *карлино* — «монеты Карла»¹. В 1276 г. он основал в Неаполе королевскую монетную мастерскую: «Поскольку мы озаботились, чтобы золотых дел мастера и мастера-монетчики из наших сиклей² в Бриндизи и в Мессине прибыли в Неаполь и занялись бы чеканкой золота, каковая будет совершаться на сей земле, где мы

¹ По-французски это название превратилось в *carlin*. Но слово означало еще и породу собак, карлинов, именуемых также мопсами (*challois*, сегодня так называются мастиффы), и из-за смешанного употребления обоих слов во Французском королевстве монеты неаполитанских Анжуйцев стали называть «мопсами».

² Слово *sicle* означало «монетная мастерская» и служило переводом слова *zecca*, обычного во всей Италии, особенно в Венеции и в Генуе.

правим, то мы повелеваем, чтобы вы купили или заказали угля и красной земли и возвели мастерские и печи на деньги из нашей казны. И чтобы вы оборудовали все необходимое для чеканки и для охраны работ по чеканке золота, и потщились бы не допустить никакого изъяна в этой работе. И знайте, что если в изделии найдется малейший изъян по причине вашего небрежения или лености, отчего изделие не будет соответствовать нашей воле, мы заставим вас платить собственными деньгами. Далее, мы желаем, чтобы вы платили золотых дел мастерам и монетчикам справедливое жалованье деньгами из нашей казны, без возражений». Начальником монетных дворов король назначил Франческо Формику из Флоренции с жалованьем восемнадцать золотых унций в год (унция весила восьмую часть марки, то есть 600 г). На одной стороне этих карлино изображалась сцена Благовещения, на другой — королевский герб¹.

Монархи и города чеканили золотые монеты: флорины или дукаты Апостолической палаты в Авиньоне, а потом в Риме, флорины Германской империи, а потом Венгрии, английские «нобли», бургундские «лионы». Во Франции золотым экю, крупной монетой весом 4 г, пользовались только высшие сановники из королевского окружения. Первая золотая монета широкого хождения, «малый королевский золотой», датируемая царствованием Филиппа Красивого, была выпущена в обращение в 1290 г. Но обычным делом использование золотых монет стало в королевстве лишь позже, с выпуском в 1360 г. золотого франка Иоанна II Доброго.

¹ *Documents en français des archives angevines de Naples (Règne de Charles Ier)* / Publiés par A. de Boüard. V. I: Les Mandements aux Trésoriers, n° 28, 29, 46. Paris: E. de Boccard, 1933. Цит. по: *Villes d'Italie: textes et documents des XIIe, XIIIe, XIVe siècles* / Sous la direction de J.-L. Gaulin, A. Jamme, V. Rouchon-Mouilleron. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2005. P. 204–206. См. также: *Mildenberg L. Quelques réaux d'or inédits de Charles Ier d'Anjou, roi de Sicile (1266–1285)* // *Revue numismatique*. Ser. 6. Vol. 7 (1965). P. 306–309.

Венеция, отставшая в выпуске золотых от Флоренции и Генуи на тридцать лет, уже произвела оздоровление монетной системы, отчеканив в 1201 г. «хорошую» серебряную монету весом немногим более 2 г. За ней последовали Милан, Генуя, Болонья и другие города, и вскоре мастерские Запада, вплоть до венгерских и польских, тоже выпустили в обращение «хорошие» серебряные монеты. Так биметаллизм золота и серебра стал нормой на всем христианском Западе.

На этих монетах не было цифр, указывающих на стоимость. Их различали по названиям, которые произвольно давал монарх и город либо сами пользователи. Часто названия были связаны с весом или размером («серебряный грош» [буквально «большой серебряный»], «малый золотой») или с одним из изображений. Последнее можно сказать о флорине, название которого происходит от лилии [*fleur de lis*], и о дукате, монете дожа [*duca*], об английском «нобле» (фигура рыцаря), об экю (герб, от *écu* — щит), о «солнце» [*soleil*] и «мутондоре» [*mouton d'or*, золотой баран]¹. На «бодекенах» и «павильондорах», пятиграммовых монетах, выпущенных в обращение Филиппом VI Валуа в 1339 г., можно видеть короля или князя, сидящего под балдахином, церемониальным навесом. На монете 1346 г., называемой «шездором», чуть более легкой (4,7 г), король сидит на троне, держа скипетр и «длань правосудия». Некоторые монеты получали название от мастерской или от имени сеньора того места, где происходила чеканка: такими были «арнодены», «арнодексы» или «арданненки», которые выпускал в Ажене епископ по имени Арно.

У историков нет единого мнения о происхождении названия «франк» для монеты, отчеканенной в 1360 г.: одни говорят, что ее так назвали в честь возвращения в Париж короля Иоанна Доброго, ставшего свободным (*franc*) после пребывания в английском плену, другие — что слово

¹ Золотая монета, выпущенная во Франции в 1355 г., которую отличали изображение пасхального агнца и надпись на латыни: «Агнец Божий, который берет на себя грехи мира».

«франк» означало свободного человека, сеньора либо воина, ведь выпускались «пешие франки» (*francs à pied*) и «конные франки» (*francs à cheval*) с изображением вооруженного рыцаря.

Названия никогда не имели связи с качеством или стойкостью монеты. Проба, «loi» или «aloi», для золота оценивалась в каратах — монета из чистого золота имела пробу 24 карата, а для серебра в денье — монета из чистого серебра должна была содержать 12 денье серебра. Однако методы очистки позволяли получать металл чистотой в лучшем случае в 11 денье, то есть в одиннадцать двенадцатых, и во Французском королевстве «серебро короля», признаваемое законным, содержало только 11 денье, а иногда всего десять. Потом стали допускать и более низкие пробы — отклонение от нормы называлось «ремедиумом». «Белый денье», выпущенный во Франции в 1365 г., имел пробу четыре денье, то есть чистое серебро составляло треть его веса.

Вес монеты зависел от «нарезки» (*taille*)¹, то есть от количества монет, чеканившихся из марки — весовой единицы, применявшейся только для драгоценных металлов. Во Французском королевстве марка весила 244 современных грамма². Поэтому золотой франк, который чеканили из расчета 64 монеты из марки, весил немногим более 3,8 г. В Англии исходили не из марки, а из весового фунта, как и в Италии, где весовой фунт имел разный вес в разных городах. К тому же одни мастерские брали за основу марку или фунт чистого металла, а другие — марку или фунт сплава; хорошо раз-

¹ В русской монетной системе это «стопа», но во французской системе понятие «монетная стопа» (*piéd de monnaie*) имеет другой смысл и рассчитывается по формуле, приведенной автором немного ниже (*прим. перев.*).

² Для мелких медных монет и монет из плохих сплавов вес указывался в денье и «гранах» (*grain*); гран соответствовал весу хорошего хлебного или ячменного зерна; весовой фунт составлял 16 унций, в каждой из которых содержалось 8 гро, а один гро весил 72 грана; парижский гран приблизительно равен современным 50 мг.

бираться в этой практике и даже извлекать из нее выгоду могли только профессионалы.

При торговле качественными товарами, особенно в международных сделках, пользовались без различия как золотыми, так и серебряными монетами, как отчеканенными уже давно, так и более новыми. Их рыночная стоимость, в некотором роде покупательная способность, постоянно менялась в зависимости от спроса в торговле тем или иным товаром и, чаще всего, от стоимости обоих металлов. Поэтому, чтобы назначать цены и вести расчеты, пользовались такими расчетными единицами, как виртуальные монеты: любая металлическая монета стоила определенное количество таких единиц. На Западе, за редкими исключениями, это были ливр, су и денье¹; один ливр стоил 20 су, а одно су — 12 денье. В Англии су как расчетная единица называлось эстерлином или стерлингом. Таким образом, металлическая монета одновременно имела действительную стоимость (вес чистого металла) и номинальную стоимость, выраженную в расчетных ливрах, су и денье². Каждое государство, каждый торговый город, особенно в Италии, использовали разные ливры, су и денье. Во Французском королевстве, несмотря на усилия королей унифицировать монетный рынок, долго сохранялись две системы — парижские ливр и су, «паризис», и турецкие ливр и су, «турнуа», стоившие четыре пята соответствующих парижских монет. В Лангедоке использовали также так называемые *мельгорьенские* су и денье, соотносившиеся с монетами, которые чеканились

¹ Автор использовал эти термины для всех стран, но при переводе я попытался менять их названия в зависимости от страны (*прим. перев.*).

² Эти слова многозначны, что создавало путаницу: словом «livre» называлась весовая единица (фунт) и счетная монета (ливр); слово «denier» могло означать:

* деньги как таковые: «mes bons deniers» [мои денежки];

* пробу серебра, которая для чистого металла составляла 12 денье;

* расчетную единицу, равную двенадцатой части су;

* серебряную монету, номинальная стоимость которой, выраженная в расчетных единицах, не обязательно равнялась одному денье.

с X в. в городе Мельгёй (современный Могио). Тринадцать мельгорьенских денье стоили двенадцать турецких денье. Эта счетная монета нашла широкое распространение при Гильемах, графах Монпелье, потом, с 1204 г., при короле Арагона, а с 1215 г. ее обеспечивали епископы Магелоннские. Она встречалась в договорах и счетах в сенешальствах Бокер и Каркассон, в Альбижуа и на землях до самого Марселя.

* * *

Когда казна монарха или города сталкивалась с экономическим риском и серьезными трудностями, курс монет в расчетных единицах, особенно серебряных, мог значительно меняться¹. Такие монетные мутации шли в одном или другом направлении, то есть понижая или повышая курс монет в расчетных ливрах, су и денье. Чаще всего принималось решение, что та же самая монета будет в су и денье стоить больше. Значит, после этого каждое су условно выражало меньший вес драгоценного металла.

Ордонансы о монетных мутациях переписывали на «большие грамоты», которые по приказу бальи и сенешалей зачитывали «в обычных местах». В самых отдаленных городах, в частности, в Лангедоке, на это требовалось несколько дней. Поэтому мастера и стражники монетных мастерских

¹ Чтобы выразить стоимость монеты в виде одного числа, менялы и финансисты придумали абсолютно искусственную и виртуальную единицу, учитывавшую одновременно вес монеты, пробу, то есть качество сплава, и курс в турецких су (для Французского королевства). Это была «стопа» (pied). Для ее расчета число монет, чеканящееся из марки, умножали на курс в турецких су и полученное произведение делили на значение пробы, выраженное в двенадцатых долях и умноженное на пять. Так, «белый денье» Карла V, чеканившийся из расчета 96 монет из марки, с пробой $4/12$, стоивший пять турецких денье, то есть $5/12$ су, имел 24-ю стопу: $(96 \times 5/12) : (4/12 \times 5) = 24$; говорили, что такая монета чеканится по 24-й стопе. Если стопа увеличивалась, это позволяло сделать вывод, что монета стоит больше в турецких су и что счетная монета обесценивается, приравниваясь к меньшему весу чистого серебра, — так было проще отслеживать монетные мутации.

немедля давали знать о мутациях менялам, которые, получив сведения раньше простых клиентов, посылали своих приказчиков скупать или продавать в больших количествах серебряные и особенно биллонные монеты. Один меняла, живший в Монтольё, в нынешнем департаменте Од, отмечал у себя в журнале эти мутации словами «прибывает» или «убывает». За период с 1338 по 1358 г. эти записи, сделанные убористым почерком, занимают более трех листов — впечатляющая картина, отражающая как объем полученной информации, так и частоту и значительность монетных мутаций, объявлявшихся королем: они случались два-три раза в год, в 1352 г. — девять раз, а в 1355 г. — четырнадцать раз¹. В то же время в Лондоне курс весового фунта серебра в форме фунта-монеты вырос с 1325 по 1350 г. почти на 50%, но потом сорок пять лет, по 1395 г., оставался неизменным.

Для многих это было тяжелым бременем, а некоторых приводило к разорению. Мутации усложняли одалживание денег: долг возвращали монетами, каждая из которых в су и денье стоила больше, чем занятые, и в результате кредитор получал меньше монет того же веса и той же пробы, чем ссудил. Это могло оправдывать повышение процентов

¹ *Botpaire M.* Un livre de changeur languedocien au milieu du XIVe s. // *Revue numismatique*. 29 (1987). N°6. P. 118–183. Вот выдержка из одного ордонанса: «20 июня 1342 г. король повелел, чтобы денье чистого золота [«ангелы»], чеканившиеся из расчета 38 из парижской марки, отныне чеканились из расчета 42 из марки без перемены и изменения как пробы, так и внешнего вида монеты. Чтобы серебряный турецкий грош с лилией стоил десять су. Чтобы двойной денье [золотая монета] стоил двадцать су. Чтобы марка чистого золота покупалась приблизительно за двенадцать марок серебра, а двенадцать марок серебра — за марку чистого золота. 22 августа 1343 г. король еще ослабил эти монеты и повелел, чтобы денье из чистого золота со щитом имел бы курс 45 турецких су. Белый серебряный денье с лилией — девять денье. Двойной черный паризис — три полушки; новый добрый турецкий серебряный грош — турецких 13 су 9 денье» (*Migne J.-P.* Dictionnaire de numismatique et de sigillographie religieuses. Petit-Montrouge: J.-P. Migne, 1852. Col. 572. [Nouvelle encyclopédie théologique; T. XXXII.]).

при ссуде в рост. В сельской местности, если возврат долга оговаривался не в натуре, а в счетных монетах, то займода-
тель, сеньор или бюргер, после каждой мутации получал все
меньше монет. Когда земли передавались от отца к сыну, то
через сколько-то лет от чинша, то есть арендной платы за
землю, иногда не оставалось почти ничего. Это вызывало
резкую реакцию землевладельцев — сеньоров и бюргеров,
которые добивались от короля мутаций в обратном направ-
лении (так случилось при Иоанне II Добром в 1360 г.) или
требовали пересмотра соглашений и выплаты долга натурой
либо монетами из «хорошего» серебра, что, в свою очередь,
становилось источником недовольства и восстаний дер-
жателей и арендаторов, утверждавших, что их обманыва-
ют. В 1320 г., «когда заволновались многие простолудины,
а именно сукновалы, ткачи, трактирщики и многие другие
ремесленники, заключившие меж собой союз, они двинулись
и обратили свой гнев против одного бюргера, звавшегося
Этьен Барбетт, по совету коего, по слухам, плату за аренду
от них и стали требовать сильной монетой. Они осадили
и взяли приступом усадьбу означенного бюргера, каковая
именовалась Куртиль-Барбетт [садик Барбетт], пожгли ее
и разрушили, а все деревья сада перепортили, изуродовали
и переломали. После этого, вооружившись в большом коли-
честве бревнами и палками, они вернулись на улицу Сен-
Мартен, разбили двери его дома и ворвались внутрь. Бочон-
ки с вином, находившиеся в погребе, они немедленно разлили
по земле, и иные так напились оно́го, что опьянели; после
этого они испортили и разломали на улице мебель, то есть
подушки, сундуки, лари, бросая их в грязь и рассыпая (*sic*)
[...]. Сделав это, они направились прямо к дому тамплиеров,
где как раз обедал король с некоторыми из своих баронов.
Они так плотно осадили дом, что никто не осмеливался ни
войти в Тампль, ни выйти оттуда, а мясо, которое приносили
королю, они кидали в грязь; позже таковые поступки повлек-
ли для них урон и гибель [...]. За то, что они (*sic*) испортили

его мясо и разорили отель Барбетт, король повесил двадцать восемь из них на четырех воротах Парижа»¹.

Эта зависимость от стечения случайных обстоятельств стала настолько невыносимой, что многие итальянские города одновременно с ливрами, су и денье [лирами, сольдо и денаро], уже имевшими хождение, ввели другую счетную монету, называемую «хорошей монетой», постановив, что такая золотая монета будет стоить одно и то же количество сольдо, что бы ни случилось. В Генуе золотой дукат стоил 44 сольдо в «хорошей монете» и переменное, но намного большее количество сольдо в «ходячей монете». Таким образом, в этих торговых городах негоцианты и финансисты пользовались для расчетов двумя расчетными монетами, соотношение стоимостей которых менялось.

ПЕРЕВОЗКИ, МЕТАЛЛЫ И МОНЕТЫ

Венеция целые века оставалась единственным финансовым центром христианского мира, имевшим вполне достаточно как золота, так и серебра; венецианское государство вело широкую торговлю этими металлами, вывозя на рынки, где за них платили дорого, слитки и чаще всего монеты, от которых получала куда больший доход, потому что отчеканенные в ее мастерских монеты вдалеке продавались гораздо дороже, чем стоило их изготовление. Цекка работала больше на экспорт, чем для города и его колониальной империи. Начальники монетных дворов каждый месяц держали «в руках» более пятидесяти тысяч дукатов в золотых и серебряных монетах, а за год — более миллиона. В 1414 г., когда пожар в литейном квартале грозил всё уничтожить, удалось вынести более ста тысяч дукатов

¹ Cartulaire de l'abbé de Camps // *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France, éd. par Michaud et Poujoulat*. Paris: Éditeur du commentaire analytique du Code civil, 1836. Série I. V. II. P. 183.

в «хорошей» монете. Дело было прибыльным, но неизменно зависело от колебания курса драгоценных металлов — еще больше, чем иные виды деятельности зависели от урожая или моды. До 1350-х гг. мусульманские государства средиземноморского Леванта, практиковавшие серебряный монометаллизм, исправно снабжались золотом из Восточной Африки, но ощущали нехватку серебра для литья своих «хороших» монет. В Александрии и Бейруте венецианцы меняли свои серебряные монеты на золото. С начала XV в., когда золото с африканских копей начало становиться на финансовых рынках Запада все дешевле, вектор торговли драгоценными металлами повернулся в обратную сторону. Венецианцы вывезли в Египет и Сирию пятьсот-шестьсот тысяч золотых дукатов, а во Фландрию и в Англию — огромную массу серебряных *сольдино*, эквивалентную двум-трем сегодняшним тоннам.

Для деловых людей золото и серебро были обычными товарами. Негоцианты покупали их, чтобы перепродать в другом месте, иногда очень далеко, по лучшей цене.

С самого начала чеканки флоринов и дукатов флорентинцы и генуэзцы вышли на иберийский рынок золота. Позже, во время Великого раскола Запада, с 1378 по 1415 г., когда Флоренция поддержала римского папу, генуэзцы, верные авиньонскому папе, контролировали перевозку золотых и серебряных монет в Апостолическую палату. Их финансисты, ставшие в Кастилии неотъемлемой частью общества, воспользовались ослаблением королевской монополии и монетными беспорядками, чтобы завладеть многими мастерскими, и иногда не слишком считались с королевскими указами. Генуэзская компания, имевшая мастерскую в Куэнке, в Кастилии, несколько лет подряд чеканила двойные золотые монеты из настолько сомнительного сплава, что испанцы называли их *blanquillas* [белыми].

Только за один 1380 г. двадцать три корабля ввезли в Геную золото для сотни купцов или менял на сумму, оцениваемую более чем в 150 тыс. ливров, и почти всё из

Испании, — 124 тыс. ливров поступило из Севильи¹. Один большой неф взял на борт более десяти тысяч дукатов; в другом около трех четвертей груза, на сумму 38 433 ливра, составляли монеты, слитки, мешки или кошель, полные золотого песка. Этот металл отчасти шел в монетную мастерскую Генуи, *цекку*, но золото и золотые нити питали также крупную экспортную торговлю по суше с Миланом, Германией и ярмарками Лиона или Женевы. Все реестры сухопутной таможни утрачены, и оценить объем этой торговли невозможно, но одно письмо, отправленное коммуной Генуи консулам города Данцига, чтобы известить их о кончине земляка, сообщает, что все оставленное им наследство — это кожаный кошель, содержащий сто сорок «двойных золотых монет Испании и Берберии»². Также известно, что негоцианты Неаполя, Пизы, Генуи и Флоренции вывозили на Восток природное золото или плохой сплав, так называемый «зараженный» (*à bacille*), и часть этого металла, обработанная в Дамаске, возвращалась к западным христианам в виде очень заурядных золотых изделий или посуды.

Каталонцы и итальянцы ездили также на побережье Африки, предлагая в обмен на золотой порошок мелкую медную посуду, стеклянные бусы и раковины, служившие монетами в землях суданских копей. Торговля радужным и цветным стеклом с золотыми нитями вызвала рост производства такого стекла в Венеции, на острове Мурано. Раковины, называемые «каури», поступали из дальней Юго-Восточной Азии, где их собирали в водах Мальдивских островов, везли в мешках на арабских парусниках-бутрах в порты Красного

¹ Другие места, откуда вывозили золото: Неаполь — две тысячи ливров, Сицилия — восемь тысяч, Майорка — четыре с половиной тысячи, Валенсия — 6400 и Барселона — всего девятьсот ливров.

² Об этой торговле иберийским золотом см.: *Gil Farrés O. Historia de la moneda española*. Madrid: Diana, 1959. — *Day J. Les douanes de Gênes: 1376–1377*. Paris: SEVPEN, 1963. О письме, poslanном в Данциг, см.: *Archivio di Stato di Genova. Litterarum registri*. Vol. 10 (1440).

моря, откуда караванщики перевозили их в Бейрут или Каир. Счета этих итальянских купцов составлялись не во флоринах или дукатах и даже не в арабских дирхемах, а исключительно в «двойных упаковках золотого порошка».

Христиане не занимались захватом пленных на африканском побережье: их рабы, особенно рабыни, предназначенные для домашних работ, поступали с Хиоса или из факторий на Черном море. В те времена наряду с Сицилией и Провансом одной из главных житниц приморских городов Италии было государство Тунис. В порту Стора, где грузили зерно из глубины материка, генуэзцы держали нескольких комиссионеров, и один из них имел дом и склад в Константине. Взамен они поставляли, помимо стеклянных бус и медной посуды для транссахарской торговли золотом, шерстяные ткани — не генуэзские, очень посредственные, а английские, которые ценились выше. Они организовали морской маршрут, напрямую соединявший порты Ла-Манша с Северной Африкой и с Востоком. Три-четыре больших нефа, каждый водоизмещением до 600–700 т, ежегодно выходили из Лондона или Саутгемптона, заходили по пути в единственный порт — Кадис и дальше шли вдоль африканского побережья, от Орана до Триполи, иногда останавливаясь в бухтах, где могли стать на якорь лишь в открытом море и выгружались либо загружались только с помощью шлюпок, сновавших между берегом и судном. В бортовых журналах числился груз в сотни тюков «широкого» сукна, почти исключительно синего цвета¹. Фрахт происходил не как обычно, когда сделку заключали заранее в виде подписанного договора, перед отплытием заверяемого нотариусом, — переговоры с купцами, севшими на судно, теперь происходили от случая к случаю, и капитан корабля

¹ Спрос соответствовал моде: на Западе красный как цвет роскошных тканей для двора и некоторых кругов аристократии уступил место синему. Англия стала первым после Фландрии производителем высококачественных сукон, и к тому времени из-за моды на синий цвет началась активная торговля вайдой. Выращиваемая в Ломбардии, в районе Вольтерры, вайда и по весу, и по цене составляла большую

получал деньги только по мере продаж. Непосредственно заинтересованный сбыть сукно, стоившее очень дорого, он без колебаний останавливал судно и тратил время, чтобы найти покупателей, получая взамен зерно или золотой порошок.

Флорентийские компании, обосновавшиеся в Монпелье, получали из Рагузы и Венеции крупные партии серебра из Сербии или Германии, переправляя его в Барселону или Валенсию, в Гранаду и в порты Магриба, чтобы обменять на суданское золото. При таком раскладе золото в Барселоне и Валенсии было намного дешевле, чем в Италии. Оно стоило в восемь-девять раз дороже серебра, тогда как во Флоренции их соотношение было 1:12 и более. Автор одного руководства XV в. по торговле сопоставляет цены в Валенсии с ценами в Венеции, Флоренции, Пизе, Авиньоне и Монпелье и долго убеждает читателя, как выгодно возить серебро в Испанию: «Займитесь этой торговлей, и ваши двойные золотые монеты из Гранады и Тлемсена, купленные в Валенсии за серебро, будут перепроданы в Италии с прибылью в 22%». Менее чем за год, с декабря 1428 г. по октябрь 1429 г., одна-единственная компания в Барселоне получила в форме пяти судовых грузов почти три тысячи марок серебра, то есть 715 кг.

Другие купцы, более предприимчивые и, несомненно, сильнее рисковавшие, без колебаний везли серебро прямо на Восток, где, поскольку мусульманские государства практиковали серебряный монометаллизм, оно стоило еще дороже. Одна из главных статей обвинения на процессе Жака Кёра гласила, что он продал в Александрии Египетской большие партии серебра, не указав этого в своих счетах. Он нарушил королевский запрет на вывоз драгоценных металлов и, кроме того, переплавил слитки хорошей

часть грузов кораблей, выходивших из Генуи в Англию. На африканском берегу мавританские негоцианты тоже хотели получать только синее сукно, продавая его в больших городах или караванщикам из пустыни, которые, со своей стороны, требовали только определенных оттенков. В письмах есть сообщения об отказах от тюков сукна не того оттенка.

пробы, называемые «серебром короля», в более низкопробные. Королевские комиссары заявили, что его приказчики и комиссионеры вывезли на галерах Франции более двадцати тысяч марок серебра. Надеясь избежать наказания, Жан де Виллаж, первый начальник галер, показал, что его господин несколько раз отправлял в Египет серебро в виде как монет, так и посуды. Он сам во время стоянки на Родосе отдал Бернару из Во и Лазарену из Монпелье, купцам, жившим на острове, все серебро, какое у него было, для переплавки. Этот металл, который он после продал в Александрии, имел пробу не более десяти денье¹; на слитках было клеймо серебряных дел мастера, который их переплавил, и оно походило на трилистник, который можно было принять за королевскую лилию.

ФАЛЬШИВЫЕ МОНЕТЫ, ПЛОХИЕ КОПИИ

Фальшивомонетчиков преследовали, потом пытали, заставляя выдать сообщников, и приговаривали к смертной казни на площади под единодушное «ура» толпы. Гораздо меньше рисковали «обрезчики». В мастерских больше не применяли чеканку молотом, как во времена монетной анархии; литье позволяло выпускать на рынок монеты более правильной формы, с очень четкими изображениями и надписями, которые читались безошибочно. Но они не были в точности одинаковыми, и мошенники брали эти монеты хорошей пробы, абсолютно подлинные, соответствующие королевским ордонансам и муниципальным постановлениям, обрезали по краю и переплавляли эти крошечные обрезки в маленький слиток, который несли в королевскую или городскую мастерскую для переплавки и получения

¹ Проба серебра оценивалась в денье, и чистому металлу соответствовало двенадцать денье; серебро Жака Кёра содержало всего пять шестых долей чистого металла.

новых монет. Промысел «орудующих ножницами» принял такие масштабы, что при получении оплаты все внимательно рассматривали каждую полученную монету. Договор на продажу, подписанный в Авиньоне в 1395 г., уточняет, что золотые флорины будут приниматься в оплату только «новые и хорошие». Один купец нанял родственника или приказчика, чтобы взвесить дукаты, «воздавая им должное»; поскольку за эту работу, из расчета по шесть денег за сто дукатов, он заплатил два ливра пятнадцать су, значит, было взвешено девять тысяч пятьсот дукатов. В 1400-е гг. многие мастерские нашли средство против этого приема, гильошируя ребро монеты с нанесением правильной насечки. Однако в жалобах, исках и сатирических рассказах либо в домашних дневниках купцов или обычных людей долгое время упоминались обрезанные монеты и несчастные люди, которым они достались¹.

Флорентийские флорины приобрели такое реноме, что их более или менее успешно имитировали во многих странах. В кладе монет, собранном в коммуне И-сюр-Тий в Бургундии, нашлась одна-единственная французская золотая монета на 113 флоринов, сделанных в 25 разных мастерских: монеты папы Иоанна XXII, отчеканенные в Пон-сюр-Сорг, монеты дофина Савойского, Арля и Оранжа, а также Баварии (мастерская Мильтенберга), Австрии, Чехии, Люксембурга (чеканки императора Карла IV и Вацлава) и Силезии. Один историк-нумизмат насчитал во Французском королевстве не менее 26 монетных мастерских, выпускавших флорины, похожие на флорентийские: более десятка — в долине Роны, остальные — в Бордо, Тулузе, Монпелье, в Дофине, в Лотарингии, в герцогстве

¹ Были ли эти фальсификаторы более многочисленными и дерзкими, чем те, кто сегодня фабрикует и пускает в оборот фальшивые банкноты, по которым Французский банк отказывается платить, оставляя добросовестного подателя жертвой злоумышленников и неспособности государства его защитить? Не факт... Теперь коммерсант может проверить банкноту одним движением. Рискует только клиент.

Бар и даже в Валансьене и Камбре¹. В Кольмарском музее есть золотой флорин короля Венгрии, отчеканенный в 1345 г. Город Кёльн отдал приказ выпускать флорины в 1320 г., а город Любек в качестве начальника монетного двора (минцмейстера) нанял тосканца, чтобы тот показал все, на что способен.

Монет из серебра и недрагоценных металлов было так много, что простые люди, обычные ремесленники и лавочники, принимали иностранные монеты худшей пробы или меньшего веса, чем монеты их города, по той же цене, что и свои. Кое-кто вообще делал коммерцию на таких монетах с завышенной стоимостью. В 1448 г. комиссары короля Карла VII обвинили Жана Жандро, комиссара тальи в городе и шателени Туар, «в том, что за три года или около того он скупил сам или через некоего Фремена Кенье тридцать-сорок тысяч полушек, доставленных из земли Льежа, покупая их по пять-шесть за турецкий денье, и наживался на них, продавая за денье четыре полушки и никогда не пять. Ибо тогда люди попросту не могли разменивать деньги, потому что уже давно не ковали у нас денье, двойных денье, полушек и прочей мелкой монеты, и народ испытывал в них великую нужду или нехватку, ибо бедняки нередко нуждались в полушках для покупки горчицы, свечек и других необходимых им мелочей, не имея чем расплатиться более щедро; и также потому, что люди отнюдь не привыкли использовать оные полушки сообразно их курсу в стране... и [обвинили его в том,] что у одного Кенье были найдены и потом конфискованы несколько фальшивых денье и двойных денье, и за это он был арестован и препровожден

¹ Giard J.-B. Le florin d'or au Baptiste et ses imitations en France au XIVe siècle// *Bibliothèque de l'École des Chartes*. CXXV (1967). P. 94–141. — Bompaire M., Barrandon J.-N. Les imitations de florins dans la vallée du Rhône au XIVe siècle// *Bibliothèque de l'École des Chartes*. CXLVII (1989). P. 141–199.

в тюрьму в Париже в присутствии наших генеральных начальников монетных дворов»¹.

Передача в монетные мастерские слитков, золотого или серебряного порошка и иностранных монет для переплавки была самым обычным делом; никаких объяснений никто не спрашивал, и принесший получал взамен, за вычетом текущего дохода монетчиков, весовой эквивалент драгоценного металла в монетах хорошей пробы. Эта коммерция приобрела такой размах, что трудно представить. Итальянцы ввозили огромное количество более или менее стершихся серебряных монет, чтобы переплавлять или перепродавать у себя в городах. В 1458 г. четыре генуэзских дельца, жившие в Кастилии более восемнадцати лет, заявили перед купеческим судом, что для обхода запрета на вывоз из королевства *бланок* (*blanca*) мошенники записывали вместо них у себя в книгах другие грузы. Чентурионе, генуэзские финансисты, обосновавшиеся в Севилье, в 1451 г. отправили в Геную в восемнадцати холщовых мешках более 160 тыс. монет на сумму в 54 тыс. мараведи. В 1454 г. дож Пьетро Фрегосо осудил двадцать человек за незаконный ввоз в город 33 136 флоринов, а также арагонских *карлино*, папских *гроссо* и других монет на общую сумму 26 тыс. ливров. Карло Ломеллини, со своей стороны, выбросил на рынок более десяти тысяч флоринов. Другой мошенник гораздо более низкого социального происхождения, Раффазэле ди Андора, уроженец Лигурийской Ривьеры, перевез в запечатанных мешках 42 тыс. *карлино*.

¹ Recueil des documents concernant le Poitou, contenus dans les registres de la chancellerie de France. Publ. par P. Guérin. T. IX: 1447–1456. Poitiers: Société française d'imprimerie et de librairie, 1903. P. 90–94. [Archives historiques du Poitou. 32.] Полушка (полденье, maille) — мелкая монета, настолько дешевая, что разменять ее было невозможно (отсюда выражение «иметь полушку, чтобы поделиться»). О конфликтах короля со сборщиками налогов в Пуату ср. также: Favreau R. Les changeurs du royaume sous le règne de Louis XI// Bibliothèque de l'École des Chartes. CXXII (1964). P. 216–251.

ОБМЕН

Зачем?

Никто не мог бы сосчитать всех монет из золота и хорошего серебра, отчеканенных на Западе. В Италии у каждого независимого города были свои монеты, которые, чаще всего сохраняя название, время от времени изменяли вес и пробу. Первые флорентийские флорины, монеты из 20-каратного золота, чеканившиеся из расчета 96 из фунта, весили 3,53 г. Торговые компании для перевозки в филиалы или отделения укладывали их в опечатанные мешки, и поэтому их называли «запечатанными» (*fiorini di suggello*). С течением времени эти монеты становились все легче, иногда даже уменьшалась их проба, и на рынках, особенно на Востоке, их принимали все менее охотно. С 1320 г. город чеканил более тяжелые монеты, «широкие флорины» (*fiorini larghi*), весившие на 10–20% больше. Сходные процессы происходили в Генуе и Венеции. Во Французском королевстве каждый король старался ознаменовать свое царствование выпуском в обращение нескольких новых монет, которые все провозглашались подлинными и хорошей пробы, но имели разный вес. При Филиппе VI Валуа за восемнадцать лет, с 1328 по 1346 г., королевские мастерские начали чеканку одиннадцати видов новых золотых монет. Каждая имела особое название (руайяль, паризис, лион, корона) и вес — от 4,19 до 6,95 г.

К тому же, и прежде всего, жители хорошо брали иностранные монеты, и не только крупные негоцианты, которые через комиссионеров или корреспондентов могли отправить их в страну происхождения, но и ремесленники, обычные горожане, крестьяне и даже бедняки. Посмертные описи имущества, сделанные нотариями, и описи спрятанных кладов, найденных намного позже где бы то ни было на Западе, упоминают изрядное количество разновидностей, иногда до десятка, золотых и серебряных монет разного происхожде-

ния¹. В 1322 г. Жан, виконт де Ломань, привез в Авиньон часть сокровища своего покойного дяди, папы Климента V. Чтобы опознать, сосчитать и оценить эти монеты, пяти итальянским менялам и их приказчикам понадобилось более шести дней.

В 1456 г. сиенский папа Пий II Пикколомини призвал к крестовому походу против турок в надежде вернуть Константинополь. Генуэзцы, мечтавшие поддержать и сохранить Кафу, свою факторию на Черном море, оснастили шесть кораблей, поставленные под начало казначея всего предприятия, епископа Феррарского. Экспедиция отчасти финансировалась за счет пожертвований, собранных двумя монахами-францисканцами, которые в сопровождении двух подручных, ведших ослов и паковавших тюки, отправились в восточную часть генуэзского округа Луниджаны². Выйдя из Специи 28 апреля 1456 г., они вернулись через пять недель и посетили, пройдя путями и дорогами, которые по горному склону вели в Паданскую долину, восемь городков и деревень. Сбор был хорошим, на удивление разнообразным: всевозможные мужские и женские одежды, толстые кожаные пояса по генуэзской моде, совсем новые скатерти и салфетки, простыни и, главное, оружие — арбалеты вместе с ящиками болтов или виретонов, сарбаканы, эсполетты (*espolettes*) и для ближнего боя — мечи, кинжалы и ножи. А также

¹ Клад, найденный в Призьяке (Морбиан) в 1972 г., содержал 286 монет, в том числе два денье Филиппа Августа, три — Филиппа IV, два — Карла IV, девять видов монет Филиппа VI, в том числе 74 гроша с лилией, 103 бретонских монеты девяти видов, а также монеты из Лиможа, Аквитании, Сен-Поль-Труа-Шато, Англии и Вердена. См.: Duplessy J. Le trésor de Priziac (Morbihan): Contribution à l'étude du monnayage de Philippe VI // *Revue numismatique*. 6e sér. 18 (1976). P. 186–223. — Duplessy J. et Groupe «Sources». Un trésor monétaire à l'abbaye de Vauclair (Aisne) // *Cahiers archéologiques de Picardie*. 6 (1979). P. 173–227. См. также издания из серии «Trésors monétaires de la France». Paris: Bibliothèque nationale de France, особенно том 22.

² *Archivio di Stato di Genova*. Sala 34/43. Indulgentie Caffa (1456).

полноценные кирасы, обтянутые сукном или бумазеей, и целый арсенал отдельных частей доспехов и снаряжения: шишаки (горшковые шлемы или арметы), наручи, наплечники, наколенники и стремена. Такие дары натурой могли бы навести на мысль, что эти мужчины и женщины охотно избавлялись от вещей, с которыми не знали, что делать, но было собрано и немало монет, причем не презренной мелочи, полушек или оболлов, а золотых и серебряных монет разного происхождения. В Специи, порту, который в то время славился тем, что принимал награбленное у пиратов и переправлял его на черные рынки тайными путями, которые не могла контролировать коммуна Генуи, монахи собрали более трехсот монет, из которых лишь треть была отчеканена в Генуе, а остальные происходили из Милана, Мантуи, Вероны, Болоньи, Павии, Сиены, Феррары, из Савойи, из папской Апостолической палаты, из Французского королевства и даже с Хиоса. В глубине материка, при равных условиях, был достигнут тот же успех и получен столь же широкий набор — как в городках, где видные генуэзские семейства, Фрегозо, Фьески, Адорно, управляли своими ленами и держали дворы, при которых бывали также судейские чиновники, так и в простых крестьянских деревнях. В Фивиццано, маленьком городке, у жителей которого не было других источников для получения средств к существованию, кроме разведения коз и сбора каштанов, францисканцы получили монеты из Венеции, Мантуи и Сиены, от хороших золотых и серебряных монет — дукатов, флоринов, гроссо — до самой мелочи, которая годилась только для платежей на рынке. В этой деревне, почти оторванной от мира, отдали, судя по описи, сделанной на латыни, 467 флорентийских *кваттрино* (четвертей денаро) и 208 других *кваттрино*, которые составители списка, не сумев идентифицировать, называли *quattrini de capite*, потому что на монетах было выбито изображение человеческой головы, которой никто

не мог опознать. Указано также шестнадцать монет «разного происхождения», без дальнейших подробностей.

Таким образом, все эти монеты, двадцати четырех видов или более, без труда распознали люди, которых, как можно предположить, профессиональные менялы этому не учили. То есть для местности, весьма далекой от путей международной торговли, этот перечень наглядно показывает, насколько сложным был монетный оборот и насколько распространен обычай принимать монеты стран, с которыми жители не имели деловых отношений, но тем не менее использовали эти монеты на родине.

11 июля 1497 г. настоятели церкви Нотр-Дам-дез-Аккуль¹ в Марселе и казначей братства, или «*luminaire*» [буквально: освещения]², Св. Себастьяна заключили договор с двумя художниками, Йосом Лиферинксом и его компаньоном Франческо Фабри³, на роспись алтаря и стен своей капеллы⁴. Художники использовали качественные краски, прежде всего хорошую лазурь, а для покрытия лепки запрестольного украшения — чистое золото. Работу они сделали за 300 флоринов — расчетных монет в Провансе, из которых 150 были выплачены немедленно и оставшиеся 150 — по завершении работы. Нотарий записал, что первая выплата была произведена при свидетелях в виде трех золотых дукатов «*de camega*» (Апостолической палаты), фрагмента (*pesia*) дуката, девяти «широких дукатов» (флорентийских), одиннадцати обычных флорентийских флоринов, трех экю французского короля, шести авиньонских

¹ Это была одна из самых старинных и самых престижных церквей Марселя, располагавшаяся в сердце города, недалеко от Старого порта.

² Они назывались так потому, что деньги, собираемые в складчину или получаемые от пожертвований, служили прежде всего для покупки свеч.

³ Вероятно, автор имел в виду Бернардино Сисмонди (прим. перев.).

⁴ *Albanès J.-H. Josse Lifferin, peintre marseillais du XVe siècle//Bulletin du comité des travaux historiques. Archéologie. 1884. № 3.*

флоринов, а остального — «в *тестонах*¹ и прочих хороших монетах, должным образом подсчитанных при свидетелях». Несомненно, заказчики платили деньгами, полученными от сборов или взятыми в кружке для пожертвований («ящике», как тогда говорили), стоящей при входе в капеллу.

Йос Лиферинкс, обосновавшийся в Марселе четыре года тому назад, женившийся на дочери местного художника, создавший артель с Бернардино Сисмонди, пьемонтским уроженцем из диоцеза Турина, приобрел хорошую репутацию и смог добиться, чтобы половину положенной суммы ему заплатили авансом уже по заключении договора, хотя чаще всего такие договоры, называемые «подрядами», предусматривали оплату в большее количество этапов. Несомненно, именно поэтому здесь так точно и указали названия монет, переданных из рук в руки, — сорока монет из семи разных мест, неодинакового веса, пробы и стоимости, которые надо было оценить и подсчитать, чтобы получить в сумме 150 флоринов. Потратив много слов, долго торговавшись и добившись согласия, добровольного лишь наполовину, Лиферинкс был очень рад, что так быстро получил половину причитающейся суммы².

На самом деле можно сказать, что для каждой сделки, даже самой рутинной, при переговорах о цене обсуждался, несомненно, в том числе и выбор платежной монеты.

¹ Называвшихся так потому, что на них была изображена голова монарха. Они появились в Италии в XV в. Во Франции первые начал чеканить Людовик XII в 1513 г.

² Это была обычная практика. В 1455 г. один флорентийский художник отметил в своих записях, что получил заказ на алтарную картину, и уточнил: «Должен закончить ее к 15 декабря, а они мне должны дать на золото, краски и за труд 480 лир — 40 тут же, 40 в апреле и по 20 в месяц, пока не сдам картину и пока не будет передана сумма в 480 лир. Догворился с оными в этот самый день, и ради ясности мы это записали — договор записан рукой Сильвестро Спини и моей».

Уметь считать

Большое разнообразие монет не мешало хорошему ведению дел во времена, когда каждый город использовал меры и весы, каких больше нигде не встречалось. Отчет парижских мерильщиков, заказанный королем в 1330 г., предписывал виноторговцам применять только разрешенные меры и перечислял объемы бочек: гасконская бочка должна содержать 6 мюидов 10 парижских сетье, бочка из Сент-Анжели — 6 мюидов и всего 8 сетье, испанская — 6 мюидов и 6 сетье... и еще шесть бочек¹. Оценить водоизмещение судна, даже только в Средиземноморье, было настоящей головоломкой. В каждом порту его измеряли в мерах объема для легких продуктов и в мерах веса для крупных и тяжелых грузов. Водоизмещение одного и того же корабля могло оцениваться, в зависимости от порта, сначала как 160 т, потом как 300 «вежет» (мера объема, составлявшая, в зависимости от места, от 10 до 15 баррелей) и, наконец, как 3000 «кантаров» (единица веса, равная 47 кг).

При заключении обычных сделок люди того времени, от самых деятельных негоциантов до простых ремесленников и крестьян, оценивая, сколько стоят товары и услуги, а потом все складывая, постоянно производили такие расчеты, с какими мы сегодня едва ли справились бы без компьютеров и программного обеспечения. Ни один текст той эпохи не упоминает монетных единиц, мер и весов, которые были бы кратны десяти или ста, — так же как стоимость ливра в качестве счетной монеты и как монетные пробы, все они были кратны двадцати четырем, двадцати или двенадцати. Во многих приморских городах Италии каждый член товарищества, особенно если оно занималось оснащением судов и организацией фрахта, владел одним или несколькими из двадцати четырех паев своей компании, которые нотариусы обычно называли *carati*. Но ни в актах, ни в договорах

¹ Renouard Y. Recherches complémentaires sur la capacité du tonneau bordelais au Moyen Âge // *Annales du Midi*. 68 (1956). P. 195–207.

никогда не говорится о компаньоне, который имел бы пять или десять процентов капитала, и доход кредитора, ссужавшего деньги, никогда не выражался в процентах в смысле сотых долей. Деловые люди использовали в расчетах только простые дроби, обычно третьи, четвертые или восьмые части. Такой способ подсчета применялся повсюду, вплоть до простейших действий в повседневном и частном обиходе. Всё считали не десятками, а дюжинами или двадцатками. Вместо «восемьдесят» писали, например, «четыре-двадцать» (*quatre-vingts*, как и мы сегодня [во французском языке]), вместо «ста двадцати» — «шесть-двадцать» (*six-vingts*), и даже «пятнадцать-двадцать» (*quinze-vingts*) вместо «трехсот»: так («Кенз-Вен») назвали основанную Людовиком Святым около 1260 г. больницу на триста слепых. Число 12 использовалось настолько часто, что люди и не знали другого способа считать что-либо. Многие не хотели или не могли назвать свой возраст, но во время опросов, проводимых по указанию магистратов коммуны, те, кто проявлял готовность ответить, утверждали, что им около 24, 36 или 48 лет, но никогда — 30, 40 или 60. Эти привычки не стали совсем чуждыми и нам: оценивая пробу золота и бриллиантов, мы исходим из 24 каратов, мы, по меньшей мере во Франции, еще покупаем яйца дюжинами, и обеденные сервизы насчитывают, с не очень давних пор, по двенадцать тарелок и по двенадцать приборов каждого вида.

Конечно, с XIII в. на Западе были известны так называемые «арабские» цифры и ноль. «Книга абака» Леонардо Фибоначчи, написанная в 1302 г., пространно объясняет выгоду от ноля и показывает, как следует писать и читать любое число, используя ноль: «Если найдется кто-то, кто не в состоянии прочесть или понять число из нескольких цифр (арабских), я позабочусь рассказать ему об этом...» Далее следует объяснение — конечно, уместное, но такое длинное и сложное, обремененное таким количеством повторов, что оно, должно быть, оглушало читателя. Действительно, тот, кто читает счета и разные тексты того времени, обна-

руживает как в этой сфере, так и во многих других большой разрыв между новым образом действия, изложенным в ученых трудах, и повседневной практикой. Через два века после Фибоначчи арабские цифры еще оставались почти неизвестны, и до 1480–1500-х гг. суммы ливров, су и де-ные по-прежнему вносились в счета купцов и финансистов римскими цифрами, не сильно затрудняя ведение счетов. Арабские цифры ничего не изменили в методах расчета. Ноль не использовали.

В погоне за новостями и спекуляциями

Крупный итальянский торговец держал на своем прилавке журнал, где записывал цены и сведения, собираемые им самим или его приказчиками в поездках в дальние края. Такие справочники, называемые *pratiche della mercatura*, содержали названия и сравнительную стоимость монет, меры и веса в разных городах Запада и Востока, в том числе и мусульманского мира, хотя последний посещался реже, чем Константинополь и венецианские либо генуэзские фактории. Составители журналов указывали цены на золото и серебро и методы оценки качества пряностей, красителей, шерсти и шелка¹. Это старание сообщать

¹ Anselmi G.M., Guerra M. Culture et éducation des marchands (XIIe–XVe siècle) // *Cultures italiennes: (12.–15. siècle)* / sous la direction d'I. Heullant-Donat. Paris: Cerf, 2007. P. 325–344. — Tucci U. Tariffe veneziane e libri toscani di mercatura // *Studi veneziani*. 10 (1968). P. 65–108. — Pegolotti, Francesco Balducci. La pratica della mercatura / ed. by A. Evans. Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1936. Последняя книга — это трактат, написанный Пеголотти (ок. 1310–1347), который был посредником или приказчиком крупной компании Барди из Флоренции. Несколько лет он жил в Лондоне, потом — на Кипре. В конце жизни он написал «Libro di divisamenti di paesi e di misuri di mercatanzie» [Книгу описаний стран и торговых мер], где подробно, по этапам и по дням, описал дорогу от венецианской фактории Тана на Азовском море до Китая, указав для каждого этапа, где можно поселиться, какие пошлины надо заплатить, какими мерами веса и монетами пользуются люди в этих странах.

информацию о состоянии рынков и о разных обычаях заморских стран настолько распространилось, что таким же образом о том же писали многие авторы, никак не связанные с деловым миром, в книгах совсем иного характера. В трактате «Возвращение Святой земли»¹, сочинении венецианца Марино Сануто Торчелло, преподнесенном в 1321 г. папе Иоанну XXII, под предлогом советов, как организовать экономическую блокаду Египта, вставлена длинная глава о монетах, мерах и весах Александрии: «Кто хочет ехать из Венеции в Александрию с товарами и золотом, пусть знает, что венецианская марка серебра весит в Александрии пятьдесят пять безантов и оплачивается пошлиной в семь безантов без трети. Безант же чистого золота стоит три лиры деи гросси, иногда больше, иногда меньше. Медь и олово и всё, что вешают в Венеции на тысячи фунтов, в Александрии продается на кантары, и тысяча венецианских фунтов весит пять александрийских кантаров, то есть кантар составляет двести фунтов». Далее в этом трактате, якобы составленном только ради подготовки военной экспедиции, идет несколько страниц, объясняющих, как продают и взвешивают «живое серебро» (ртуть), воск, шелк, сахар и сахарную пудру, шерсть, лен и добрый десяток разных пряностей, которые все описаны так, чтобы покупатель мог различить их по цвету, запаху и ощущениям, какие возникают, если раздавить зерно пальцами.

Тем не менее курсы монет, приводившиеся в этих трактатах, имели лишь условную ценность, ведь они постоянно менялись, иногда каждый день. И поэтому приказчики и комиссионеры торговых компаний по меньшей мере раз в неделю должны были браться за перо, указывая дату, когда поступило последнее письмо из головной компании и из других филиалов, отмечать состояние продаж, цены на продукты, золото и серебро, требовать поставки товаров, которых не

¹ Правильно: «Книга тайн истинного креста, в Святой земле вновь обретенного и сохраненного» (*Liber secretorum fidelium crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione*) (прим. перев.).

хватает. Некоторые жаловались, утверждая, что так больше не могут, как тот юноша, который сетовал, что половину времени только и делает, что пишет: «Здесь, в Авиньоне, так жарко, что столько писать, как при прохладной погоде, становится невыносимо трудным»¹.

Каждое письмо завершалось списком цен — в местных монетах, во флорентийских золотых флоринах, в генуэзских, миланских и венецианских дукатах, в монетах Апостолической палаты и Арагонского королевства. Компаньоны и приказчики, хорошо знающие, что прохождение войска, визит короля или князя, отправка флота, сбор нового налога могут вызвать значительные движения денежных средств и падение либо взлет цен, никогда не пренебрегали упоминаниями о ничтожнейших новостях, если существовала возможность, что эти события способны повлиять на рынок. В ноябре 1265 г. комиссионер видного сиенского семейства Толомеи писал своим патронам:

«Во имя Господа, аминь. Письмо, посланное с первым гонцом с ярмарки в Труа 1265 г., написанное в воскресенье перед концом ноября с расчетом на то, чтобы его отправить завтра.

Мессиру Толомеи и компаньонам.

Андреа шлет вам свои поклоны. Вам следует знать, что сиенцы, находящиеся здесь, послали свои письма с общим гонцом сразу после ярмарки в Сент-Айоле, как обычно. Так, я послал вам связку писем через Бальцу, сиенского экспедитора. Если вы их не получили, постарайтесь добиться, чтобы он их отдал.

Гонец из Мерканции (*цеха купцов*) еще не прибыл. Дай Бог, чтобы он добрался до нас с добрыми вестями, а то он провел в пути уже слишком много времени. Когда он будет здесь и я получу письма, отправленные вами через него,

¹ Brun R. *Annales avignonaises de 1382 à 1410 extraites des archives Datini// Mémoire de l'Institut historique de Provence*. 1934. P. 36 и 43.

я приложу все усилия, чтобы сделать то, о чем вы просите. Кардинал Симон старается собрать десятину на поход короля Карла¹. Думаю, отсюда на Сретенье поступит большая сумма, и полагаю, что король продаст изрядную долю этой суммы, чтобы располагать деньгами в Риме и в Ломбардии. Если это произойдет, то, мне кажется, стоимость провенского денье² снизится. С другой стороны, думаю, что люди из этой страны, отправившиеся поддержать короля в войне, теперь в Ломбардии и что они взяли с собой огромное множество денег и переводных векселей. Несомненно, значительную часть они потратят, так что тамошний рынок оживят турецкие денье и переводные векселя. Если вы увидите возможность извлечь из этого выгоду, не упустите ее.

Здесь товары продаются так плохо, что представляется невозможным сбыть ни один, и они остаются в обилии. Перец не находит хорошего спроса. Имбирь стоит от 22 до 28 денье в зависимости от качества. На шафран был большой спрос, он продается по 25 су, и на рынке его нет. Венецианский воск — 23 денье за фунт, тунисский — по 21 денье с половиной. У компаньона Скотто (*купца из Пистойи в Тоскане*) есть партия продовольственных товаров, и он никак не может ее распродать; он пытается договориться о том, как бы отпавить ее в Англию.

Доброе серебро из Фрайбурга стоит 57 су 6 денье за марку. Золотой порошок — в зависимости от качества. Августаль (*монета Карла Анжуйского*) — 11 су за монету. Флорин на ярмарке стоил восемь су за монету, да еще денье ради крестового похода, но не думаю, что он сможет продаваться

¹ Речь идет о завоевании Неаполитанского королевства. После смерти императора Фридриха II папа отказался признавать его потомков и короновал неаполитанской короной Карла, брата Людовика Святого.

² Счетная монета, которая чеканилась или имела хождение в Провенсе — городе, где проводили одну из шампанских ярмарок. Немного ниже в письме говорится о турецком денье.

более чем за 8 су 3 денье. Что касается ле-манской монеты, то пятнадцать ле-манских су стоят два турских»¹.

Менялы, так же как и купцы, старались заранее узнать о прибытии или приближении кораблей, возвращавшихся из Фландрии и Англии либо с Востока, и об их грузах. В письме, посланном во Флоренцию из Авиньона, сообщается, что капитаны двух галер, став на якорь близ Марселя, не спешат входить в порт — несомненно, их подкупили и хорошо вознаградили за эту задержку городские негоцианты, которые, чтобы распродать товар по хорошей цене, хотят выгадать еще несколько дней. Франческо Датини, купец и финансист из Прато близ Флоренции, умерший без наследников, завещал свой дворец и все земельные владения одному благотворительному учреждению, которое тщательно сохранило все его бумаги². Пачка бумаг, озаглавленная «*Valute di mercanzia e carichi di nave*» [Стоимость товаров и грузы кораблей (*ит.*)], показывает, что он интересовался новостями в очень широком плане и старался их собирать, тратя на это, конечно, немалые денежные суммы. «*Valute*» посвящены большие листы, сложенные вчетверо или ввосемь меро для отправки в архив, которые расчерчены на три столбца, где указаны курсы драгоценных металлов и цены более чем на сотню товаров, в том числе для товаров, отправляемых из Авиньона, Генуи и Венеции, — до трехсот позиций. Для некоторых товаров приведено по несколько цен, в зависимости от происхождения и качества: двенадцать сортов сахара и двадцать восемь сортов растительного масла в Авиньоне, семь видов хлопчатобумажных тканей

¹ *Lettere volgari del secolo 13. scritte da Senesi*// pubblicate e illustrate con documenti e annotazioni da C. Paoli e da E. Piccolomini. Bologna: G. Romagnoli, 1871. P. 49–58.

² *Melis F. Aspetti della vita economica medievale* (studi nell'Archivio Datini di Prato). Siena: Monte dei Paschi di Siena, 1962. T. I. Федерико Мелис скончался, не успев закончить второй том. Фонды «Archivio Datini» в Прато, все еще находящиеся в безупречном состоянии, представляют собой неисчерпаемый кладезь сведений для изучения движущих сил экономики того времени.

и десять — шерстяных в Венеции и повсюду — шесть-семь сортов кошенили (*grana*). Эти преysкуранты, присланные из торговых городов, далеких один от другого, предназначались, конечно, для общего пользования и заготавливались заранее, так как товары там перечисляются неизменно в одном и том же порядке, и сведения о них вписывались приказчиками или корреспондентами, которые при случае старались отметить, что таких-то и таких-то позиций на рынке недостает. «Carichi di nave», торопливо записанные на клочках плохой бумаги, — это грузы кораблей, стоящих на якоре во Фландрии и Англии либо на Востоке, то есть в Александрии, в Бейруте либо в Константинополе и на Хиосе. Эти сведения могли стать полезными, только если сразу после записи, пока судно не вышло в море, курьеры, конные либо на скоростных лодках, передвигаясь так быстро, как только могли, успевали доставить это сообщение в Италию за несколько дней до выгрузки.

Больше всего этих «valute» и «carichi» поступило из Парижа, Брюгге, Рима, Палермо и Дамаска, где у Датини не было компаньонов. Некоторые были адресованы не ему: копию ведомости цен, составленной в Венеции для пересылки в Пизу для одной флорентийской компании, прислали ему «друзья». Какой интерес могли представлять эти сведения о грузах кораблей, выходивших из всех факторий Востока, от Египта до дальних берегов Черного моря, для делового человека, отнюдь не вовлеченного в торговлю пряностями? Что это — простое любопытство? Очарование торговлей с Востоком и всеми этими странами, с которыми он познакомился в юности? Или, скорей, бизнес на этих новостях, которые собирались сетью приказчиков или агентов и перепродавались тем, кто наживался, спекулируя на переменах цен на товары и курсов монет?

Это плохо совмещается с представлением, которое мы обычно составляем о «средневековой» экономике, обходившейся примитивными методами. Совсем напротив, дальновидный деловой человек того якобы темного времени, как,

несомненно, и всех времен, с их начала и по сей день, умел предвидеть подъемы и спады на рынке, как у себя дома, так и в других местах. И провоцировать их, если вовремя получал информацию. Письма и сообщения помогали ему, давая возможность действовать в то время, когда остальные еще оставались в неведении. Раньше короля и князей и, может быть, даже раньше папы флорентийские компании организовали скоростную и почти секретную курьерскую службу. Когда они соглашались брать к себе в сумки письма соседей и конкурентов, они давали последним после прибытия во Флоренцию лишь полный день, чтобы передать приказания, в том числе по продажам.

Меняла за работой

Если учесть интенсивную циркуляцию денег и многочисленные монетные мутации, легко представить, какую массу информации меняла должен был каждый день собирать и постоянно записывать. Мог ли он знать соотношения между стоимостью всех монет и все объявленные девальвации? Во Франции королевские ордонансы, объявлявшие мутации монет, мало-помалу дополнялись списками иностранных монет: отдельные списки появились еще в 1460 г., а с 1473 г. они содержали более сорока наименований золотых монет и столько же серебряных. В Нидерландах эти «тарифы» распечатывались в виде афиш, иногда содержащих и гравированные изображения. На одной странице трактата, озаглавленного «такова стоимость монет согласно указу, который был обнародован 9 сентября 1487 г. и который напечатал Луи Ревеско в Лувене», в два столбца приведен список из пятидесяти пяти золотых и серебряных монет, для большинства которых указано одно-единственное число, означающее стоимость, а для некоторых — краткая справка о происхождении и использовании. Четыре картинки внизу страницы изображают выплавку металла, чеканку

молотом, стол менялы и лавку с навесом, выходящую на улицу. Все числа написаны римскими цифрами¹.

Журнал одного лангедокского менялы XIV в., один из немногих дошедших до нас, показывает, что составитель был способен оценить десятки видов монет, а для французских — ежедневно отслеживать их курс². Автор держал контору в Монтольё, недалеко от Нарбонна. Он ничего не пишет о своей деятельности и доходах, но мы видим, что он занимал хорошее положение в городе и записал оценочную стоимость земельных владений в нескольких окрестных деревнях по поручению консулата Монпелье. Он также воспроизвел длинный список жителей своего города.

Прежде всего записаны пробы серебряных и биллонных монет, «белых» и «черных», — более сотни видов монет, классифицируемых не по происхождению или мастерской, а по пробе, от хороших до худших. Пробы приведены в дене, то есть в двенадцатых долях чистого металлического серебра, от двенадцати до всего трех денег для биллона в полушках и оболах³. Здесь есть все королевские монеты, но также более двадцати четырех феодальных и ино-

¹ Брюссель, Королевская библиотека, Кабинет эстампов.

² Bibliothèque d'Arsenal, n° 8315. Обо всем этом см. *Bompair M. Un livre de changeur languedocien au milieu du XIVe s.* // *Revue numismatique*. 29 (1987). № 6. P. 118–183. М. Бомпер, автор диссертации «Королевская монетная мастерская Монпелье и циркуляция монет в Нижнем Лангедоке до середины XIV в.», не опубликовал эту книгу, но в указанной длинной статье проанализировал и воспроизвел в форме таблиц основную часть ее числовых данных. Это тетрадь из двенадцати фолио, то есть из двадцати четырех страниц, где текст написан на языке «ок». В общем она охватывает период 1343–1349 гг., а в некоторых частях — до 1358 г. Ср. также: *Blanchet A. Le livre du changeur Nicolas Duhamel* // *Revue numismatique*. 1898. P. 68–86 и 165–203. — *Valentin R. Les manuscrits de l'Avignonnais Gaucher Blégier* // *Revue suisse de numismatique*. 1893. P. 257–284. Один трактат о менялах упоминается в каталоге Национальной библиотеки: Bibliothèque nationale, dépt. Manuscrits, Nouvelles acquisitions françaises, n° 4139.

³ Обол (obole) — очень легкая монета, еще более дешевая, чем полушка.

странных, в том числе семнадцать аквитанских. Их происхождение также показывает, какая активная торговля велась с землями за Пиренеями: упоминаются монеты Барселоны, Майорки, Хаки («жаки»), Наварры, Кастилии и Португалии.

Этого менялу интересовали только серебряные монеты, что может удивить, если знаешь, что торговцы сукном из Монтобана и Лодева отметили в своих бухгалтерских книгах большое количество продаж, сделанных на золотые флорины или экю. Переписывая королевский ордонанс 1315 г., перечислявший пробы монет, которые чеканились в сорока пяти мастерских королевства, он упоминает только белые и черные монеты. Но он позаботился объяснить, как надо оценивать «красивые» монеты. Он берет читателя за руку («если ты хочешь знать, какова проба») и за десяток строк проводит через все операции, обнаруживая компетентность, которая уравнивает его с самыми искушенными знатоками и ставит на уровень «советчиков», какие консультировали королевских начальников монетных дворов. Проба указывается с точностью до гранов¹, и это стремление учесть мельчайшие различия показывает, что он извлекал из этого выгоду. Доход крохотный, для одной операции исчислявшийся в ничтожных цифрах, но, видимо, при умножении на тысячи монет вполне его устраивавший.

Тем не менее это ремесло даже для самых сведущих и осторожных предполагало долю риска. Менялы не всегда находили общий язык: один торговец сукном из Барселоны, проезжая в 1342 г. через Перпиньян, поменял свои серебряные монеты на золотые «ангелы»... которые чуть дальше меняла в Тулузе отказался у него принимать, заявив, что это не «ангелы», какие чеканит французский король, а плохие копии, выпускаемые королем Майорки. Заподозренный в том, что привез фальшивые монеты, купец ночью скрылся. Однако в Лиму, где он покупал сукно, меняла и маклер

¹ Гран — весовая единица, служившая также для определения пробы и составлявшая сто сорок восьмую долю денье!

заверил его, что это хорошие монеты, и дал за них хорошую цену¹. Эти люди, какими бы знатоками денежного обращения ни были, не всегда оказывались в выигрыше. Большинство из них, рано или поздно и всё больше, начинало искать другой, более надежный источник дохода. После этого они сколачивали себе состояние уже не за счет обмена, а за счет процентных займов. Они по-прежнему называли себя «менялами», несомненно, для прикрытия и из некой стыдливости, надеясь избежать осуждений и упреков, но на самом деле были ростовщиками в полном смысле слова.

¹ Все это и другие примеры взяты из статьи М. Бомпера: *Bompaire M. Évaluer les monnaies à la fin du Moyen-Âge: Une information imparfaite et inégale*//*Revue européenne des sciences sociales*. 45 (2007). P. 69–79.

ГЛАВА III.
ЗАЙМЫ И РОСТОВЩИЧЕСТВО

«GRATIS ET AMORE DEI»: ПОМОГАТЬ СОСЕДУ

Давать займы не всегда значило заниматься ростовщичеством, часто было как раз наоборот. Не все жертвы злой судьбы, слишком скудного урожая, не позволявшего вновь засеять поля, нехватки денег на то, чтобы заплатить за какую-то покупку или оплатить свадьбу дочери, были обречены на прискорбную участь должника, вынужденного отдавать землю, драгоценности или красивые одежды в залог беспощадному ростовщику. Помощь ближнему, безвозмездный заем с целью позволить заемщику прожить несколько недель или месяцев были богоугодным делом и благим деянием, укреплявшим социальные связи в общине и приносившим кредитору уважение со стороны родственников и соседей. В обмен на услуги или при условии ответной любезности, а то и не ожидая ничего, деньги давали в долг ради сохранения доброго имени и доверия при ведении дел.

Вслед за учителями, которые приспосабливались к более или менее марксистским схемам, мы долго обращали внимание только на горизонтальные структуры общества, твердя лишь о классах, профессиональных иерархиях, уровнях богатства, всех этих социальных категориях, придуманных авторами, которые писали о них через несколько веков. А значит, пренебрегали другими формами

взаимоотношений, вполне реальными, вездесущими. В те времена человек не противостоял преходящим властям, государству и налоговым органам в одиночку, он мог рассчитывать на широкую поддержку со стороны группы мужчин и женщин, разных по социальному положению, роду деятельности и богатству. Семья была не сегодняшней — супружеской, воссозданной или неполной, очень немногочисленной: это был клан, даже некое подобие племени, состоявший из многих супружеских пар, до нескольких десятков, которые все носили одну фамилию, жили близко друг от друга в одном городском квартале, под сенью церкви и дворцов либо больших домов самых богатых из этих людей. Они собирались в галерее или общем зале, чтобы держать совет. Они называли себя членами одной семьи и благоговейно хранили культ предков; нотариии говорили о роде (*stirpe*). В Италии знать и самые могущественные родичи, возглавлявшие такие кланы (в Тоскане — *consorterie*, в Лигурии — *alberghi*), заботились об участии скромнейших, даже если те были простыми ремесленниками. Во Флоренции в 1429 г. на похоронах Джованни ди Биччи, отца Козимо, присутствовало тридцать шесть глав семей из его рода, принадлежавших к семи разным ветвям, и по кадастровым записям Козимо официально содержал сорок человек из своего «дома».

Административные округа, *quartieri* или *sestieri*¹, были отнюдь не просто бездушными и формальными официальными понятиями. В речевом обиходе и при составлении коммунальных или нотариальных актов предпочитали использовать слова *popolo*² или *contrada*, но лучше всего тогдашние

¹ «Четвертые части» или «шестые части» — так первоначально назывались кварталы в Италии, в зависимости от того, было ли их в городе четыре или шесть (*прим. перев.*).

² Это слово нельзя переводить как «народ» в социальном смысле, в противоположность знати или богачам. Имелся в виду полуавтономный округ. Форма управления коммуной, по сути не предполагавшая ничего «народного», где правила аристократия, тоже могла называться «popolo».

реалии, важность взаимосвязей передает слово *vicinenza* [букв. «соседство»]. Говорили также «гонфалон» [знамя], потому что у этих групп как у семейных кланов были свои эмблемы и знамена. Социальную сплоченность укрепляли и советы, где избранные делегаты разрешали конфликты и распределяли коммунальные налоги между очагами. Резко, часто слишком, солидарность усиливалась во время спортивных игр, таких как *кальчо* во Флоренции, *палио* в Сиене, а в других городах, особенно в Риме и Болонье, — во время конных и пеших состязаний. *Via del corso* [букв. «улица бега» (*ит.*)] часто бывала первой широкой улицей, авторитарно проложенной в почти непроходимом лабиринте извилистых улиц, улочек и тупиков.

Взаимопомощь между соседями во имя того, чтобы жить в мире и спокойно заниматься делами, воспринималась как долг. Несомненно, ее необходимость на горьком опыте усвоили отцы и старшие, поучавшие младших в письмах и завещаниях: «Если ты не можешь окружить себя многочисленными друзьями, если окружающие дают понять, что тебя не любят, — возьми свою мебель, переселись и отправляйся жить в другое место».

Семейные кланы, сообщества соседей, корпорации ремесленников (*arti* в Италии, *métiers* во Франции), благотворительные братства — всё это способствовало формированию сети добровольных помощников тем, кто оказался в нужде или кому просто не хватало денег либо красивой посуды, чтобы создать внешнее впечатление, принять родственника в своем доме, достойно выполнить свою функцию. Тем, кто, открыто попросив о каком-то финансовом содействии, утратил бы честь, уважение и доверие. Сюда же относились *gratis et amore*, или обмен услугами, а также первые шаги к тому, чтобы породниться, — планы заключения браков между детьми, согласие стать крестными родителями новорожденных.

Книги записей по дому, «семейные дневники», как иногда говорили, хранились не так хорошо, как хотелось бы нам¹. Заботиться о сохранении того, что могло бы свидетельствовать об истории рода, вошло в обычай сравнительно поздно. Тем не менее несколько таких книг до нас дошло, и две из них, обе флорентийские, авторы которых принадлежали к разным социальным средам, наглядно показывают, насколько обычными были безвозмездные займы или, что по сути то же самое, поздний и поэтапный возврат долга без всякой компенсации.

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ ВРАЧ

Семья Джованни Келлини, выходцы из Сан-Миниато-аль-Тедеско — большого поселения на холме, возвышающемся над долиной Арно, — обосновалась во Флоренции в последние годы XIII в., когда этот город, победив Пизу в результате войны, тянувшейся лет десять, присоединил часть завоеванной территории. Это был период, когда коммуна привлекала в город переселенцев приличного социального положения, пытаясь ослабить могущество видных семей старинной аристократии². Флоренция не давала гражданство кому попало — Келлини имели несколько домов в Сан-Миниато и поместья в его окрестностях. Однако, подчинившись закону, учрежденному городом, который не открывал ворот широко и не отличался щедрым гостеприимством, они были

¹ Подлинники нотариальных актов в некоторых городах Италии и Франции тоже уничтожали очень скоро. В Перудже только в 1280–1300-е гг. муниципальное постановление обязало нотариев держать их у себя дома или хранить в здании коммуны, не разрешая слугам пользоваться ими при разжигании огня, а женщинам — закрывать листами из них горшки с вареньем.

² Борьба с семьями старинной знати отразилась в знаменитых «Уставлениях справедливости» от 8 января 1293 г., которые были рассчитаны на то, чтобы изгнать из советов всех «магнатов», но остались безрезультатными, поскольку их авторы не смогли дать определения, кто принадлежит к магнатам.

вынуждены отказаться от фамилии предков и в течение нескольких поколений значились в официальных документах как Санминиато или Санминиати — эта фамилия напоминала об их происхождении.

Келлини проживали в квартале Сан-Джованни, совсем рядом с собором, в самом деловом центре, недалеко от большой торговой улицы виа Калимала. Антонио, принятый в цех врачей и аптекарей, сделал блестящую политическую карьеру, став магистратом и капитаном «гвельфской партии», которой во Флоренции принадлежала безраздельная власть, а его сын Джованни, родившийся в 1370 г., автор «Воспоминаний», написанных за период с 1425 по 1459 г.¹, доктор медицины, с 1411 г. был ректором Флорентийского университета. Как медик он приобрел хорошую репутацию в качестве практикующего врача: 15 апреля 1455 г., после того как он занимался своим ремеслом и платил взносы не менее тридцати лет, его возвели в звание консула цеха. Он много читал и хотел просвещаться, знать, что писали учителя древности, врачи и философы. Он одалживал или давал на прочтение книги; Антонио ди Чельи, *medico cerusico* [хирург (*um.*)], оставил ему в залог «Практику» Серапиона² на веленовой бумаге. Студенту философии Бартоломео д'Ареццо он на несколько недель доверил разрозненные записи, сделанные им самим, о физике, душе, метафизике и сшитые в тетрадь свои размышления о трудах Альберта Великого³. Его соседу Николо Спеккио достался «*Conciliator differentiarum philosophorum et praecipue*

¹ *Chellini G.* Le ricordanze di Giovanni Chellini da San Miniato, medico, mercante e umanista, 1425–1457 / a cura di M.T. Sillano. Milano: F. Angeli, 1984. — *Battistini M.* Giovanni Chellini medico di San Miniato // *Rivista di storia delle scienze mediche e naturali*. 18 (1927). P. 106–117. — *Lightbown R.W.* Giovanni Chellini, Donatello and Antonio Rossellino // *Burlington Magazine*. 14 (1962). P. 102–104.

² Серапион — греческий врач из Александрии, II в. н. э.

³ Немец, родился в 1193 г. в Подунавье, доминиканец, философ, автор «Суммы теологии». Якобы был еще и алхимиком.

medicorum» [Примиритель разногласий философов и врачей] Пьетро д'Абано¹.

Художник Донателло, которого он называл «мастером в искусстве изображать фигуры из бронзы и глины», стал его другом и заплатил ему за медицинские услуги, отдав «круглое блюдо с изображением Девы с Младенцем и двумя ангелами». В 1453 г. Келлини построил капеллу, посвященную святым Косме и Дамиану, покровителям медицины, при соборе Сан-Миниато и на ее содержание пожертвовал несколько чиншей со своих поместий близ города. Через три года, в 1456 г., он заказал свою гробницу Донателло и Микелоццо, но, похоже, несколько позже строительство этого надгробного памятника было поручено уже Антонио Росселлино, тогда как Микелоццо изваял его бюст, ныне хранящийся в лондонском музее Виктории и Альберта. Это один из первых образцов скульптурного изображения на основе маски, снятой с живого человека, какие в ту эпоху заказывали только знатные люди, епископы, аббаты, доктора права и медицины².

Философ, эрудит, даже можно сказать, гуманист, Джованни Келлини дал своей бухгалтерской книге, которую вел, подобно купцам того времени, название «Воспоминания», потому что записывал там также знаменательные события из жизни города и семьи. Он долго описывает страшное землетрясение 28 сентября 1428 г., которое в пять утра и в течение «восьмой части часа» жестоко сотрясло город, оставив в сильнейшем страхе, обескров-

¹ Родился в 1250 г. в Абано-Терме, в Италии, преподавал философию, астрологию и медицину в Падуге. Автор трактата о ядах.

² Антонио Росселлино изваял фигуры для гробницы кардинала Португальского в церкви Сан-Миниато-аль-Монте во Флоренции и для кафедры собора в Прато. Его брат Бернардо работал над надгробным памятником Леонардо Бруни в церкви Санта-Кроче и над дворцом Пикколомини в Пьенце — новом городе, построенном папой Пием II.

ленным и полуразрушенным¹. Это написал по личным воспоминаниям человек, умевший видеть и излагавший, благодаря пережитым эмоциям, гораздо лучше, чем один хронист, который позже постарался опросить очевидцев и собрать их рассказы. Он писал также о тревоге за домочадцев в дни, когда чума вынудила их бежать из города и укрыться в загородном доме, и каждый день сообщал то о найме слуги, то о служанке, которая сбежала, то о рабыне, купленной у соседа, то о другой, нанятой на три года у ее хозяина, финансиста². Он знал, что Флоренция воюет, что отряды боевых командиров, кондотьеров, предают деревни огню и мечу и что город, лишь бы удержать их подальше от своих стен, договаривается с ними, иначе говоря, платит им. Получали они и его деньги. Близкий к военачальнику Лоренцо дельи Аттендоли³, он стал его казначеем, когда тот в 1426 г. поступил на службу к Джованне II Неаполитанской. Это он, флорентийский врач, заведовал его военной казной и оплачивал его походы. Позже он таким же образом имел дело с капитаном Пеллино да Котиньола, помощником Франческо Сфорца; все три этих кондотьера были, как и он, уроженцами Сан-Миниато-аль-Тедеско. Всё это обошлось ему так дорого, что его состояние оказалось под угрозой, и он занял

¹ «От страха люди бежали из своих дворцов, и Пьеро, сын Козимо, пребывавший дома из-за подагры, тоже велел нескольким молодым людям унести себя в монастырь Сан-Марко и уложить в монастырском саду, накрыв покрывалами и поставив рядом огонь. Его отец Козимо был у себя на вилле в Кареджи, тоже страдая от подагры. И столь многие рвались туда в надежде найти убежище, что пришлось запереть ворота. В церкви Санта-Репарата (соборе) падали большие камни, срывавшиеся со свода. Многие погибли, когда их дома обрушились на них, но другим удалось спастись, и они собрались на площадях и на лугу близ Аннунциаты и Сан-Марко» (фолио 95).

² О женщине татарского происхождения, которую он сначала купил, потом перепродал и снова взял к себе на службу. В ответ на вопрос, заданный в присутствии трех свидетелей, она заверила, что согласна вернуться к нему.

³ Кузену Муцио дельи Аттендоли, первым принявшего фамилию Сфорца.

у одного еврея из Сан-Миниато двести флоринов на полгода и еще двести на год, оставив в залог несколько посуды и серебряных чашек.

Это был богатый человек. В 1453 г. он купил, чтобы соединить их и построить большой дом, три участка земли на круглую сумму в восемьсот золотых флоринов, выплатив их в несколько этапов, у *arte della lana* [цеха шерстяников] Флоренции. Он заключил соглашение с одним *fornaio* [пекарем (*ит.*)], чтобы тот пек ему хлеб за четыре лиры в год, при условии выплат раз в полгода. От исполщиков он получал свою долю зерна и скота, свиней и телят, которых велел забивать и засаливать, не обращаясь к мяснику. За заботы о больных он нередко соглашался получать оплату натурой и в несколько этапов. Когда он более десяти лет был врачом монастыря Санта-Феличита¹, настоятельница ежегодно давала ему четыре флорина плюс пару каплунов на Пасху, гуся — на Праздник всех святых, а на Богоявление — большой десятифунтовый хлеб с перцем и пряностями.

Не меняла и не ростовщик, известный и уважаемый в городе человек, он оказывал услуги ближним, выводя из затруднительного положения родственников, друзей и соседей или же помогая беднякам, которых злая судьба довела до прискорбной нищеты. В его «Воспоминаниях» рассказы об одалживании вещей или денег занимают намного больше места, чем что-либо другое, он старательно отмечает все эти случаи, подробно описывая в нескольких строках², и нигде нет речи о процентах или каком-либо возмещении. Антонио, клирик собора, занял у него золотой флорин,

¹ Монастырь на левом берегу Арно, рядом с Понте-Веккьо.

² Например: «25 августа 1456 г. я одолжил Джованни сыну Ансельмо из Сан-Миниато два флорина; он сказал, что нуждается в них, потому что будет сопровождать Пьеро Нацци, который займет должность подеста в Ареццо; я отдал их ему в своем доме во Флоренции, вынув из кошелька в присутствии брата Джованни Пончатески из Сан-Миниато, который явился сюда, чтобы передать пакет от Антонио ди Веккья, возчика из Сан-Миниато. Он сказал, что они ему нужны на месяц».

чтобы купить два бочонка вина, и оставил в залог *Теренция* (надо уточнить: это комический автор, писавший до нашей эры), снабженного его собственноручными примечаниями. Через восемь дней тот вернул лиру, а оставшаяся часть долга была ему прощена «из любви к Богу и потому, что он очень беден». Доменико ди Камбиони из Прато, флорентийский врач, получил двенадцать флоринов, которые вернул через пятнадцать дней. Эти деньги ему потребовались, чтобы заплатить за вступление в Коллегию врачей.

Чаще одалживались золотые или серебряные чашки, ложки, кубки, всего на несколько месяцев, должностным лицам коммуны — подеста, викариям, капитанам или комиссарам финансов из городов Тосканы, желавшим внушительно выглядеть и «сохранить честь». В иных случаях речь шла всего о нескольких днях: шесть серебряных блюд для Джино Капполи, отправляющегося в посольство в Милан, кубки и солонки для Пьетро ди Джованни, «намеренного оказать честь епископу Луккскому, который посетит Сан-Миниато», кубки, блюда и восемь серебряных кубков для Джованни Лорини, «чтобы тот взял их с собой на галеру, отплывающую в Турцию, каковой галерой он командует». Для посла в Сиену — шесть чашек разного размера и шесть блюд, общим весом шесть фунтов и шесть унций. Тридцатого марта 1452 г. для Антонио из видной знатной семьи Строрци — большой серебряный кубок, поскольку тот собирался принимать у себя в течение восьми дней супругу Джованни, сына Козимо Медичи. Два больших кубка — для женщины, которая устраивала обед для нескольких друзей, а еще один, тоже серебряный, но с золотыми нитями, — для других соседей, которые принимали родственников.

Из таких услуг, оказывавшихся безвозмездно, ткалась сеть социальных связей, благодаря которой этот человек, выходец из семьи иммигрантов, совершенно чужой для флорентийской знати и для богатых выскочек, добрый патриций, но из цеха, принадлежность к которому в ту эпоху отнюдь не возвышала его над другими, оказывался на короткой ноге

с более богатыми и высокопоставленными горожанами. Процентные займы лишили бы его такой возможности.

БЕРНАРДО, ОТЕЦ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

Государственный муж, секретарь флорентийской Синьории, гуманист, автор комедий в духе Плавта или Теренция, а также «Истории Флоренции», самого основательного труда из всех написанных хронистами и историками того времени, Никколо Макиавелли был крестьянским сыном. Хоть он и кажется нам полным олицетворением городской, полисной культуры, но юность он провел в полях и лесах на холмах Тосканы. Сант-Андреа-ин-Перкуссина, Сан-Кашано и Монтеспертоли — три селения в десятке километров от Флоренции по сиенской дороге, среди пейзажа, созданного человеческими руками, среди гармонии форм и красок, который по совершенству и продуманной упорядоченности ничуть не диссонировал с близким городом, его дворцами и башнями. Вдали на севере поднимались бесплодные вершины Апеннин, земля богатых ленных владетелей, крутых и каменистых дорог, рискованных приключений. Здесь же были залитые солнцем долины, холмы с усадьбами на вершинах, раскинувшимися в тени высоких кипарисов и зеленых дубовых рощ. На склонах — хлебные посевы, фруктовые сады, оливковые плантации и виноградники, причем виноградная лоза взбиралась высоко по ветвям плодовых деревьев.

«Записи» (Ricordi), домашний дневник Бернардо, отца Никколо, начинаются в день ярмарки в Сан-Кашано 1474 г. записью о покупке осла рыжеватой масти вместе с вьючным седлом и уздечкой, подкованного, и заканчиваются через десять лет, в 1484 г., записью о смерти одного из лучших рабочих волов и о покупке мула за пять флоринов золотом. По мере того как перелистываешь страницу за страницей этих «Записей», все отчетливей вырисовывается картина

жизни, заполненной заботами мелкими, почти убогими. Бернардо не был богат, и денег ему часто не хватало, но этот крестьянин, прочно укорененный в деревне, не имеет ничего общего с невежественными и грубыми мужланами, каких, к большому удовольствию бюргеров, выводили на сцену авторы фарсов или соти, высмеивая их и заставляя сквернословить¹.

Сельская местность, колыбель старинных родов и их убежище в несчастье, кормила город; она служила ему надежной базой, источником энергии. У семьи Макиавелли, конечно, имелся во Флоренции дом-другой, но только в своих селениях они чувствовали себя по-настоящему дома. Их земли граничили с землями родственников, людей из того же рода, носивших ту же фамилию и поминавших общее прошлое, связи с которыми непрестанно укреплялись за счет брачных союзов, крещения детей, покровительства приходским церквям, одалживания денег или инвентаря для работы на земле и, главное, как и повсюду, солидарности перед лицом налоговых инспекторов.

Бернардо, юрист (законовед, как говорили тогда), державший небольшую контору в одном селении Флорентийского округа, отошел от дел, чтобы вести скромную жизнь на своих землях. Он сам трудился на своих полях, в лесах и виноградниках либо сдавал их за чинш арендаторам или же за половину урожая испольщикам. Он жил не на *вилле*, как назывался укрепленный дом с глухими стенами, с башенкой сбоку, с ригой и погребом, маслобойней для оливкового масла и виноградным прессом, конюшнями и хлевом. У него

¹ Однако такое же высокомерие выкажет Никколо, когда в 1513–1518 гг. ему, изгнанному с должности и отстраненному от дел, пришлось стараться, чтобы о нем забыли, и он мог жить только на своих землях, занимаясь физическим трудом, «до самого вечера одетый в грубое рубище, измазанное грязью и пропитанное потом», либо проводя целые часы в харчевне, где он общался и играл в триктрак с людьми, оравшими во все горло и зачастую яростно ссорившимися из-за гроша. Как он пишет, «вот в какую грязь я вынужден погружаться, чтобы мой мозг не размягчился окончательно».

не было голубятни, воплощавшей превосходство и власть, и его домочадцы жили в селении Сант-Андреа среди обычных селян. Его жилищем была скромная *casa* [дом (*ит.*)] на деревенской улице, совсем напротив харчевни, безо всяких пристроек и без земельного участка. Тем не менее, как многие законоведы или нотариусы своего времени, отец Никколо был человеком высокой культуры, и, читая его «Записи», мы видим, в какой среде мог мужать его сын, мы замечаем интерес к древним авторам, который никогда не покидал его в течение всей жизни и который мы неизменно обнаруживаем в каждом его произведении. Немалую часть записей в его дневнике составляет перечисление книг, одолженных, проданных или купленных и даже выменянных на серебряную посуду или красивое столовое белье. Второго сентября 1475 г. Бернардо направился к францисканцам в монастырь Санта-Кроче, чтобы вернуть «Туллия» и «Об обязанностях» Цицерона, напечатанные на пергаменте, и сборник, содержащий, помимо разных проповедей, трактат Боэция «О делении» и книгу по риторике — «Топику» Аристотеля. Через несколько месяцев это уже были другие книги — «География» Птолемея, книга без иллюстраций, как позаботился он уточнить, и «Филиппики» Цицерона, том, переплетенный в кожу фиолетового цвета, который он держал у себя больше года. Из дома книготорговца Банко да Казавеккья, к которому он пошел рано утром и которого застал еще в постели, он принес книгу «Описание Италии» Флавио Бьондо (умершего в 1463 г.) на бумаге, не переплетенную. Он, так старавшийся не потратить лишнего на дом и домочадцев, постоянно приобретал книги и держал их дома по несколько дней, чтобы ознакомиться, прежде чем решался купить. Среди них были «Толкование» Бартоломео да Саличето¹, которое он одолжил *a vedere* [для просмотра (*ит.*)] Джованни Бенчи,

¹ Юрист, родившийся и преподававший в Болонье. Дважды был изгнан и находил прибежище в Падуе. Его гробница (*sepolcro, arca*) работы Андреа да Фьезоле находится в Городском музее средневековья в Болонье.

и «Комментарий к “Этике” Аристотеля», написанный Донато Аччаюоли, выдающимся гуманистом из Флоренции, — книга, которую продавец бумаги Бартоломео Туччи дал ему «посмотреть, чтобы купить, если понравится». Часто эти произведения не были ни переплетены, ни сброшюрованы и находились *in forma sciolti*, то есть в виде тетрадей, которые он подшивал. Одна такая книга, напечатанная в Венеции в 1475 г., состояла из тридцати девяти тетрадей; переплет из хорошей фиолетовой кожи с двумя фермуарами обошелся ему в три сольдо. В июне 1486 г. в доме появились четыре тома — «Толкование аббата Сицилии» четвертой и пятой декреталий, «Три декады» Тита Ливия, «Новеллы» Джованни д’Андреа¹ для шестой декреталии и «Меркуриалы» того же автора; переплетчик, который должен был закончить работу за восемь дней, потребовал плату вперед. Бернардо передал ему через сына три бутылки вина и одну уксуса. Сельский житель, любитель книжных лавок и завсегдатай монастырских библиотек, он был причастен к великому порыву флорентийского гуманизма. Двадцать второго сентября 1475 г. Николаус², знаменитый немецкий печатник, доверил ему три «Декады», составные части «Римской истории» Тита Ливия, в виде печатных листов, чтобы он сделал указатель «всех городов, провинций, рек, островов и морей, каковые здесь упоминаются». За эту работу он получил экземпляр Тита Ливия прямо из-под пресса.

В «Записях», которые пополнялись ежедневно, красивым языком, лишенным всякого пафоса, он фиксировал свои обязательства и долги, тщательно указывал сроки платежей, сделки и торги, компенсации, и все в численной форме, с точностью до денаро. Для самого пустякового дела, будь то

¹ Родился в 1275 г. в Муджелло, лене рода Медичи. Юрист, профессор в Болонье.

² Николаус Лаурентин, родившийся в Бреслау, сначала работал в Майнце, а потом переселился во Флоренцию, где напечатал «Божественную комедию» Данте Алигьери, «Географию» Франческо Берлингьери, один из экземпляров которой он посвятил Лоренцо Медичи, и «О зодчестве» Альберти.

продажа дров или одного-единственного бочонка вина, он отмечал день, иногда и час, место и имена свидетелей. Те, кто занимал у него деньги, собственноручно писали долговые обязательства, прерывая на несколько строк очень насыщенный поток свидетельств. Нигде нет и упоминания о процентах.

Он не был богат. За десять лет семья только раз потратилась сверх обычного — на помолвку Примаверы, старшей дочери. Не очень много: две штуки шерстяной ткани, отрезы тафты для матери и дочери, ленты и тесьма. Ходил он за этим не во флорентийскую лавку, а к *ritagliatore*, местному торговцу, который продавал поношенное платье, обрезки, а также ткани, имевшие плохой спрос. Чтобы сэкономить в расчете с галантерейщиком еще несколько монет, безделушки он выменял на бочонки вина. За эти покупки он в течение года несколько раз просил об отсрочке платежа на неделю-две и с интервалом в пятнадцать дней платил доброй золотой монетой, а потом — серебряными, иностранными, может быть, плохо известными, но кредитор соглашался принимать их в уплату. Вносить в срок и безропотно то, чего требовали налоговые власти, казалось ему недостойным — это значило бы нарушить свой долг порядочного главы семейства. И поэтому сколько он спорил, сколько обещал *Officiali delle Grazie della gravezza* [чиновникам ведомства налоговых льгот (*um.*)], ведавшим льготами и освобождением от налогов!

Когда он сам продавал на рынке свое вино или оливковое масло, те же обычаи оборачивались против него. Ему никогда не платили всю стоимость товара до гроша. Ему понадобилось целых три страницы, чтобы описать, как он добивался оплаты за два бочонка вина, когда покупатель задаток-то заплатил, а момент внесения оставшихся денег все откладывал и откладывал. В результате долг разбили на несколько частей, а потом еще раз, так что современному читателю в этом трудно разобраться. Мясник настолько не желал платить ему за ягнят немедленно, что он, как почти всегда, после долгого разговора о сроках выплаты вернулся домой без единого сольдо в кармане. Он посылал к мяснику приказчика, а потом ходил

сам требовать долг, но понадобилось семь визитов, причем два первых оказались безуспешными.

Зимой, когда приходило время сделок, продажи вина, оливкового масла, связок льна и возов дров, Бернардо дважды-трижды в неделю бывал в городе, шел по улицам Ольтарно близ ворот Санта-Тринита и по Понте-Веккьо до площади Синьории или площади Строцци. Именно на этих площадях его арендаторы рассчитывались с ним. В «Записях», листая страницы, можно встретить десятки сцен, показывающих, насколько тесный симбиоз существовал между городом и деревней. Жители округа на свой лад были гражданами Флоренции и не упускали из вида никаких тонкостей монетного рынка. Хождение имели некоторые городские золотые флорины, «широкие», которые внимательно рассматривали; Бернардо опознавал также крупные болонские монеты, стоившие вдвое дороже, и серебряные монеты из более дальних краев, которые спешил потратить. Сделки и расчеты, в которых сегодня нам трудно разобраться, колебания курсов благородных металлов и биллона, необъяснимые случайности, из-за которых чеканку той или иной монеты вдруг приостанавливали, — всё, что в то время приносило прибыль меняле, для этого доброго крестьянина было, похоже, всего лишь игрой.

Оба этих гражданина Флоренции, один — врач из семьи иммигрантов, поселившейся в городе два поколения назад, другой — юрист и мелкий земельный собственник в селении в пределах округа, не опустились до ростовщичества. Читая их книги, не найдешь расчета процентов — о них нет и речи. Только безвозмездные займы или, по стандартной формулировке нотариев, займы *gratis et amore dei*, или еще, как писали они сами в домашних книгах, — *in preto liberamente e verilemente e amichevolmente a uso di buono e verile uomo*. Это была помощь ближнему, способная ненадолго вывести его из затруднительного положения, — часто серебряная посуда, красивое столовое белье или ценные книги. Имея менее меркантильный характер, чем ссуда монет, и менее корыстный, она не грозила

унизить оказавшегося в нужде человека. Чашки и серебряные кубки подробно описывались, иногда взвешивались, но их стоимость не оценивалась. Это сберегало и хорошую репутацию заимодавцев — они не выглядели ростовщиками. Продавая что-либо, они соглашались получать оплату в кредит, не беря залогов и не требуя ничего возвращать.

* * *

Так же вели себя купцы и ремесленники. Жан Блазен, уроженец Монпелье, торговал в Марселе мылом и оливковым маслом. Бедняком он не был: он имел четыре земельных владения, сдавая их арендаторам, ежегодно платившим ему чинш, дом в Пейротере, недалеко от Обани, а вдалеке от нее, на территории Форкалькье в Верхнем Провансе, — виноградник в Оспитале. На одной и той же странице его бухгалтерской книги есть записи о том, что он в один и тот же день, весной 1334 г., купил оливковое масло в Эг-Морт и в числе прочих купцов отправил товар на сумму в 530 ливров на корабле из Манфредонии, что в Апулии. Он всегда открывал кредит покупателям и столь же охотно ссужал деньги соседям и друзьям. Бернар Рикар из Вильнёв-лез-Авиньон, покупавший у него масло в сентябре и октябре, 8 октября заплатил ему 3 флорина 6 су, на следующий день — 2 флорина, 12 октября еще два и, наконец, 2 ноября — 12 ливров. Чтобы наконец получить полную оплату, Жан Блазен сам явился к нему в Вильнёв в конце декабря; несколько позже он добился, чтобы тот через жену передал двенадцать, а потом десять ливров. За два месяца — семь выплат по одной и той же задолженности, но ничего не говорится ни о процентах, ни о штрафе.

За денежные ссуды брали в залог движимое имущество, но не проценты: «Бартоломе Саффрабрег задолжал три флорентийских флорина, которые в пятницу 3 марта я ссудил его жене для оплаты за работу на его винограднике, и от 20 марта, чтобы заплатить землекопам на его винограднике, — флорин. Он отдал в залог шелковый плащ с брошью, который потом по-

лучил обратно». Шестнадцатого сентября тот же Бартоломе занял еще три флорина на оплату сбора винограда; в залог он отдал тот же плащ, возвращенный 5 января. Подобные займы предоставлялись в любой момент, даже небольшие суммы: «Жоанета Кастрелег должна десять су, одолженных 5 февраля, поскольку заболел ее муж; она оставила в залог свой зеленый полукафтан». Возникает образ общества, где «стыдливые бедные»¹, как тогда говорили, находят помощь, не отдавая свои земли и дома в руки ростовщика, кровососа, наживающегося состояние на чужих бедах².

ПРОЦЕНТЫ: ИХ ОСУЖДАЛИ ИЛИ ТЕРПЕЛИ?

Менялы, ставившие свои скамьи на рынках или на ярмарках, на перекрестках больших дорог и близ мостов либо бродов, не делали ничего, кроме как меняли монеты купцам или паломникам, которых больше уже никогда не видели. Их доход, оценить который, конечно же, трудно, оставался скромным, а то и ненадежным, и они неизменно пользовались в городе полным доверием, исключаяющим любое осуждение. Они могли считать себя безупречными, добрыми соседями и хорошими христианами. Сценам с тимпанов церковей других времен, на которых денежных воротил осуждают на адские муки, можно противопоставить два красивых витража из Шартрского собора, где изображены менялы, которые помогли епископу и каноникам собрать и обратить в монету серебро, полученное за

¹ Так называли людей, у которых не хватало денег из-за какого-то несчастья или просто неспособных заплатить за покупку в данный момент; нищие к таким не относились.

² *Baratier É., Reynaud F.* Histoire du commerce de Marseille. Paris: Ploп, 1951. Т. II: De 1291 à 1423, de 1423 à 1480. P. 127 и далее. См. также: *Forestié É.* Les Livres de comptes des frères Bonis, marchands montalbanais du XIVe siècle. Montauban: impr. de É. Forestié, 1885. 2 vol. — *Meyer P.* Fragments du grand livre d'un drapier de Lyon (1320–1323) // *Romania*. 35 (1906). P. 428–444.

счет пожертвований на перестройку собора, — люди, столь же полезные для общества, как пекари и виноградары. Scambiator (меняла) из Алоны, державший свою скамью рядом с бродом через Сарту, где выгружали груз с судов, был хорошо принят епископом, когда подарил витраж собору в Ле-Мане.

Однако все больше людей, с давних пор поставивших столы или «стойки» в лавочке, еще и ссужало деньги под проценты, иначе говоря, становилось ростовщиками. Они по-прежнему называли себя «менялами», и тексты тех времен тоже называют их так, но обмен составлял лишь небольшую часть их деятельности и приносил еще меньшую долю доходов. Выбор слова, старание так долго сохранять это название и подобие сговора, в котором тогда принимали участие все, вполне убеждают, что такой способ обогащения еще считался постыдным.

Церковь осуждала процентные займы и без конца напоминала, что деньги не должны делать деньги. Об этом говорили Фолькет Марсельский, епископ Тулузский, в 1220-е гг., а потом Лионский собор в 1274 г. и Вьеннский в 1311 г. Король Людовик Святой в 1230 г. категорически запретил христианам заниматься ростовщичеством, а в 1250 г. — евреям. Намного позже Данте в «Божественной комедии» поместил ростовщиков в самую черную из бездн для проклятых и, не называя их по фамилиям, описал несколько гербов¹, стянутых тесемками их кошельков. Но следует иметь в виду, что он, изгнанный из Флоренции, сводил счеты и тем «грандам», которых считал виновными в своем скорбном изгнании, приписывал все грехи. К тому же он писал эти строки в период

¹ Это Реджинальдо Скровеньи, отец Энрико, построившего в Падуе капеллу, которая известна фресками, написанными Джотто; один из Убриаки, рода, жившего во флорентийском Ольтарно и почитаемом среди грандов с 1170 г.; еще один флорентинец, Джованни деи Бекки, гонфалоньер справедливости в 1293 г., который после банкротства бежал из города и жил чем придется, в том числе, несомненно, и ростовщичеством (о нем Данте говорит с особым презрением, потому что это был рыцарь); Витальяно дель Денте, подеста Виченцы в 1304 г. и Падуи в 1307 г.

(с 1308 г.), когда купцы и финансисты еще не приобрели уважения духовенства и не убедили его, что идут на риск и оказывают полезные услуги. Для него любой, кто ворочал деньгами, чтобы извлекать из них доход, был паразитом, жиреющим за счет несчастных.

Позиция духовенства со временем сильно менялась, и мнения разных отцов церкви не совпадали. Эти споры и противоположные позиции их участников теперь, благодаря глубоким исследованиям, хорошо известны. Чтобы внятно изложить их хотя бы вкратце, потребовалась бы целая книга, но можно выделить главное: церковь осознала, что суровость ранних времен уже неуместна и что заимодавец вправе рассчитывать на прибыль, если рискует. Требовалось также, чтобы этот доход оставался умеренным: епископы, священники и монахи без устали обличали завышенный процент. Вопреки тому, что можно было бы предполагать, процент, который общество считало терпимым, обычно был не выше сегодняшнего и во всяком случае ниже того, какой предусматривают наши договоры, требующие ежемесячных выплат с первого же месяца¹. В нотариальных реестрах Монпелье XIV и XV вв. лишь изредка упоминается прибыль выше 10–15%.

Во времена, когда торговые и финансовые сделки стали настолько крупными, доминиканцы и францисканцы, уже прочно обосновавшиеся в городах, первыми попытались более или менее открыто оправдать займы в деловых целях и даже предпринять идеологическую реабилитацию купца, дающего горожанам работу и благосостояние; в этом отражалась новая этика, несомненно, широко распространившаяся и оказавшая соразмерное влияние на литературу и искусство. И, конечно, не случайно Медичи так активно покровительствовали доминиканцам.

Потомок старинного рода менял, которые издавна были и ростовщиками, Козимо Медичи сумел добиться, чтобы богословы и церковники допускали или хотя бы терпели

¹ Такие ежемесячные выплаты в ту эпоху были неизвестны.

способ зарабатывания денег путем ростовщичества, если ростовщик скромен и сравнительно сдержан, а не дерет грабительские проценты. Его интеллектуальным наставником и в некотором роде духовником был Антонино Пьероцци, называемый также Антонино де Форчильони (1389–1459), сын мелкого торговца из медичейской партии, который в 16 лет поступил в доминиканцы, в 1421 г. стал настоятелем монастыря Сан-Доменико во Фьезоле, в 1436 г. — Санта-Мария-сопра-Минерва в Риме и в 1446 г. — архиепископом Флорентийским. Это был святой человек: основатель благотворительного братства «Буонуомини» [добрых людей], он не щадил сил на службе бедным и рисковал жизнью во время чумы 1448 г. и землетрясения 1453 г. Близкий к народу, он сурово осуждал скуповатых хозяев *botteghe* [мастерских] шерстяников, плативших работникам-ткачам обесцененной монетой или натурой — штуками сукна либо клубками шерсти, которые тем были ни к чему. Но в отношении к обмену и некоторым операциям с деньгами он разделял мнение таких богословов, как Бернардин Сиенский (ум. в 1444) и Лоренцо Ридольфи из Флоренции (ум. в 1442), которые признавали, конечно, некоторые займы ростовщическими, но не осуждали их огульно. Всё, — говорили они, — зависит от намерений займодавца и от степени риска. Похоже, Козимо удовлетворялся этим, не придавал этому значения, и Антонино в 1523 г. был канонизирован Климентом VII, папой из рода Медичи¹.

Мартин V из римского княжеского рода Колонна, избранный папой в Констанце во время собора, в 1415 г. положившего конец Великому расколу Запада, не торопился в Рим, не слишком уверенный в хорошем приеме. По пути он вместе со свитой из кардиналов более чем на два года остановился во Флоренции. Чтобы их разместить, Синьория предприняла перестройку старинного *hospicium*'а [гостиницы] домини-

¹ Он был канонизирован в 1523 г. папой Адрианом VI, голландцем (прим. перев.).

канцев при церкви Санта-Мария-Новелла, и Козимо объявил конкурс на проект главной лестницы. Сам папа освятил церкви Санта-Мария-дель-Кармине и Сант-Эджидио (святой Элигий был покровителем золотых дел мастеров и менял¹), а по отъезде назначил Флоренцию архиепископством. Город еще раз стал местом жительства папы, когда Колонна с позором изгнали из Рима папу Евгения IV, и он нашел убежище здесь, тоже в Санта-Мария-Новелла, на 1433–1434 гг. В эти самые годы решалась судьба города, и многие хронисты, хваля за это папу или порицая, утверждают, что это он помог Козимо вернуться из изгнания и захватить власть в 1434 г. Так Флоренция и прежде всего партия Медичи избавили двух пап от унижительной необходимости скитаться, позволив им собрать сторонников и заключить союзы, чтобы вернуться в усмиренный город. Таким образом, Медичи отчасти способствовали настоящему возвращению пап в Рим после Великого раскола Запада (1305–1415 гг.); Козимо от этого выиграл, получив право установить в Риме *tavola* [стол] своей меняльной компании на правах почетного гостя.

Собор, посвященный объединению церковей Запада и Востока, открылся в 1439 г. в Ферраре, но городу семейства Эсте скоро стало не хватать денег, и кардиналы вместе с восточными митрополитами переехали во Флоренцию. Медичи щедро распахнули кошельки, чтобы принять константинопольского императора и его свиту из шестисот персон. Они постоянно напоминали о себе, были хлебосольны и сделали этот собор триумфом для своей династии.

Поддержки со стороны духовенства искали не только они. Самую многочисленную и богатейшую *консортерию* Флоренции, насчитывавшую 54 семейных группы и более 250 человек, образовали Строцци. Они были хозяевами и покровителями своей *gentilice* [родовой] церкви Санта-

¹ Автор путает святых Элигия и Эгидия, покровителя калек и нищих: церковь Сант-Эджидио была посвящена последнему (*прим. перев.*).

Мария-дельи-Уги, и некоторые из них приняли духовный сан; они добились популярности, заказывая произведения искусства и щедро одаривая бедняков на похоронах. Когда Козимо в 1434 г. их изгнал, Бенедетто Тоски (ум. 1464), настоятель монастыря Сан-Панкратио, вступился за них. Далекий от того, чтобы осуждать за обменные операции, он их поддерживал и защищал их жен и маленьких детей от преследований со стороны налоговых чиновников, которые, получив от Медичи заказ уничтожить богатство и доброе имя Строцци в обществе, зверствовали, конфискуя их имущество. Благодаря ему эти финансисты, люди, разбогатевшие на денежных операциях, хотя Козимо Медичи и выслал их, сохранили часть состояния, место в рядах флорентийской аристократии и могущество в своем квартале *Leone rosso* [Красного льва]. Точно так же Перуцци — отъявленные ростовщики, которые, побывав некоторое время купцами и пережив два банкротства, сколотили новое состояние, давая займы и конфискуя земли тосканской знати, но пережили жестокое разочарование, одолжив слишком много денег королю Эдуарду III Английскому, — построили семейную капеллу у францисканцев в Санта-Кроче. Пацци, тоже финансисты, возвели свою капеллу несколько позднее, заказав ее Брунеллески.

Как бы то ни было, хорошо видно, что в некоторых средах гнусное ростовщичество осуждали дольше, чем в других. Суровость критиков заметно различалась в разных городах, по меньшей мере в Италии, в зависимости от стимулов или от назревания новых потребностей, а еще более — от социальных ограничений, для которых, судя по всему, позиция духовенства служила лишь выражением. В 1460-е гг. деловые люди Генуи считались с запретами больше, чем дельцы других городов. Они пока маскировали договоры морского страхования под фиктивные продажи и открыто не указывали сумму или процент страховой премии, тогда как финансисты Флоренции и Барселоны уже вписывали это все в договоры. Один генуэзский делец,

получивший в залог за ссуду бриллиант, был вынужден его вернуть, и служба, которая надзирала за ростовщичеством, наложила на него крупный штраф. Епископ Генуэзский имел право своим решением кассировать заем, полностью аннулировать крупный долг и оштрафовать кредитора. Доменико Фьески занял у жителя Кьери сто дукатов и оставил в залог драгоценности, оцененные в 1600 лир. Фьески были не кем-нибудь, а крупными феодальными сеньорами в Ривьере-ди-Поненте, и через недолгое время епископская курия объявила займодавцу приговор: вернуть ценный залог, не требуя возврата долга. Наследники другого ломбардца, собственно, астийца, занимавшегося ростовщичеством в Кьери, в нескольких городах Туринского диоцеза, а потом в Генуе, чтобы получить доступ к имуществу покойного, были вынуждены вести долгие переговоры и, наконец, заключить сделку с епископами Генуи, Савоны и Турина. В той же Генуе форма займа, очень удобная, которую практиковали сами ремесленники в своей среде и которая заключалась в том, что для сокрытия дохода использовалось различие в стоимости одалживаемых и возвращаемых монет, в 1466 г. была резко пресечена: церковь дала понять, что это ростовщичество. Несомненно, то же было и в Венеции, где вообще никто не занимался обменом и процентными займами в течение поколений.

* * *

Кто читает другие тексты, кроме писем папы и епископов, заметит, что неодобрение общества было столь же, если не более, ощутимым, как и осуждение со стороны церкви. Уважаемый человек, старавшийся сохранить репутацию и доверие, желавший, чтобы его дела шли хорошо, а дети вступали в брак с теми, кто составит им достойную пару, знал, что станет в некотором роде изгоем общества, если будет открыто получать доход от процентных займов.

Для граждан, не желавших, чтобы друзья и соседи дурно о них думали, посредниками, мы бы сказали — прикрытием, часто служили евреи: им доверяли деньги с поручением вложить часть в ростовщические операции. Это позволяло избежать общественного осуждения и, что было столь же, если не более, важно, подоходного налога. В 1457 г. сиенские магистраты потребовали, чтобы евреи сообщили, кто из жителей города поместил к ним деньги. Франческо Сфорца, властитель Милана, в 1460 г. передал папе, «что пятипроцентный налог на капиталы евреев, собираемый для оплаты крестового похода против турок, станет невыносимым бременем для большей части горожан, потому что в руках евреев находятся капиталы многих христиан и что огромное и бесконечное множество людей встретило бы изъятие двадцатой доли с неодобрением, а ведь увеличивать число недовольных сверх меры не следует». В Мантуе около 1480 г. хронист Уго Калефини утверждал, что ссудные скамьи евреев на самом деле принадлежат Тротти, крупным христианским банкирам города¹.

Так же страдал и заемщик, если его поступок становился известен. Горожанин, тесно связанный со своей *vici-panza*, мог, не скрываясь, запросто брать займы у друзей или соседей ценные вещи, чтобы украсить стол и жилище и выглядеть богаче, либо мелкие суммы денег, которые на несколько недель выведут его из затруднительного положения. Это были в некотором роде взаимные услуги. Но чтобы получить крупную сумму, чтобы заложить одежду или драгоценности, он, если не хотел потерять лицо, ходил туда,

¹ Poliakov L. Les *banchieri* juifs et le Saint-Siège: du XIIIe au XVIIe siècle. Paris: SEVPEN, 1965. P. 99–106. Жители многих городов, во всяком случае, так же вели себя по отношению к ломбардцам: в письме, которое послали из Брюгге в 1457 г. Анджело Тани и Томмазо Портинари, много говорится о кредитных столах ломбардцев и кагорцев. Эти ростовщики, — пишут они, — получили на хранение, чтобы давать ссуды, капиталы компании Медичи и других городских компаний: *Correspondance de la filiale de Bruges des Medici* / publiée par A. Grunzweig. Bruxelles: M. Lamertin, 1931. Письмо от 19 февраля 1457 г.

где его не могли увидеть, — к еврейским или ломбардским ссудодателям, державшим лавку в предместье или в особом квартале. Ростовщики заставляли платить за кредит, а еще дороже — за задержки с возвращением долга.

Нери ди Биччи, автору книги «Записок», которая отражает жизнь и деятельность художника флорентийского Кватроченто¹ с редкой полнотой и поэтому осчастливила историков искусства, разорение не грозило. Наследник скромной лавки отца, он придал ей новый блеск, заслужил определенную известность и, умело продавая и покупая дома или земли, вкладывая солидные деньги в государственный банк Флоренции, заметно приумножил свое состояние. Ему не заказывали больших и исключительных работ, и он не отличился на конкурсах, организованных коммуной. Его счетная книга перечисляет немалое количество запрестольных частей алтарей для церквей и монастырей, а чаще просто для частных лиц разного социального положения. Работ, может быть, и второстепенных, не все из которых пощадило время, но добротных. Записывалось всё: сюжет, размеры, качество грунтовки, природа и качество красок, цены, даты заказа и сдачи работы, и все это более чем для шестисот заказов². Перечень имен клиентов — купцов,

¹ *Neri di Bicci. Le ricordanze: 10 marzo 1453–24 aprile 1475* / a cura di B. Santi. Pisa: Marlin, 1976. 483 p. Значение этой книги состоит, помимо прочего, и в том, что она дает общее представление, как отдельные художники, даже так называемые второстепенные, могли приобщать представителей некоторых социальных сред, конечно, простых, но многочисленных и разных, к великой живописи в тех или иных формах.

² Пример от 28 марта 1455 г.: «В этот день я обязался по заказу монсиньора аббата Бартоломео, настоятеля Санта-Тринита во Флоренции, расписать запрестольную часть алтаря для капеллы Спини, каковую часть вырезал из дерева Джулиано да Майано. Она выполнена в старинном духе. Я должен написать Успение Богоматери с двенадцатью апостолами в ногах и множеством ангелов с каждой стороны, а на предelle — три сцены из жизни Богоматери с гербами Спини. Я должен, где следует, положить чистое золото, где следует — изобразить ультрамариновые фигуры, а где следует — хорошо исполненные цветные, как та, какую я написал для Карло Бенчи

врачей, банкиров, бакалейщиков, сукноделов и шелкоделов, а также представителей некоторых видных аристократических родов (Даванцати, Ручеллаи, Сальвиати) — занимает пятьдесят страниц в два столбца, и в «Записках» перечислено более двух десятков учеников, компаньонов и соавторов. Как мастер-ремесленник автор сам делал заказы столярам, изготовителям рам, торговцам красками и золотильщикам. Если начинало не хватать денег, он не желал обращаться к соседям или друзьям, а уходил далеко от дома, несомненно, стараясь не попасться ни к кому на глаза, и шел в одну из четырех контор, какие держали во Флоренции евреи, близ Санта-Тринита и на виа деи Ансельми¹. За золотой флорин, два или десять он оставлял в залог не обноски и не тряпье, а хорошую суконную одежду или шелковые пояса, расшитые золотом и серебром. Проценты, которые он называет *merito* [заслуга], не указываются, но их легко вычислить, потому что он записывал и сумму, какую должен был вернуть. Обычно они составляют около 25%. Это было постыдное поведение, ставившее его на одну доску с неимущими и иногда вынуждавшее уступать больше, чем он собирался: «28 мая 1453 г. я послал своего приказчика Козмо к еврею с поношенным ковром, изображающим растительный пейзаж, и с новым мужским плащом, чтобы тот взамен мне вернул *raghonazo* (фиолетовый) плащ, оставленный мною в залог 30 января. А поскольку он отказался это сделать, я послал ему за одиннадцать флоринов женский плащ, и он его принял и дал мне сверх того два флорина».

Представление, что процентные займы способны не только служить купцам и деловым людям, но приносить пользу и простонародью, ремесленникам, крестьянам в повседневной жизни, уже укрепились настолько, что его высказывало

в Санта-Тринита».

¹ Улочка на правом берегу Арно, далеко на северо-запад от собора и площади Синьории, близко к площади и дворцу Строцци. Площадь и церковь Санта-Тринита — совсем рядом.

даже духовенство — оговаривая, что эта практика и барыш не должны выходить за пределы разумного.

В «Сне старого пилигрима», написанном в 1389 г., Филипп де Мезьер (1327–1405) выдвинул идею безвозмездных или дешевых займов в помощь бедным. Позже Бернардин Сиенский, францисканец-обсервант, в трактате «De Monte Pietatis» [О ломбарде] написал, что с простых людей не следует требовать проценты, а только брать у них залог, возвращая в целости и сохранности по погашении долга. «Гора»¹ должна финансироваться за счет сбора пожертвований, каким занимались монахи, и субсидий со стороны коммуны. Несколько позже этим путем пошли францисканцы, исходя из соображения, что безвозмездного займа или займа под небольшой процент часто достаточно, чтобы вывести из затруднительного положения и ремесленника, обремененного долгами, и землепашца, которому недостает посевного зерна, вернув им надежду. Их первый ломбард, построенный на муниципальной земле, появился на свет в Центральной Италии в 1428 г., а лет через двадцать в Марке и Умбрии их уже насчитывалось более сорока. Примеру этих провинций последовали города в Тоскане, а потом по всей Северной и Центральной Италии. В Болонье, а позже в Неаполитанском королевстве крестьянам ссужали зерно «Monti frumentari» [хлебные ломбарды, букв. «Зерновые горы»]².

Однако в дальнейшем ломбарды не получили большой популярности. Ошибкой оказалось их размещение в центре

¹ Словом «гора» (*monte*) в то время называли всевозможные организации или учреждения, собиравшие деньги с большого количества плательщиков с конкретной целью. Это слово было неизвестно в Генуе, но часто использовалось в Венеции и во Флоренции, где отцы семейств вносили определенное количество флоринов в «Monte dei doti» [букв. Гору приданых]; на эту сумму денег нарастали проценты, и она оставалась блокированной до свадьбы дочери.

² Kirshner J., Klerman J. The seven percent fund of Renaissance Florence // *Banchi pubblici, banchi privati e monti di pietà nell' Europa preindustriale: amministrazione, tecniche operative e ruoli economici*. Atti del Convegno: Genova, 1–6 ottobre 1990. Genova: Società ligure di storia patria, 1991. 2 v. T. I. P. 367–398.

города, на одной из площадей, тогда как приличный человек, уважаемый среди соседей, не хотел, чтобы кто-то видел, как он обращается за помощью.

РОСТОВЩИК В ГОРОДЕ

Бюргеры и добрые христиане

Если бы мы могли их сосчитать, мы бы обнаружили, что среди тех, кто давал займы под процент, было больше добрых христиан, знати, церковников, магистратов, купцов и лавочников, известных и уважаемых в городе, нежели евреев, кагорцев и ломбардцев. До последнего времени историки изучали только жизнь профессиональных ростовщиков, пренебрегая тем, что казалось непонятным, или не желая этого видеть. Здесь, как и в других сферах, пагубное влияние оказывали общепринятые взгляды и стойкие клише. Исследователи долго предпочитали читать только тексты, исходившие от властей, более доступные и более простые для понимания, и игнорировать те, которые свидетельствовали о повседневной практике.

Ростовщики желали, чтобы их называли менялами. Во многих торговых городах мы находим улицу или площадь «Менял»¹ или «Столов», а также «Скамей», но о процентных займах названия не сообщают никогда. В Италии ни в одном судебном акте не попадает слово «ссудодатель», а в Париже, так же как во Фландрии и Бургундии, ордонансы, разрешающие займы, говорят исключительно о ломбардцах, «менялах» или «купцах».

Историк может дать себя обмануть словам, которые отражали нежелание тех, кто их писал, признавать практику ростовщичества, но люди того времени не обманывались — для общественного мнения меняла был ростовщиком, че-

¹ «Площадь Менял» — так же, как говорили «площадь Зеленщиков», если на ней торговали фруктами и овощами.

ловеком, занятым дурным ремеслом. Разбогатеv, став обладателем крупных земельных владений и даже сеньорий в сельской местности, он все равно оставался ссудодателем и не мог ни ожидать определенной степени уважения, ни добиться признания в кругах высшей деловой аристократии. С последних лет XIII в. все «менялы» были ссудодателями, которым во всяком случае ростовщичество приносило, конечно, больший доход, чем сделки с наличной валютой.

В 1302 г. во Флоренции, где крупными купцами считалось лишь два десятка человек, входивших в цех «Калимала», 274 менялы держали в общем 93 стола на городских площадях. Это были не евреи и не пришельцы, а коренные горожане, неотъемлемая часть общества. На самом деле их было гораздо больше, ведь существовали более бедные менялы, подвизавшиеся в этом качестве лишь время от времени, не уверенные, что смогут заниматься этим ремеслом долго, и неспособные оплатить членский взнос, а потому уклонявшиеся от вступления в корпорацию, которые как минимум часть времени работали более или менее скрытно. Кстати, цеховые уставы гласили, что родственники каждого, кого причисляют к этой профессии, если они носят ту же фамилию, называются «собратьями по роду» (*consortes de stirpe*). Многие из них устанавливали столы среди толпы на «Меркато нуово» [Новом рынке] или в предместьях, более или менее нелегально, избегая надзора. Другие отправлялись в окрестные деревни, чтобы, выйдя из-под всякого контроля, заниматься ростовщичеством в чистом виде. Немногие цехи были организованы настолько плохо, и такая же картина существовала во всех городах Италии.

Консулы цеха менял, люди влиятельные, уже хорошо обеспеченные, в 1318 г. изменили уставы, чтобы сделать свой цех более закрытой компанией. Чтобы человека записали в этот цех, не требовалось, конечно, как в других цехах, выполнить «шедевр», а надо было предъявить хорошие рекомендации от соседей, регулярно держать стол на

одном и том же месте несколько лет и, главное, заплатить за вступление, а потом ежегодно платить членские взносы, сильно повышенные. Чистка оказалась радикальной: из 300 менял в 1320 г. осталось 190 со 110 столами, а через четыре года — 143 всего с 43 столами. Сделки с наличной валютой, производимые открыто, стали вызывать меньше интереса, чем некоторые другие операции, позволявшие сохранять анонимность.

Однако члены *arte del cambio* [цеха менял] — богачи, парвеню, понемногу вступившие в ряды аристократии, — по-прежнему так или иначе оставались ссудодателями и, как стало принято говорить позже, ростовщиками. Медичи, новые властители Флоренции, не могли заставить горожан забыть, что многие представители этого рода из поколения в поколение носили имя Камбио: первый из них умер в 1297 г., и после него так звали еще четверых, последний из которых, кузен Козимо, умер в 1419 г. Один из главных управляющих их компании, Джованни Бенчи, по 1435 г. отвечавший за стол в Женеве, женился на дочери Бартоломео Перуцци, тоже члена *arte del cambio*. Пусть во времена Козимо, Пьеро Подагрика и Лоренцо Великолепного большая часть их финансовых операций под видом обмена совершалась у них во дворцах, но несколько приказчиков еще держали столы близ «Меркато веккьо» [Старого рынка], на виа деи Таволини. Неизвестно, то ли Медичи на каком-то этапе карьеры переняли в качестве эмблемы золотые шары, которые на стенах своих контор вешали ломбардцы, то ли Медичи первыми приняли этот отличительный знак, а их реноме побудило других подражать им. Во всяком случае, чтобы придать блеск издавна презируемому ростовщичеству, чтобы их шары засверкали ярче и в них перестали видеть просто золотые монеты, они в довольно узком, конечно, кругу придумали и распространили две легенды. Одна приписывала им рыцарское происхождение: французский рыцарь по имени Эдмон де Медичи, сопровождавший императора Карла Великого в Италию, сразился с великаном, наводившим страх

на город Флоренцию. Бесстрашный рыцарь, отразив щитом удар чудовища, увидел, что шесть шипов палицы оставили на щите отпечатки цвета крови. Другая легенда должна была внушить, что заем — тоже благочестивое дело: святой Николай, растроганный плачем трех дев, слишком бедных, чтобы найти супруга, якобы дал им три мешка золота. Из этого золота сделали три шара, и Николай стал покровителем менял. Гербом Медичи остались три золотых шара, изображения которых вырезаны из камня в их капелле доминиканского монастыря Санта-Кроче, на дверях их церкви Сан-Лоренцо, на фонтане на площади и на нескольких домах их родственников и друзей во Фьезоле, Ассизи и Болонье. Во время уличных боев, при призывах к грабежу и резне, в частности, в 1478 г., когда они натравили своих людей на семейство Пацци, их клич неизменно звучал: «Pallie! Pallie!»¹

Во Французском королевстве менялы-ростовщики, столь же многочисленные, были уважаемыми купцами, которые без труда становились добрыми бюргерами и даже городской аристократией. В Лангедоке картулярии Магелонна и аббатства Желлоны с конца XI в. включают договоры о займах под залог (*carta pignoris*). С тех пор нотариусы Монпелье составляли всевозможные документы о признании долга *ex causa mutui* [по взаимному согласию] или *ex causa veri et legitimi mutui* [по истинному и законному взаимному согласию], где никогда не указываются проценты, но по нотариально заверенным договорам их можно легко рассчитать. В 1200-х гг. ссудодателей-евреев было в Париже в три раза меньше, чем христиан, и они в среднем давали намного меньшие суммы².

¹ Имеются в виду шары или мячи, изображавшиеся на их гербе и на их грамотах перед подписями.

² *Malafosse J. de*. Contribution à l'étude du crédit dans le Midi aux Xe et XIe s.: les sûretés réelles // *Annales du Midi*. 63 (1951). № 14. P. 105–148. — *Reyerson K.L.* Business, banking and finance in medieval Montpellier. Toronto: Pontifical Institute of medieval studies, 1985. P. 40 и далее. Десятую часть займов предоставляли женщины.

Жан де Мандюэль, внук и сын марсельских негоциантов, принял участие в восстании провансальцев против Карла Анжуйского. Он был арестован и казнен в 1264 г., и протокол о конфискации имущества, список, который служащие графа составляли тридцать лет, показывает, что этот крупный негоциант постоянно и в больших масштабах практиковал обычное ростовщичество. Общая сумма долговых обязательств перед ним составляла 10 600 ливров, 30 мер зерна и шесть квинталов перца. Один купец задолжал ему более 800 тыс. ливров, но большинство из его двухсот должников, учтенных как попало, были должны лишь небольшие суммы, по десять-двадцать ливров¹.

Открыто названные по фамилиям менялы, *campsores*, *cambitores*, *changeres* держали ссудные столы на территории лена графа Фландрского — с 1180 г. в Аррасе и Сен-Кантене, с 1213 г. в Генте, с 1224 г. в Брюгге и с 1241 г. в Турне. Некий меняла Бодуэн числится среди гентских заложников, которых Филипп Август в 1213 г. захватил в Сент-Омере, чтобы обеспечить себе верность фламандских городов. Некоторые, как десятки бюргеров Фландрии и Артуа, ездили продавать ткани за Ла-Манш. Два суконщика из Гента, Симон Саффир и Готье Спронк, в 1204 г. получили в обеспечение своих займов освобождение от пошлин на торговлю шерстью и сукном. Саффир как поставщик двора Иоанна Безземельного делал займы от его имени и, ездя с его поручениями к графу Фландрскому и к императору Оттону IV, помогал его сторонникам во Фландрии и в империи. Жан де Сент-Альдегонд, финансист из Дуэ, предоставлял ссуды всем; поддерживая отношения с флорентийской компанией Пульчи и Рембертини, он служил графам Фландрии и Артуа, внося деньги в их казну и упрощая

¹ *Blancard L.* Documents inédits sur le commerce de Marseille au Moyen Age édités intégralment ou analysés. Marseille: typ. et lith. Barlatier-Feissat père et fils, 1884–1885. 2 v. Мандюэль вкладывал деньги и в перевозки товаров, заверив более чем у сорока нотариев (тридцать семь — в Марселе, один — в Мессине, один — в Нарбонне и один — в Сеуте) договоры об участии в одной перевозке товаров через море.

их контакты с королем Англии. Несколько христиан, добрых горожан, создали мощное объединение, куда вовлекли родственников и близких, снискали милость графа и взяли на себя немалую часть финансового оборота — из 540 ссудных операций, известных в XIII в. во Фландрии, на эту компанию приходится почти треть.

Ги де Дампьер в 1294 г. предоставил шести бюргерам Лилля монополию на обменные и ссудные операции в городе; эти люди, которых иногда называли «сборщиками» (*receveurs*), обычно давали ссуды кому попало, не принимая никаких предосторожностей, под умеренный процент (от 6 до 12%). В Мехелене муниципальные постановления, датированные 1301 г., разрешали всем ремесленникам — членам цехов, за исключением серебрянщиков и галантерейщиков, практиковать обмен, то есть процентные займы, за пошлину десять ливров в год.

Если хронисты, а позже историки не проявили к этим добрым бюргерам, притом очень многочисленным (в Аррасе в XIII в. за три поколения их насчитывается 256), такого же внимания, как к ломбардцам, то, возможно, потому, что эти купцы-финансисты не имели ни корреспондентов, ни филиалов в других городах и за пределами родного города держали столы только на пяти фламандских ярмарках, прежде всего в Торхоуте, где аррасцы арендовали двадцать восемь меняльных столов. В Лилле восемь горожан сняло палатки на десять лет.

В XIII в. о нескольких видных семействах парижской [деловой] аристократии, к которым относились Бурдоны, Попены, Барбетты¹ и Пьер Марсель Старый, дед Этьена Марселя, сделавший компаньоном своего кузена Гильома, было заведомо известно, что они разбогатели за счет обмена

¹ *Sellier Ch. Monographie historique et archéologique d'une région de Paris: le quartier Barbette. Paris: A. Fontemoing, 1899.*

и денежных займов¹. «Книга тальи»² за 1297 г. приводит имена этого Марселя, некоего Готье из Брюсселя, Ренье Ле Фламана и Жана из Лиона в числе первых из обладателей крупных состояний.

В 1320–1330-е гг. все купцы в Монбризоне, в Форе, практиковали ростовщичество. Юг Манилье, бывший ктитор коллегиальной церкви Богоматери, сделавший состояние на торговле воском, а потом сукном, пшеницей, рожью и вином, после смерти оставил в наследство большое количество долговых расписок. Матьё Шамбон, богатейший из мясников города, постоянно ссужал деньги из расчета денье с четырнадцати (то есть под 7%³) и хранил у себя в сундуке 132 долговых обязательства на солидную сумму в полторы тысячи ливров; треть из этих долговых расписок, подписанных мелкими лавочниками из города или крестьянами из окрестностей, имела давность более десяти лет; на этих займах и конфискациях имущества несостоятельных должников он накопил немалое состояние в недвижимости — луга, виноградники, земли и ренты. Во время Столетней войны бюргеры Ле-Мана и Анжера щедро ссужали деньгами знатных английских пленников для выплаты выкупа, забирая в залог драгоценности или земельные владения. Так же вели себя и церковники: с 1429 по 1435 г. аббаты Сен-Флорана в Сомюре ссудили нескольким разорившимся рыцарям более восьми тысяч золотых экю, получив в залог золотые кресты, пластины и фермуары с книжных переплетов, зо-

¹ *Fremaux H. La famille d'Étienne Marcel, 1250–1397//Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Île-de-France. 30 (1903). P. 175–242.*

² Это был большой реестр на пергаменте, ин-фолио, насчитывавший 78 листов; имена податных записывались в два столбца, из расчета 52 строки на лист. Налог называли «тальей» (*taille*, буквально «насечка») сообразно способу считать в то время, когда многие не умели ни читать, ни писать и были неспособны вести счетные книги. Должники делали зарубку на деревянной палочке для каждой суммы, которую были должны, а кредитор — зарубку на другой палочке для каждой из поэтапных выплат, погашавших долг.

³ О разных способах указывать процент см. ниже, с. 184–185.

лотые ожерелья и настольный «корабль» из позолоченного серебра. Один из уполномоченных этих рыцарей, взявший на себя функции куртье, выступал гарантом и обещал стать узником в аббатстве, если долг не будет погашен в срок¹.

В 1440 г. Карл VII приказал провести расследование обо «всех действиях ломбардцев и других людей, дающих деньги в рост и заключающих фальшивые ложные договоры». Королевские комиссары четыре года подряд объезжали Иль-де-Франс, Пикардию, Турень и Шампань и присудили в общей сложности 491 ростовщика к 520 штрафам. Там, конечно, нашли три больших «ломбардских» семьи, на самом деле выходцев из Асти, издавна поселившихся в нескольких городах, а также руанских ломбардцев, приговорив их выплатить тысячу двести ливров — значительную сумму. Но это были и все иностранцы, которых королевские уполномоченные за четыре года расследования и проверки счетов смогли уличить в выдаче займов под процент. Все остальные были местными бюргерами уже не в первом поколении. Так, более 480 ссудодателей, бесспорно опознанных, были гражданами тех городов, где занимались ростовщицеством. Некоторые не довольствовались мелкими займами «по дружбе»: некий Пьер дю Шмен ссудил четыреста ливров, а некий Пьер Белль — тысячу шестьсот².

В 1456–1488 гг. расследования, инспирированные минцмейстерами³, позволили узнать для каждого города и местности, сенешальства и баляжа имена менял, обладавших

¹ *Fournial É.* Les Villes et l'économie d'échange en Forez aux XIIIe et XIVe siècles. Paris: les Presses du Palais Royal, 1967. — *Bouton A.* Le Maine: histoire économique et sociale, des origines au XIVe siècle. Le Mans: Monnoyet, 1962–1976. 2 v. T. II.

² *Vornefeld C.* La Situation sociale et les origines des usuriers au temps de Charles VII. Mémoire. Université de Paris IV, 1988.

³ Обо всем этом см.: *Favreau R.* Les changeurs du royaume..., op. cit., где приводятся имена всех этих менял и две карты распространения их деятельности.

«*lettre de change*»¹. Фландрия, Бургундия, Прованс и Дофине в отчете не упоминаются; на Юге, где, конечно, обмен денег и процентные займы могли быть распространены не меньше, чем в других местах, Бордо и Тулуза имеют бледный вид, а между Бордо, Лиможем, Лионом и Нимом находится обширное пустое пространство, и это, несомненно, значит, что расследование здесь вели не столь активно. Тем не менее все-таки обнаружилось 750 менял. Ни один из них не был ни евреем, ни ломбардцем. Более половины, ровно 450, были купцами, предоставлявшими ссуды деловым людям, горожанам, королю и принцам. Города Париж, Руан, Ла-Рошель, Лимож и Лион насчитывали каждый более чем по тридцать менял. Некоторые, зарегистрированные в городе, занимались своим ремеслом далеко от дома или нанимали приказчиков и маклеров в качестве представителей. Один меняла и купец из Сен-Пурсена по имени Пьер Тиулье держал столы или лавки в шестнадцати разных областях — от Анжу, Пуату и Лимузена до Ла-Рошели, Бордо и Перигё и до Лиона, в графстве Марш и в герцогстве Бурбон.

Отчеты этих комиссаров также показывают, что менялы и ростовщики далеко не ограничивались ярмарками и большими торговыми городами, общение с ними было обычным делом даже в сельской местности, в городках и деревнях. Эти тексты перечисляют за три десятка лет названия 280 населенных пунктов в Турени, 275 — в Пуату, 232 — в Берри. В каждой провинции, сенешальстве или бальяже было по несколько десятков мест, где менялы, так же как галантерейщики или разносчики, бывали только проездом.

¹ Это выражение способно запутать читателя. Оно может подразумевать, как здесь, грамоту, удостоверяющую, что король разрешил данному человеку заниматься обменом денег; это может быть и письмо, составленное минцмейстерами и информирующее о монетной мутации, и, наконец, распоряжение о выплате денег в заграничном городе (то есть переводной вексель; о них см. ниже, с. 194???)

Евреи

Представление о еврее-ростовщике, держащем скамью или лавку в *еврейском квартале* или *гетто* и не поддерживающем повседневных контактов с христианами города, следует пересмотреть. Их присутствие не везде было значительным в равной степени, и их занятия, сферы деятельности и способы находить себе место в обществе сильно варьировались в зависимости от страны. В Италии они, вполне естественно, наиболее многочисленными и активными были на Юге, особенно в приморских городах, где их общины могли поддерживать добрые отношения с общинами Востока и мусульманских стран Северной Африки. При арагонских королях евреи Сицилии, по преимуществу арабоязычные, считались «сервами Королевской палаты» (*servi della Camera Reale*) и находились под покровительством короля. В 1294 г. Хайме II Арагонский велел Констанции, которая как супруга инфанта Педро правила от его имени, запретить францисканцам выводить евреев из жилищ, чтобы проповедовать им Евангелие, смешивая с массой христиан. Проповеди предлагалось читать в синагогах, а судьи должны были следить, чтобы в эти дни не приходили «безумцы или бродяги» нарушать порядок и ругать либо оскорблять кого-либо¹. Очень много евреев было и в Риме, который они воспринимали в трудные моменты как прибежище, но ни одного не было в Генуе, где астиийцы, выходцы из Асти и Кьеры, обладали своего рода монополией на сделки с наличной валютой и на ростовничество, тогда как Милан, Мантуя, Венеция и Болонья, а позже и Флоренция разрешали по договорам *кондотты* иудейским семьям держать скамьи для выдачи ссуд под залог (*banchi di pegno*).

¹ *Bresc H.* Arabes de langue, juifs de religion: l'évolution du judaïsme sicilien dans l'environnement latin, XIIe–XVe siècles. Paris: Bouchène, 2001. — *Documenti sulla luogotenenza di Federico d'Aragona: 1294–1295* / a cura di M. Scarlat, L. Sciascia. Palermo: ILA Palma, 1978. Французский перевод: *Villes d'Italie*, op. cit. P. 242.

Во Франции их расселение хорошо изучено на Юге, особенно в Провансе, где они разъезжали по сельской местности, скупая зерно, виноград и фрукты. Этой коммерцией занимались по преимуществу женщины, прежде всего вдовы. Землепашцам и виноградарям, которым зимой не хватало денег на покупку семян, штанов или сукна, они ссужали небольшие суммы до жатвы или сбора винограда. В радиусе километров двадцати вокруг Экса-ан-Прованс насчитывалось вдвое больше ссудодателей-евреев, чем христиан. Несколько десятков лет два-три семейства имели монополию на продажу миндаля, собранного на равнине Трес и в долине Дюранса, и оливок, а также оливкового масла из района Салона и окрестностей Тулона. В овцеводческих регионах, в Провансе и особенно в Верхнем Лангедоке, они заверяли у нотария договоры со скотоводами, резервируя за собой настриг с их отар, то есть шерсть, которую продавали городским сукноделам. Другие, более богатые, одновременно успешные купцы и ростовщики, довольствовались тем, что ссужали намного более крупные суммы знати, церковникам и муниципалитетам: с 1450 по 1477 г. коммуна Фаянса взяла у Массипа Абрама, еврея из Экса, пять займов, каждый на сумму в несколько десятков флоринов. Селясь в городах и селениях, они становились посредниками между христианскими купцами и крестьянами и поддерживали хорошие отношения с богатыми землевладельцами. Несколько семей из Экса владели на территории к северу от Ла-Кро таким количеством виноградников, что эти места называли «еврейским участком».

Считать, что они жили прежде всего ростовщицеством или продажей того, что растила земля, тоже значит создавать себе ложное представление о них. Откупщики и сборщики разных налогов для коммун, сеньоров и монастырей, например, дорожных пошлин на путях для перегона овец в горы или прав на заключение сделок на рынке в Пюирикаре, в Марселе они обычно работали маклерами или обрабатывали кораллы, в Арле — красильщиками и во всех городах — старьевщиками и портными, в частности, шили пурпуаны и шоссы. Некоторые

еврейские семьи в Лодеве, Монпелье и Эксе, не имевшие ни какого отношения к денежным операциям, торговали у себя в лавках холстом и сукном, купленными у галантерейщиков Бургундии, Фландрии или Эно¹.

Известно, что во Французском королевстве еврейские общины существовали в Анжере и в Бургундии, в частности, в Оксере, во всех же остальных местах к северу от Луары, в Иль-де-Франсе, в Пикардии и особенно во Фландрии, евреев, конечно, принимали, но они испытывали сильную конкуренцию со стороны ломбардцев, а поскольку в деревнях их не было, в сельской местности они имели мало влияния².

В Париже, поселившись сначала на острове Сите, откуда король в 1198 г. их изгнал, с 1204 г. они в большом количестве жили на правом берегу Сены близ церкви Сен-Бон, на территории, границами которой служили улица Франк-Мунье, бульвар Робер-де-Пари (позже улица Ренар), улица Нёв-Сен-Мерри и улица ла Ташери³. Судя по «Книге тальи» 1295 г., евреи, записанные отдельно, как и ломбардцы, были, конечно, намного бедней последних. Никто из них не платил талью более десяти ливров, тогда как главы ломбардских семейств, состоявшие на учете в приходах Сент-Эсташ, Сен-Никола-де-Шан и Сен-Жак-ла-Бушери, были обложены налогом в несколько десятков ливров. Средняя подать, взимавшаяся с евреев, немного выше

¹ *Iancu D.* Etre juif en Provence: au temps du roi René. Paris: A. Michel, 1998. — *Iancu D.* Les Juifs en Provence: 1475–1501, de l'insertion à l'expulsion. Marseille: Institut historique de Provence, 1981. — *Iancu-Agou D.* Topographie des quartiers juifs en Provence médiévale // *Revue des études juives*. 133/1–2 (1974). P. 11–56. — *Shatzmiller J.* Recherches sur la communauté juive de Manosque au Moyen âge: 1241–1329. Paris; La Haye: Mouton, 1973.

² Тем не менее см.: *Golb N.* Les juifs de Rouen au Moyen Âge: Portrait d'une culture oubliée. Rouen: Université de Rouen, 1985.

³ *Roblin M.* Les juifs de Paris: démographie, économie, culture. Paris: A. et J. Picard, 1952. — *Nahon G.* La communauté juive de Paris au XIIIe siècle: Problèmes topographiques, démographiques et institutionnels // *Actes du 100e Congrès national des Sociétés savantes: Paris 1975*. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. Paris: Bibliothèque nationale, 1977–1978. 2 v. T. 2. P. 143–156.

средней подати со всех податных вместе взятых, но гораздо меньше (шестнадцать денье против тринадцати с лишним), чем подать с ломбардцев¹. Это наводит на мысль, что ростовщичество, каким занимались те и другие, имело разную природу: евреи, несомненно, ссужали только небольшие суммы и ненадолго, не решаясь на другие операции.

Князья, когда им не доставало денег, не раз накладывали на евреев крупные штрафы или изгоняли их. Однако (и это еще по-настоящему не привлекло внимания исследователей) евреи, как и ломбардцы, в некоторых городах прибегали к защите закона и помощи сил правопорядка, чтобы добиться погашения долгов и выплаты разрешенных процентов. Согласно одному документу, заверенному печатью герцога Бургундского, Жан де Марсенак и его жена, крещенные евреи, перед лицом оксерского прево признали, что заняли у евреев этого города четыреста флоринов, «франков и золотых и правильного веса, подходящего королевской монете». Они обязались от своего имени и от имени наследников в случае неоплаты не возражать предъявителю «обязывающих писем» или «управляющему делами евреев», ссылаясь на какие-либо льготы, как церковного характера, так и светского, как, например, льготы для женщин².

Отношения с христианами не везде были такими, как часто считается. В Арле пятеро евреев, сами владельцы виноградников, собирали и давили виноград на виноградниках доминиканцев. В Эксе мужчины регулярно поставляли ко двору короля Рене ковры, атлас или бархат, а женщины — занавеси, церковные облачения и столовое белье. Заключение евреев в гетто, намеренная и предписанная изоляция их от общества, в полной мере стало данностью, резко изменив городской пейзаж, лишь

¹ Эти цифры следовало бы уточнить, приняв во внимание, что евреи учитываются в этой книге по «очагам», каждый из которых соответствует одной-единственной семье, тогда как для ломбардцев мы обычно видим, что после одного имени идет несколько других или даже упоминание «компаний».

² *Viey F. Les Juifs dans l'Yonne* (<http://www.alliancefr.com/culture/viey/lyonne.html>).

сравнительно поздно, несомненно, в последние десятилетия XV в. До этого иудеи имели дома и лавки в нескольких кварталах Монпелье и Экса. В Париже они жили совсем близко к менялам-христианам. То же было во Флоренции, где их ссудные конторы располагались неподалеку от Санта-Тринита, в нескольких шагах от столов Медичи; единственное различие заключалось в том, что у одних были закрытые конторы, у других — скамьи или столы. В городе Болонье, где ни одно постановление коммуны не запрещало им селиться, где хотят, и даже рассеиваться, они предпочитали *камбиум*, христианский квартал менял, расположенный близ одних городских ворот, где и поныне проходит улица *виа деи Джудеи*¹.

МЕНЯЛЫ ДИАСПОР

Кагорцы

В нескольких городах и областях Северо-Западной Франции, иногда даже в Париже, королевские ордонансы и муниципальные распоряжения обычно называли некоторых менял и ссудодателей под залог кагорцами. Этих людей, которых тогда уподобляли другим ростовщикам, а именно ломбардцам, не изгоняли с родной земли войны или репрессии. Сначала они были негоциантами, но по просьбам князя или епископа стали ссудодателями. Купцы из Кагора (города, расположенного на дороге, по которой паломники из Англии и Нормандии шли в Сантьяго-де-Компостела) сначала, в 1194 г., поселились в Ла-Рошели, а потом в несколько этапов расселились дальше к северу, даже за Ла-Маншем. Позже их встречали уже на шампанских ярмарках, потом — в Марселе, откуда они достигли Генуи, Арагона, Сицилии и, наконец, средиземноморского Леванта, а именно

¹ *Pini A.I.* Famiglie, insediamenti e banchi ebraici a Bologna e nel Bolognese nella seconda metà del Trecento// *Quaderni storici*. 22/54 (1983). P. 783–814.

факторий христианских негоциантов в Сирии. Эти кагорцы были добрыми торговцами, ростовщиками они не были.

Впервые они начали давать ссуды по просьбе своих епископов, чтобы помочь тем вынести огромные расходы на альбигойскую войну. Гильом IV де Кардаляк (1208–1235 гг.) потратил доходы своего диоцеза, а потом израсходовал собственную казну; поскольку время поджимало и приближались сроки других платежей, он занял солидные суммы у нескольких негоциантов своего города, которые до тех пор не держали ссудных столов и не занимались ростовщичеством. Командующие армиями — Симон де Монфор, а потом французский король тоже брали у них большие займы в городах Кагоре, Гурдоне, Капденаке, Кадайяке, Кайяке, Суйяке, и область стала важнейшим финансовым центром Юго-Запада. Епископ Жеро де Бараск (1236–1250 гг.) был вынужден уступить доброму городу Кагору в обмен на займы, которые все оказались безвозвратными, право чеканить монету, собирать мельничные сборы и пошлины за проезд по мостам и плотинам через реку Ло. Потом, еще глубже забравшись в долги, он занял крупные суммы у все более требовательных людей, которые вели дела настолько хорошо, что, став хозяевами нескольких поместий, конфискованных у разорившихся должников, они смогли войти в состав знати. В 1246 г. он уступил Арно Беральди большой дом в городе Прадин, а потом оставил несколько земель, сеньором которых позже вместе с ним стал Беральди.

Тем временем кагорские ростовщики поставили ссудные столы в нескольких городах, завоеванных в результате крестового похода, а именно в городах Восточного Лангедока, присоединенных к королевскому домену, — Каркассоне, Монпелье и Бокере. Двое из них, Раймон и Эли де Сальвага, купцы в Монпелье, дали крупные денежные авансы Симону де Монфору, который в благодарность за услуги и с тем, чтобы не возвращать долг, уступил им сеньорию Пезенас¹.

¹ В Брюгге дом ссудодателей еще в 1463 г. назывался Отелем кагорцев, хотя все его обитатели были тосканцами.

Ломбардцы и пьемонтцы

Эта великая диаспора денежных воротил возникла в результате того, что некоторые люди, гонимые преследованиями или страхом, покинули родину. Более чем за два века это политическое изгнание наложило глубокий отпечаток на общественную жизнь, перевернуло соотношение сил в городах Северной и Центральной Италии. Партии гвельфов и гибеллинов, или «белых» и «черных», сталкивались в страшных боях, заканчивавшихся полным разорением побежденных. Никаких разделов и никакой очередности никогда не было: победители забирали всё, назначали советы и магистратов и, главное, устраивали жестокие расправы с семьями другой группировки, которую объявляли мятежной, с мужчинами, женщинами и детьми, преследуя их как еретиков. Побежденные, если не желали погибнуть от рук разъяренной толпы или увидеть, как их дворцы и дома грабят, жгут или сносят до основания нанятые коммуной разрушители¹, пускались в бегство. Когда возвращалось спокойствие, города составляли списки изгнанников и мятежников, и художники, имена которых умалчивались, покрывали стены муниципального палаццо мерзкими рисунками, чтобы верней их опорочить.

Изгнанники, предпринимая опасные авантюры, искали убежища в других местах. Умелых ремесленников, мастеров, искусство которых было признано, принимали хорошо; они приносили секреты производства, и таким образом из Лукки изготовление красивых шелковых тканей распространилось во Флоренцию, в Венецию и в Геную. Но большинство вынуждено было ехать гораздо дальше, зарабатывая себе на жизнь всеми видами ремесел, услуг и уверток, а то и решаясь на мелкие кражи. Бонаккорсо Питти, изгнанный из Флоренции

¹ Гвельфы, вернувшись в 1260 г. победителями к себе в город, получили компенсацию за потери; тогда было подсчитано разрушенное — 103 дворца, более 300 больших домов, в том числе 90 с башнями, немалое количество замков и крестьянских селений в сельской местности.

в 1375 г., уехал со своими лошадьми и четырьмя слугами; он поехал в Рим, потом — в Геную, Авиньон, Павию и Венецию, откуда добрался до Загреба и Буды; вернувшись во Флоренцию, он немедленно вновь отбыл в Сиену, Пизу, Верону, Геную, Тараскон, чтобы оттуда достичь Парижа, Брюсселя и Лондона. За эти четыре года он находил убежище у других изгнанников, домогался помощи, торговал оружием и лошадьми и, главное, выигрывал крупные суммы в кости¹.

Младшие сыновья пострадавших семей поступали оруженосцами в воинские отряды и в случае удачи, проявив храбрость, возглавляли их. Таким образом в Италии многие мелкие дворяне стали кондотьерами или пиратами. Менялы, более многочисленные, во всяком случае, лучше изученные и лучше известные, тоже покидали свои города — не убегая от стыда, поскольку об их занятии узнали соседи, а спасая жизнь и желая приобрести еще немного денег. Этих людей, знавших толк в обращении с монетами и в ведении счетов, нередко хорошо принимали какой-нибудь князь или город, даже оказывая им покровительство. Прибывая без денег, довольствуясь малым, живя поначалу вне общества, они оказывали услуги населению и, собираясь в одном квартале и не пытаясь ни привлечь к себе внимание, ни внедряться в ряды аристократии путем браков или крещения детей, пока что не составляли конкуренцию купцам.

* * *

Первыми ломбардскими менялами, несомненно, стали изгнанники из Милана и других городов гвельфов (папской партии), гонения на которых были устроены по приказу Фридриха Барбароссы после его победы над Ломбардской лигой в 1161 г. Изгнанники из Пьяченцы прибывали в Геную и оттуда разъезжались по другим городам.

В 1230–1240-е гг. города Асти, Альба и Кьери дорого заплатили за помощь Лиге, противостоявшей императору

¹ *Mirot L. Notes sur une famille florentine établie en France au XIVe siècle // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 36 (1916). P. 3–26.*

Фридриху II: их стены были разрушены, а семьи, обвиненные в том, что они устраивали или возглавляли мятеж, приговорены к тяжелым штрафам или ссылке. Через пятьдесят лет, в 1290-е гг., из-за войн между гвельфами и гибеллинами в Пьемонте в путь отправились другие изгнанники, менялы и ростовщики, нашедшие прибежище в Шампани — сначала на ярмарках, а потом постоянное, в городах, в Труа, Провене и, наконец, в Мо, где богатое семейство Скарампи регулярно упоминается среди прюдомов коммуны, носящей итальянское название *Сапьенза* (Sapienza); их часто вызывали на суды в качестве свидетелей, и они входили в состав посольства графа Шампанского в 1278 г. В 1310 г. Антонио Скарампи, его дети и компаньоны получили права гражданства. Они привлекали другие семейства родом из Асти и Кьери в города Мо, Труа и Провен, становившиеся все более активными финансовыми центрами. В 1325 г. семь итальянцев в Провене выплатили в качестве тальи королевским служащим 1150 турецких ливров. В Мо было собрано 5550 ливров, 2500 из которых, то есть почти половина, — с одного-единственного стола, принадлежавшего Бартоломео Скарампи и его племянникам. Они уже не были, как первоначально, кредиторами, собирающими в задней комнате лавки груды фальшивых драгоценностей, хлама и скверных тканей, оставляемых в залог бедняками — крестьянами, которым не хватало нескольких ливров на покупку семян, ремесленниками, лавочка которых могла вот-вот закрыться. Они давали ссуды знати (37 расписок об уплате долга из 68 в 1347 г.) и муниципалитетам, у которых из-за плохого распоряжения финансами и чрезмерных расходов казна иссякала и которые опасались услышать от своих граждан громогласные требования о переходе под графскую опеку. Благодаря кризису сеньориальных доходов, разорению мелких дворян, банкротству коммун эти денежные воротилы богатели: в 1337 г. два сына Антонио Скарампи, обвиненные в том, что напали на ярмарке перед меняльными столами на ночного стражника города Труа и убили его, были после долгого следствия оправданы;

тем не менее для графа это стало поводом обложить дополнительными налогами этих людей, присудив их к выплате 8000 турских ливров за справки о снятии судимости — огромной суммы, если сравнить ее с доходами от земель епископа Мо, оцениваемыми всего в 5000 ливров¹.

Далеко оттуда, в долинах Дофине, в 1300-е гг. денежные рынки тоже попали под контроль выходцев из Асти или Кьери, и огромное количество займов под залог всего через десять-двадцать лет повлекло за собой задолженность крестьян, а потом неизбежные конфискации их земель ростовщиками. То же происходило в Валле-д'Аоста и в Савойе². В 1309 г. протокол приглашения императором Генрихом VII в Кёльн ломбардцев, поселившихся в империи, между Маасом и Шельдой, перечисляет 77 городов и деревень.

Тосканцы из Флоренции, Сиены и Лукки, тоже изгнанные из родных домов, вернулись в них после победы имперцев при Монтаперти в 1260 г. Их не всегда различали, и простой народ тоже называл их всех ломбардцами. Это название за ними и сохранилось. Джованни Виллани, хороший хронист, говоря об удачах и несчастьях этих городов, все более обескровленных, замечает: «В 1263 году [...] многие из них [флорентинцев] ради заработка переехали через горы во Францию, чего ранее никогда не делали»³. В Сиене Галлерани, уважаемые богатые купцы, издавна жившие в квартале [трети города] Камоллия в сердце города, соседи и друзья могущественного гвельфского семейства Толомеи, спаслись бегством в Рим и по дороге установили два меняльных стола в Радикофани. Вернувшись

¹ Wilmart M. La compagnie Scarampi et les Italiens de Meaux au XIVe siècle // *Bulletin de la Société historique de Meaux et sa région*. 1 (2004). P. 61–74.

² Patrone A. M. Le casane astigiane in Savoia. Torino: Deputazione subalpina di storia patria, 1959. [Miscellanea di storia italiana. Ser. 4; 4.] — Patrone A. M. Le casane astigiane nella Valle d'Aosta // *La Valle d'Aosta: relazioni e comunicazioni* presentate al 31. Congresso storico subalpino di Aosta, 9–10–11 settembre 1956. Torino: Deputazione subalpina di storia patria, 1958–1959. 2 v. V. 2. P. 822–827.

³ Джованни Виллани. Новая хроника, или История Флоренции / Пер. М. А. Юсима. М.: Наука, 1997. С. 192.

в Сиену после победы гвельфов при Колле-ди-Валь-д'Эльса в 1269 г., они отстроили свои полуразрушенные дома, собрали своих ремесленников, восстановили торговлю и вернули своих клиентов. Но через десять лет, в 1277 г., политическая победа их врагов Салимбени вновь вытолкнула их за ворота, и на сей раз несчастье привело к появлению целой *диаспоры* этого семейства и к необыкновенной активизации его финансовой деятельности. Они поселились в Лондоне, в Париже и в Шампани, занявшись монетными операциями, обменом, займами простым людям, торговлей лошадьми и зерном. Эти ростовщики, представленные многими столами на шампанских и бургундских ярмарках, получили с 1300 по 1350 г., согласно одному исследованию, оставшемуся незавершенным из-за недостаточного количества документов, более 140 разрешений на установку столов в Северной и Восточной Франции.

Рапонди, прочно обосновавшиеся в Париже и в Бургундии в 1390–1400-х гг., тоже были высланы из своего города Лукки. Дино Рапонди, советник и казначей герцога Филиппа Храброго, поставщик двора, откупщик многочисленных налогов и, главное, услужливый банкир, всегда готовый предоставить герцогу солидный аванс, покинул Лукку в 1390 г., сразу же после победы своих врагов Гвиниджи. Его брат Пьетро, в то время первый магистрат города, гонфалоньер справедливости, спас себе жизнь только ценой поспешного бегства; печальные скитания привели его сначала в Авиньон, потом в Пизу и, наконец, к герцогу Бургундскому. Властители Лукки конфисковали все его имущество и обезглавили на городской площади двух его близких друзей. Через недолгое время Пьетро вернулся в Италию и напал на свой город во главе отряда сторонников. Попав в плен, он был приговорен к смертной казни и выплате штрафа в двадцать тысяч флоринов. Некоторые советники выступили в его защиту; он заплатил только десять тысяч и покинул город, вынужденный заниматься грязными обменными и монетными махинация-

ми, — сначала совсем неподалеку, в горном селении Понтремоли, потом в Павии¹.

Менялы, люди, занимавшиеся любыми денежными операциями, во Французском королевстве встречались повсюду, даже в селениях, далеких от большой коммерции и финансовых рынков. Три брата Филикайя, уроженцы деревни под городом Луккой в Тоскане, более двадцати лет прожили в Бретани и на землях Западной Франции. Без конца находясь в пути, они ездили из Ренна — в Витре и в Фужер, из Нанта — в города на Луаре. В письмах, которыми они обменивались меж собой и которые посылали к родственникам в Лукку, хорошо видны экономические пружины их действий, рассказывается, что они предоставляли многочисленные ссуды (но проценты не указаны), а чаще всего покупали и продавали зерно, лошадей, холст и соль². Они и не подумали офранцузивать свою фамилию или создавать союзы и добиваться преимуществ, давая авансы князю и прелатам, но благоразумно сохранили деловую сеть и клиентуру, не становясь персонами нон грата и не оказываясь вынужденными дорого платить за успех — штрафами, конфискацией имущества и унижительными высылками.

Венецианцы и генуэзцы у себя городах ростовщичеством не занимались, но ничуть не препятствовали в этом чужеземцам. Несколько гибеллинских семей из Флоренции, высланных в 1267 г. после разгрома имперцев, а также семей белых гвельфов, изгнанных в 1302 г. «черными», открыли в Венеции и на *Терраферме* до Истрии и подножия Альп ссудные столы и так

¹ *Mirot L Études lucquoises // Bibliothèque de l'École des chartes*. 89 (1928). P. 299–389.

² Эти письма, сохранившиеся во флорентийском «Archivio di Stato», — простые записки, разобрать содержание которых почти невозможно: шрифт — не готический, а курсив конца XV в., сокращений необычно много, а язык, тосканский деловой язык, насыщен техническими терминами, смысла многих из которых не объясняет ни один словарь. Лишь отдельные места, менее трудные для расшифровки и понимания, позволяют составить общее, очень неполное, представление о поступках авторов.

успешно занимались ростовщичеством и монетными операциями, что менее чем через двадцать лет уже владели домами в селениях и городах, землями и имениями в долинах и солеварнях. В трех флорентийских компаниях, дававших деньги в рост в Триесте, все, и хозяева и приказчики, были беглецами или детьми изгнанников, и многие принадлежали к крупным «феодалным» семьям Флоренции. Сольдарини, изгнанные в 1267 г., укрылись в Вероне, в Венеции и в Удине и больше никогда не пытались вернуться домой; один из них с помощью сына открыл ссудное заведение в Триесте, в рыночном квартале, а также мастерскую по изготовлению и продаже шерстяных тканей, причем продажа происходила почти исключительно в кредит; он также организовал торговлю деревенской продукцией — зерном, оливковым маслом, вином, дровами для отопления домов, шкурами и кожами. Другая флорентийская семья, Амидеи, изгнанная на сорок лет позже, в 1302 г., установила свою первую меняльную скамью в Джемоне, городке в области Венеции, и, сделав ее головной, основала несколько отделений в альпийских долинах, на перекрестках торговых дорог. В 1319 г. Энрико Амидеи арендовал на три года ломбард в Больцано. Этих тосканцев было настолько много и они так прочно обосновывались, что один из них, Микеле Бернини, мог написать: «Эта земля наполовину находится в руках флорентинцев, уроженцев Флоренции, отцы и матери которых принадлежали к старинным родам»¹.

Другие, астийцы, направились на юг и через апеннинские перевалы достигли города Генуи, где так удачно себя поставили, что в XV в. только они в этом городе предоставляли процентные займы, вытеснив евреев и ломбардцев. Их столы, называвшиеся *casane*, находились не на пьядца Банки близ порта, а в народных кварталах, далеко от центра. Это уже не были, как первое время, простые скамейки, это были конторы, занимавшие первый этаж дома, где работало несколько

¹ De Franceschi C. Esuli fiorentini della compagnia di Dante: Mercanti e prestatori a Trieste e in Istria// *Archivio veneto*. Ser. 5. 23 (1938). P. 83–178.

компаньонов и приказчиков под руководством «заведующего» (*governatore*), уроженца Асти или Кьери. Эти люди не прибеднялись: доля одного из них, Джованни Пауло Ротарио, в *casana* Санта-Мария-делле-Винье составляла более пяти тысяч лир¹.

* * *

Ростовщик-ломбардец не рисковал в одиночку. Он покидал свой город в сопровождении родственников и скоро приглашал других, чтобы образовать сообщество, установить столы в нескольких городах и сохранить их. Портини, тосканцы из Пистойи, держали прилавки в Париже, в трех городах Турени, в Бурже, Лане и Ницце. Они извещали друг друга о возможностях и нуждах рынка. В ту же эпоху Ришар Ваньон, выходец из Туринского диоцеза, держал стол в Монбризоне, в Форе; его брат жил в Сент-Этьен-де-Сен-Жуар, в Дофине, с тремя кузенами; другие Ваньоны, общим числом шесть, священнодействовали в долине Шансора, в Ди, в Лонле-Сонье, Шато-Шалон и в нескольких городах Франш-Конте. В Париже при указании многих очагов в книгах тальи вслед за именем следовала пометка «и его компаньоны», а столь же часто — «в компании с...». Так отмечено более двадцати компаний, две из которых имели представителя, компаньона или приказчика в двух разных приходах.

¹ Heers J. Gênes au XVe siècle: activité économique et problèmes sociaux. Paris: SEVPEN, 1961. P. 258.

ГЛАВА IV. РОСТОВЩИЧЕСТВО, СОСТОЯНИЯ И ВЕЛИКИЕ СУДЬБЫ

ОБЕСПЕЧЕННЫЙ РОСТОВЩИЧЕСКИЙ ЗАЕМ

Очень скоро стало ясно, что процентные ссуды запрещать нельзя. С 1200-х гг. кредит начали считать необходимым, даже неизбежным условием успеха в делах, и перед «менялами», изгнанными из своего города и пустившимся в путь наудачу в поисках лучшей участи в другом месте, ворота закрывали редко. У купцов на шампанских ярмарках скоро сформировалась практика взаимного кредитования. Проценты, поначалу очень тяжелые (упоминаются сиенцы, дававшие в долг под 60%!), быстро снизились до 30 и до 15%. Через тридцать лет, в 1250–1260-х гг., речь шла уже не более чем о 5–6%. «Книга шампанских ярмарок» сиенца Джентиле Уголини, который регистрировал продажи с отсрочкой платежа и кредиты в 1249–1262 гг., а также записывал долговые обязательства компании с 1232 г., показывает, что простые купцы не гнушались давать небольшие авансы: из 244 отмеченных займов 90 представляют собой суммы менее десяти ливров, а 25 — менее трех ливров. В то же время крупные суммы брали заемщики, не имевшие никакого отношения к товарам и ярмарке, — церковники (аббат Фонтена занял 1312 ливров) и сеньоры, в том числе Пьер де Жокур, трижды занимавший по 355 ливров. Эти займы для деловых людей были так хорошо обеспечены, что

ярмарки понемногу стали финансовыми центрами, куда направлялись только за ссудами, совсем не думая о товарах.

Позже Шампань пострадала от отъезда итальянцев во главе с сиенскими Толомеи, которые отныне заинтересовались римским рынком, собираясь финансировать поход Карла Анжуйского в Неаполитанское королевство. На первый план выступили ярмарки во Фландрии и Артуа — в Лилле, Дуэ, Генте, Аррасе и Ипре, и другие итальянцы вместе с менялами и банкирами этих городов практиковали здесь ссуды в широких масштабах. Описи архивов Ипра, найденные до 1914 г., перечисляют более 7000 «ярмарочных писем» (*lettres de foires*), написанных к 1275 г. купцами, потом клириками, переселившимися из Лилля в Ипр, и далее эшевенами городов и «хранителями ярмарок». Из них до нас дошло всего 161, но этого достаточно, чтобы понять, что денежная ссуда стала банальной практикой и что кредитору старались дать гарантии, четко указывая в этих «обязательственных письмах» сумму, подлежащую погашению, включая проценты¹.

Техника бухгалтерии и управление финансами в Италии и особенно в Тоскане достигли уровня совершенства, которого не знали в других местах. Во Французском королевстве князья, сеньоры и крупные бюргеры, руководители коммунальной администрации, быстро поняли, насколько эти финансисты, изгнанные с родины, будут полезны им, чтобы управлять их владениями и общественными финансами или собирать налоги. Разрешение заниматься обменом включало нечто вроде допущения процентных займов и, очень часто, монопольное положение, поскольку другим ссудодателям

¹ *Bautier R.-H. Les Tolomei de Sienne aux foires de Champagne d'après un compte rendu de leurs opérations à la foire de mai de Provins en 1279 // Recueil de travaux offert à M. Clovis Brunel par ses amis, collègues et élèves. Paris: Société de l'École des chartes, 1955. 2 v. T. 1. P. 106–129. — Comptes de la ville d'Ypres de 1267 à 1329 / publ. par G. Des Marez et E. de Sagher. Bruxelles: Kiessling, 1909. — Des Marez G. La lettre de foire à Ypres au XIIIe siècle: contribution à l'étude des papiers de crédit. Bruxelles: Hayez, 1901.*

располагаться на том же месте запрещалось. Князь, граф или вельможа часто брали у этих чужеземцев денежные ссуды без упоминания о процентах, иногда даже без намерения возвращать; в качестве компенсации они доверяли таким людям государственные должности — источник других доходов.

Двадцать шестого июня 1273 г. Карл I Анжуйский, король Неаполя, предоставил десяти выходцам из Альбы, города в Пьемонте, на шесть лет право ссужать деньги и заниматься коммерцией в своих землях, Анжу и Мэн. Они каждый год в рассрочку выплачивали ему по 950 турецких ливров и смогли приобрести два дома в Анжере и по одному в городах Ле-Ман, Сомюр и Боже. Король запретил другим ломбардцам или кагорцам давать здесь займы, допускались только евреи.

В 1308 г. после смерти Гандульфа д'Арселя, который приехал в Париж в 1288 г. с двумя приказчиками как представитель компании Боррини из Пьяченцы, его душеприказчики принялись возмещать ущерб жертвам его заведомо зверской ростовщической практики. Немалая часть его состояния была роздана должникам в качестве компенсации, и никого не удивило, что на видном месте среди них оказались граф Артуа, получивший тысячу ливров, граф Фландрский — шестьсот, графы Понтё и Дрё, виконт Мелёна — каждый немногим менее, а также, как и во многих областях королевства, муниципалитеты Дрё, Понтуаза, Пуасси и Руана¹. В тот же период король пожаловал «бюргерские грамоты» Жаку Ланфранку де Кьяренти из Пистойи и Франсуа де ла Порту из Пьяченцы. Среди лиц, облагаемых наибольшим налогом, числились и другие, все более многочисленные выходцы из Пьяченцы, Лукки и Флоренции, среди которых как самые активные выделялись Эскозы, Шапоны, Ганье-бьены. При Филиппе Красивом и его сыновьях, во времена, когда

¹ Terroine A. Etudes sur la bourgeoisie parisienne: Gandoulfe d'Arcelle et les compagnies placentines à Paris (fin du XIIIe siècle) // *Annales d'histoire sociale*. 7 (1945). Т. 1. Р. 54–71. Т. 2. Р. 53–75.

Париж был одним из крупных финансовых центров Запада, почетное место среди состоятельных людей еще занимали семьи Перуцци, Барди, Скали и Аччаюоли из Флоренции, Ангиссола и Каваллоза из Пьяченцы и Фалетти д'Альба из Пьемонта. Бертен Кусинель, тоже астиец, был минцмейстером в Сен-Кантене (1278 г.), а потом в Париже. Братья Альбиццо и Мушатто Гуиди (Биш и Муш), первоначально менялы и ссудодатели, были до 1297 г. советниками Филиппа IV Красивого, а потом их отправили с дипломатическими миссиями в Германию и Рим.

В 1302–1305 гг. сиенская компания Галлерани предоставляла более 600 займов, размером от ливра до более чем десяти ливров, 150 *villani* [крестьянам], жившим более чем в сотне разных населенных пунктов к югу от Парижа, по обоим берегам Сены, до Вильнёв-Сен-Жорж. Их приказчики требовали от должников «обязательственных писем» (*lettres obligatoires de sûreté*), отдававшихся на хранение королевскому прево в Париже или в епископский суд. Если злостные неплательщики отказывались платить долг или тянули с его выплатой, королевские служащие производили конфискацию их земель, а церковь осуждала их на тюремное заключение.

* * *

У Росси, изгнанных из Флоренции в 1293 г., была скамья в Больцано, в верховьях Адидже; через недолгое время им разрешили открыть другую в Триесте. Оттуда они распространили свою деятельность на альпийские долины до Инсбрука, а одна ветвь их рода поселилась на берегах озера Гарда. Позже сколотить состояние им помогли графы Тирольские: за несколько займов они освободили их от сборов за банковскую деятельность, сделали сборщиками налогов с бюргеров Больцано и Инсбрука, а также таможенных пошлин на альпийских дорогах и на соляных копиях Халля; они им также частично уступили графское право на чеканку монет.

Девятого декабря 1323 г. Вильгельм, граф Эно, Голландии, Зеландии и властитель Фрисландии, разрешил ломбардцам на пятнадцать лет поселиться в городе Валансьене. Серьезность, проявленная при составлении этого документа, который содержит 34 статьи и который, если привести его здесь целиком, занял бы более двух страниц, свидетельствует об интересе, который государь проявлял к этому делу и к выгодам, какие рассчитывал извлечь из него. Эти люди, общим числом девять, названные «ломбардскими купцами» и перечисленные по фамилиям, селились в городе вместе с компаньонами и «домами» (*maisnies*), маленькими, но не крохотными общинами. Граф провозглашал, что, «въезжая в его город, выезжая из него, пребывая в нем и занимаясь всеми делами, они остаются под его водительством, под его охраной, покровительством и защитой». Он обязался приказать прево, эшевенам, присяжным и совету Валансьена следить, чтобы эти люди были освобождены и избавлены от всякой тальи, ассизов и других кутюм. Если кто-либо из ломбардцев умрет, оставив завешание, граф не присвоит ничего из его имущества, ни по праву «мертвой руки», ни согласно другим правам. Если тот умрет без завешания или если это серв либо бастард, «мы желаем, — писал граф, — чтобы его имущество отошло к его близким родственникам согласно закону и обычаям страны, из какой он происходит». Цена этих льгот и привилегий составляла 320 турецких ливров, добрых и законных, которые община должна была выплачивать дважды в год. Три особых статьи посвящены ростовщичеством как таковому и показывают, что граф, далекий от осуждения менял и их ссудных столов, намеревался выступать в качестве гаранта, обязывающего должников платить долг — как основную сумму, так и проценты: «Далее, мы обещаем, что потребуем от них сообщать нам, письменно или в виде пересказа, лично или через приказчиков, обо всех долгах, какие будут в наших землях иметь перед ними, и что мы не желаем давать отсрочек их должникам. И чтобы им

платили, мы выделим им сержанта, дабы требовать долги с жителей города и предместья Валансьена по их вызову и просьбе всякий раз, когда они вызовут одного сержанта, и он не будет дожидаться иного повеления или приказа ни с нашей, ни с чьей-либо другой стороны. Что же касается тех мужчин и женщин, каковые будут арестованы, взяты и задержаны за долги перед означенными купцами, мы желаем, чтобы стражники нашего Валансьенского замка держали их в заключении за счет задержанных, пока купцы целиком и полностью не получают должную оплату»¹.

Взамен принимающий князь или город требовали от ростовщиков умеренных appetites, ставили строгие пределы для процентов, осуждали некоторые методы расчета денежной прибыли, слишком сложные, чтобы простые люди могли в них разобраться, сурово наказывали тех, кто требовал больших штрафов за накопившиеся долги. Вообще оценивать, насколько тяжело бремя долгов перед ростовщиками, было делом нелегким, и должники часто считали себя ущемленными. Норма прибыли никогда не выражалась в виде процентов от основной суммы долга в год. Предпочитали указывать количество одолженных денег на одно денье прибыли. То есть ссуда за «денье с двадцати» означала 5% (одно денье на двадцать денье, то есть 5%), а за «денье с четырнадцати» — немногим более 7%. Так считали и намного позже: в «Скупом» Гарпагон говорит, что двадцать пистолей, отданные в рост за «денье с двенадцати», приносят в год восемнадцать ливров, шесть су и восемь денье². Мольер хочет показать, что его герой знает с точностью до денье, какой доход дает любая сумма, но это гипербола, поскольку самый умелый из ростовщиков не смог бы произвести такой расчет в уме. Часто, когда займы предоставлялись всего на

¹ Piton C. Les Lombards en France et à Paris. Paris: H. Champion, 1892–1893. 2 v. P. 22. — Sivery G. L'évolution des documents comptables de l'administration hennuyère de 1287 à 1360 environ // *Bulletin de la Commission Royale d'Histoire* (Bruxelles). 141 / 2 (1975). P. 133–235.

² Пистоль стоил двадцать ливров; подсчет не совсем точный.

несколько месяцев или недель, указывалось количество денье с ливра в месяц: если четыре ливра с денье в месяц составляли 48 в год, а ливр стоил 240 денье, значит, это был 20%-ный заем, как принято считать у нас. Бывало даже, что королевские ордонансы формулировали это иначе, разрешая ссудодателям получать доход в денье с ливра в неделю.

На венецианской Терраферме воззвание подеста Пирано, зачитанное публично 6 апреля 1325 г. на ступенях дворца коммуны, обязывало любого, кто захочет занять денег, обращаться к Джованни, сыну Курсио из Флоренции. Больше никто не должен был давать займы «*ad usuras vel melioramentum*». Единственное ограничение: этот «лучший» не имел права брать более четырех денаро с лиры в месяц (20%), если заем просто записывался, и трех денаро (15%), если заемщик оставлял залог.

Несмотря на все это, ростовщичество бывало делом рискованным. Пьетро Даванцати, представитель богатого и старинного рода, жившего в Ольтарно во Флоренции, когда его изгнали в 1302 г., а потом еще раз в 1311 г., сначала поселился в Виченце и стал менялой. Потом он пошел дальше, став одним из самых деятельных откупщиков государственных налогов, наместником Удине, а потом Ла-Карнии, Сан-Вито и Чивидале во Фриули. В 1355 г. его убили двое дворян, возглавивших народное восстание. Другой тосканец, Пьетро Малимпреза, погиб точно так же через несколько лет. В 1348 г. муниципальный совет Удине обложил штрафом ростовщиков, берущих проценты более 18,5%. Раймондо делла Торре, патриарх Аквилеи, желая вернуть предметы культа, оставленные в залог тосканцам, обвинил их в том, что они слишком много требуют за задержку выплаты долга, и дал им неделю на то, чтобы покинуть город.

В случае угрозы голода, провоцировавшей в народе сильное недовольство, король, князь или магистраты коммуны пытались успокоить его гнев, изгоняя иностранных финансистов, а чаще объявляли отсрочку выплаты долгов и, чтобы поддержать княжеских или коммунальных казначеев,

облагали ломбардцев и евреев тяжелыми штрафами. В 1291 г. Филипп IV арестовал ломбардских ростовщиков; то же в 1320 г. сделал его сын Филипп V, а в 1330 г. — Филипп VI Валуа. Их сажали в монастырь Сен-Мартен-де-Шан и всякий раз освобождали через недолгое время за выплату крупного штрафа и обязательство не ссужать более чем за денье с ливра в неделю (немногим более 21 %). Если кого-то признавали виновным в завышении процентов, долговые обязательства перед ним сокращались до «чистой судьбы» (*pur sort*), то есть одолженной суммы, безо всякой прибыли.

Но никого не подвергли таким суровым наказаниям, как тамплиеров, у которых конфисковали все имущество и огромное множество которых пытали, а потом умертвили, расправившись с ними по приказу короля. Осужденные ломбардцы и астейцы, конечно, немало страдали, но держались стойко, оповещая друг друга о намерениях короля и об опасностях, укрывали денежные суммы и имущество, пытались достичь договоренности. А главное, они умели терпеть, дожидаться лучших дней и находить поддержку.

Двадцать шестого января 1330 г. управляющий компании Портинари написал из Буржа своим хозяевам в Пистойю¹. Это длинное письмо показывает, как эти люди, иностранцы, поселившиеся в королевстве, чтобы получать прибыль от занятий ремеслом, на которое здесь смотрели косо, умели выпутываться из опасных ситуаций, находя убежище.

— Как всегда, сообщение о получении писем и выражение недовольства в связи с запаздыванием новостей:

¹ Пистойей, городом в Тоскане западнее Флоренции, управлял подеста, назначаемый Флоренцией. Портинари были ростовщической компанией, образованной в 1200-х гг., которую намного позже прославил Томмазо Портинари, живший с 1480 по 1497 г. в Брюгге, сначала управляющий столом Медичи, а потом банкир, действовавший от их имени. Он заказал Гуго ван дер Гусу, или, скорей, купил у него, знаменитый алтарь с изображением «Поклонения пастухов», ныне находящийся в музее Уффици во Флоренции. В музее Метрополитен в Нью-Йорке есть портреты Томмазо Портинари и его жены работы Ханса Мемлинга.

«Шлем лучшие пожелания из Буржа. Как я уже писал Вам в других письмах, я удивлен, что с тех пор, как Вы от нас уехали, не получал писем, за исключением того, которое Вы послали из Ниццы. И если бы я не считал, что в этом виноват тот, кому Вы доверяете письма, я сказал бы, что Вы нас совсем забыли».

— Изложение ситуации, а потом подсчет убытков:

«Позавчера я был в Париже. Вот новые события, случившиеся там. Прежде всего, во вторник после праздника всех святых были арестованы все ломбардцы, живущие в королевстве и занимающиеся профессией, кроме как в Турени. В отношении последних этого не случилось потому, что бальи уехал в свои земли, так что, благодарение Богу, мы успели привести дела в порядок. Позже бальи их арестовал [...]. Через несколько дней король отпустил их под залог и издал несколько ордонансов, в соответствии с которыми в каждый бальяж и сенешальство королевства должны приехать комиссары и переписать всех, кто пожелал бы принести жалобу на нас и добиться отмены всякой прибыли, которую мог бы получить любой, ссудивший этим людям деньги. И любой, давший заем более чем за денье¹, должен по воле короля подвергнуться личному аресту и конфискации имущества [...]. И теперь они отдают еще один приказ, о котором я хочу Вам сообщить: мы должны будем выдать 80 000 ливров, сделать скидку на пятую часть [долга] всем своим должникам и не ссужать более чем за денье с ливра¹».

— Состояние рынка:

«У нас здесь нет денег как потому, что население обеднело из-за полного неурожая винограда, так и в результате этого запрета. Так, как я Вам писал в других письмах, Ваше вино было продано Жану де Сансону за 37 ливров. Он заплатил нам не полностью, и оставшиеся проценты еще надо с него стребовать. И, если мне удастся, никаких скидок ему сделано не будет, потому что он задержал оплату сверх срока. Обе лошади были проданы за семнадцать флоринов. Мула продали в Бурже за десять флоринов шесть су».

¹ Денье с ливра в неделю, то есть немногим более 20%.

— Погашение долгов:

«Пьер де Шатильон отдал мне не более одного флорина и десяти су. Я не хочу идти с ним на столкновение, поскольку сейчас не время, так что это убыток для нас. Поэтому, если я смогу по-хорошему уговорить его заплатить, я это сделаю; если нет, я, конечно, прибегну к помощи церкви. Если этого будет недостаточно, я не премину использовать и другое средство¹. После того как я написал это письмо, я решил навестить Бурж, чтобы иметь возможность сообщить Вам правду; поэтому я в Бурже. Я нашел, что имеют место злостные неуплаты. Однако, пока нельзя будет предъявить официальные иски, написать правду об этом трудно...»

— Назначения епископов и услуги, оказанные некоторыми лицами:

«Епископ Нуайонский сделан архиепископом Буржским; архиепископ Буржский сделан архиепископом Санским; архиепископ Санский сделан архиепископом Руанским. Приор картезианского монастыря и другие были очень любезны по отношению к нам и оказали нам большие услуги, приходя, уходя и сохраняя наше имущество [...]. Мы сделали для них то, что сочли уместным. Думаю, было бы хорошо, если бы Вы ему написали, чтобы показать, что помните о них. Мы все чувствуем себя хорошо.

Бурж, 26 января 1330 г.

Это письмо передаст Ренье, сын сэра Мильоре, который был в Лане вместе с сыновьями мессера Винчигуэрра².

Это письмо, случайно дошедшее до нас и обнаруженное итальянским эрудитом, одно на сотни уничтоженных, имеет лишь ту особенность, что было написано в момент кризиса, чтобы сообщить о понесенном уроне и о потерях неоплаченных долгов. Компании купцов или менял обменивались ново-

¹ Конечно, жалобу королевским чиновникам.

² *Chiappelli L.* Una lettera mercantile del 1330, e la crisi del commercio italiano nella prima metà del Trecento // *Archivio storico italiano*. 7/1 (1924). P. 229–256.

стями и умели руководить филиалами, удаленными друг от друга. Хозяева в Пистойе узнали, что случилось в Париже, в Турени и в Бурже. Они были информированы о назначениях церковных сановников и об услугах, оказанных приором монастыря, который не считал за труд вывести этих менял из сложного положения и спрятать их имущество.

Такое покровительство было, конечно, очень полезным для ломбардцев, потому что парижские бюргеры, тоже менялы и ростовщики, имевшие, правда, неосторожность ссужать короля и князей, бывали наказаны более сурово. Пьер дез Эссар, бюргер из Руана, поселился в Париже как суконщик вместе с братом Мартеном, потом стал хранителем сокровищницы дворца Карла IV Красивого и советником Счетной палаты Филиппа VI. Аноблированный в 1320 г., он ссудил крупные денежные суммы герцогу Бургундскому, королю Наваррскому, Иоанну — сыну короля Филиппа и графу Фландрскому. В 1346 г., чтобы успокоить общественное мнение, возлагавшее на советников ответственность за финансовые трудности и за дороговизну жизни, король арестовал его, переводил из одиночной камеры одной крепости в другую и освободил только через год, когда тот выплатил штраф в сто тысяч золотых экю.

СКАМЬИ, ПРИЛАВКИ И ДВОРЦЫ

В 1154 г. граф Генрих Шампанский даровал церкви Сент-Аюль в Провене ренту в сорок су, которую следовало получать с менял. В 1178 г. вигье графа Раймунда IV Тулузского обнародовал статус менял на сентябрьской ярмарке в Сен-Жиль-дю-Гар. Такие ярмарки под покровительством короля или князя проводились только один-два раза в год, но некоторые города согласовывали меж собой график, чтобы с разумным интервалом, не создавая конкуренции, устраивать с весны по осень не очень далеко друг от друга четыре-шесть больших рынков. Так, в Шампани их проводили в Ланьи,

Бар-сюр-Об, Провене и Труа, во Фландрии — в Ипре, Торхоуте, Лилле, Месене, а потом в Брюгге и Генте, в Лангедоке — в Сен-Жиле, Лодеве, Пезенасе и Монтаньяке, а потом в Бокере¹. В Южной Италии ярмарка в Ланчано, в Абруцци, входила в сеть, включавшую еще двенадцать ярмарок, от Папского государства до Калабрии².

У этих менял нигде не было конторы, открытой для городских клиентов, ни даже постоянного жилья, они ездили по деревням с ярмарки на ярмарку, как галантерейщики, торговцы безделушками и точильщики. Они ставили скамьи на ярмарочном поле, под временным кровом, в палатках или хижинах, снятых на несколько дней. В Труа это происходило на месте хлебного рынка, рядом с лавками золотых дел мастеров.

В Компьене на ярмарке, устраивавшейся на средопостье, лавки ремесленников и менял сосредотачивались близ двух рынков, полотняного и конского, на Кур-ле-Руа, широкой площади неправильной формы³. Вся добрая коммерция, крытый рынок кож и крытый рынок сукон, вместе с позорным столбом, весами и тюрьмой, имели место близ аббатства святого Корнелия, покровителя ярмарки.

В городах в течение года меняльные столы тоже занимали более или менее постоянные места, в самом сердце обыкновенных рынков, часто совсем рядом с крытыми рынками, где торговали зеленью и мясом. В Париже менялы, вместе с галантерейщиками и золотых дел мастерами, с самого начала становления королевской власти держали скамьи во дворе ратуши, а потом — в ее зале. Король Людовик VI с ведома

¹ *Combes J.* Les foires en Languedoc au moyen âge // *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*. 13/2 (1958). P. 231–259.

² *Marciani C.* Lettres de change aux foires de Lanciano au XVIe siècle. Paris: SEVPEN, 1962. — *Cipolla C.M.* Studi di storia della moneta. 1, I movimenti dei cambi in Italia dal secolo 13. al 15. Pavia: Garzanti, 1948.

³ *Carolus-Barré L.* Le Mi-Karesme: foire de Compiègne au Moyen Âge et sa survie jusqu'en 1792 // *Bulletin de la Société Historique de Compiègne*. 26 (1979). P. 19–72. 27 (1980). P. 33–105.

епископа, с которым делил юрисдикцию, пожаловал им право обосноваться на рынке близ кладбища на правом берегу Сены (позже названного кладбищем Невинноубиенных), на территории, которую позже окружили рвом. В 1183 г. Филипп Август построил два первых крытых рынка для суконщиков, а потом — ряд лавочек и перенес туда ярмарки из Сен-Лазара и из Сен-Жермен-де-Пре. С тех пор менялы каждый день ставили столы совсем рядом с самым людным рынком Парижа, открытым для масс и для кого попало, в секторе, ограниченном улицами Тоннеллери и Прувер, на свином рынке (старой площади плас-о-Пурсо) и у Тируэрского креста, у которого сортировали скот.

Такие примитивные скамьи подходили для обмена вручную. Чтобы выдавать ссуды под проценты, принимать и хранить залоги, вести счета, используя методы, которые нередко придется пересматривать, менялы размещали стойки в лавочках или «конторах», но во многих городах их помещения оставались еще недалеко от обычных рынков, там, где ходили толпы простых людей, и они были вынуждены давать займы среди шума и толчеи.

В Монпелье деятельность менял-евреев и ссудодателей происходила в двух разных секторах, явственно отделенных друг от друга. Продовольственные лавки, рыбный рынок и четыре мясных лавки (торговавшие говядиной, бараниной, свининой, а одна — в непраздничные дни) группировались вокруг рыночной площади, узкой, имевшей очень неправильную форму, стиснутой между ячменным, зеленым, шубным рынками и рынком, где торговали старой обувью. Оттуда извилистая улица вела к Жюивери — маленькой тупиковой площади.

Восточней городское пространство было организовано иначе: меняльную площадь в форме четкого прямоугольника окружали три красивых торговых галереи и церковь Нотр-Дам-о-Табль [Божьей Матери у Столов]. На этой площади менялы ставили скамьи у стен, самые важные из менял — у южного фасада церкви. На двух этих территориях

занимались разными делами: если на одной ссужали под залог небольшие суммы на несколько недель или месяцев, то на другой производились финансовые операции большего масштаба, обмен «добрых» монет, торговля золотыми нитями, расшитыми золотом или серебром шелками, изделиями из драгоценных металлов и, прежде всего, выдавались долгосрочные займы более значительных сумм, порой превышавших сотню ливров.

Во Флоренции Медичи держали столы близ самого Старого рынка — маленькой площади причудливой формы, остатка бывшего римского форума, где тупики и внутренние дворы образовали почти непроходимую сеть, — придвигая эти столы вплотную друг к другу на узкой улочке, называвшейся «*сдруччоло деи Кавальканти*» [спуск Кавальканти], в извилистом проходе, который и поныне зовется улицей «столиков» (виа деи Таволини). Меняльные столы также занимали треть первого этажа дворца Кавальканти. Первые дома Медичи стояли по соседству, в густонаселенном квартале, над которым еще высились оборонительные башни жилищ первой аристократии.

На площади святого Марка в Венеции рынок устраивался каждую субботу, и в этот день менялы, нотариусы, писари, цирюльники, зубодеры и торговцы всяким хламом, коралловыми и стеклянными бусами ставили свои прилавки или скамьи под аркадами Дворца дождей. Во время ярмарки на Вознесение, *Sensa*, скамьи менял, готовых оплатить векселя паломникам, и ссудодателей соседствовали с прилавками торговцев четками и иконами. *Синьория* (совет из шести человек во главе с гонфалоньером справедливости, отвечавшим за охрану порядка и за правосудие) долгое время пыталась убрать подальше от моста Риальто, где выстроились ряды золотых дел мастеров, лавки тех цехов, которые привлекали толпы покупателей и грузчики которых, сновавшие туда-сюда, мешали проходу. Она запретила выгружать и выставлять здесь деловую древесину и крупногабаритные товары, вести продажу с торгов рабов, но не смогла изгнать

отсюда крестьян, приезжавших с Террафермы продавать яйца, домашнюю птицу и овощи на «кампо Сан-Джакомо». Скамьи менял, прилавки торговцев пряностями и шелком стояли совсем рядом, недалеко от «Фондако деи Тедески» — монетной мастерской, *цекка*, и от лоджии камерлингов, управлявших финансами коммуны. В городе Генуе менялы ставили скамьи недалеко от порта, на совсем маленькой пьядца деи Банки, в сложном лабиринте улиц, ведущих к набережным, переулков, тупиков и крошечных дворов сеньоров. Чтобы караваны мулов не мешали сделкам, доступ им перекрывали тяжелыми цепями, которые снимали, когда темнело и менялы убирали столы. Эта площадь находилась рядом с «палаццо дель маре», ставшим в XV в. Домом святого Георгия, но довольно далеко от ларго делла Цекка, прямоугольной площади перед монетной мастерской. Ростовщики, все уроженцы Пьемонта, работали далеко оттуда, западнее, за первой городской стеной, близ церкви Санта-Мария-делле-Винье.

* * *

Со временем менялы и ссудодатели все чаще обосновывались в других частях города, среди совсем иного пейзажа, рядом с лавками уважаемых купцов и конторами нотариев. В Тулузе на площади Сален, где торговали солью и глиняной посудой, дома богатых купцов соседствовали с разного рода трактирами и постоялыми дворами, где свои скамьи держали менялы. То же было и в Перигё, где на площади Ла-Клостр, загроможденной мясными лавками, на которой четырежды в год происходила ярмарка, особенно богатых суконщиков стояли рядом с лавками золотых дел мастеров и меняльными конторами. В XIII и XIV вв. на площади Горден в Бурже, ежегодном месте проведения рынка, можно было видеть не только мясников и рыбаков, но и менял. Намного позже в Труа хронист, писавший об ужасе жителей города во время большого пожара 1514 г., сокрушался, что в пепел обратилась «третья часть города,

лучшая, где были большие кошель, то есть жилища богатых купцов, суконщиков, бакалейщиков, менял, золотых дел мастеров, шпорников и горшечников».

В 1141 г. Людовик VII дал парижским менялам разрешение устраиваться на Большом мосту, который от большой башни королевского дворца вел на правый берег, в Шатле и на бойню. С тех пор говорили уже не о скамьях и не о столах, а об «окошках», и на этом мосту, который получил название Моста менял, можно было насчитать сотню клетушек и лавочек, которые почти все принадлежали либо менялам, либо золотых дел мастерам. «Книга тальи» 1292 г. начинается перечислением ломбардцев, которых писцы именуют также «миланцами», расписанных по приходам. Они жили в центре города, на острове Сите (а именно в приходе Сен-Бартеlemi), на правом берегу недалеко от Сены (Сен-Жермен-л'Оксерруа, Сен-Жак-ла-Бушери и Сен-Мерри) и северней, в Сент-Эсташе и Сен-Никола-де-Шан.

На улице Ломбар или улице Бюффетери, между улицами Сен-Мартен и Сен-Дени, ломбардцы селились на жительство. Слово «buffet»¹ может переводиться как «бюро» (мы и по сей день говорим «bureau de change» [обменный пункт]) и обозначало тогда прилавок, то есть или откинутую нижнюю створку деревянной ставни, или каменный подоконник. Некоторые менялы, селясь на этих улицах, принимали фамилию «Гран-Табль» [Большой стол] или «Ларж-Табль» [Широкий стол], но это было отголоском других времен, ведь ни в одном тексте, ни в налоговых реестрах, ни в королевских ордонансах или судебных актах, нет и упоминания о скамьях, выставленных на улице. Менялы и ростовщики селились в домах, которые обычно называли по фамилиям владельцев.

В 1304 г. король дал знать, что все они должны держаться Большого моста, а с 1421 г. грамоты Карла VI обязали

¹ Один ордонанс 1368 г. уточняет, что «практиковать на буфетах крытых рынков смогут только присягнувшие клирики».

любого, кто хотел заниматься обменом, представлять удостоверение, что он прошел трехлетнее ученичество на этом самом Мосту менял. Это была насильственная мера, несомненно, плохо воспринятая теми, кто, давно обосновавшись в кварталах Сен-Жермен-л'Оксерруа и Нотр-Дам-де-Шан, приобрел там многочисленную и регулярную практику, но это был хороший политический ход: королевский прево Парижа и его служащие теперь могли лучше контролировать менял, беспрепятственно взимать с них подати, и, главное, король демонстрировал свою волю защищать парижское население от тех ростовщиков, которые бесконтрольно и более или менее произвольно обирали народ. Это была забота об общественном благе, проявившаяся в царствование Карла VI также в том, что были открыты новые бойни, чтобы конкурировать с бойней Шатле, имевшей выгодную монополию, и в том, что суконщикам, галантерейщикам и кожевникам с ярмарки Ланди в Сен-Дени были предоставлены налоговые привилегии, чтобы парижане ездили туда за более дешевыми товарами, чем в городе.

Меняльный цех Болоньи запретил менять наличную валюту за пределами территории, называвшейся с тех пор *Камбиум* и расположенной между перекрестком трех улиц (*trivio*) у Равеннских ворот, церковью Санта-Мария и пьядца делла Мерканция. Это не был ремесленный квартал — из десяти тысяч ремесленников, которых насчитывал город, в профессиональные объединения входило 315 человек. Это финансовое сердце города, где можно было встретить восемьсот менял, украшали красивые конторы и два жилища богатейших семейств города, менял и мясников, но рыночные торговцы захватили все галереи вокруг этой площади неправильной формы, и две еще стоящих сеньориальных башни и большой каменный крест, остатки почитаемого прошлого, загромождали дорогу и мешали проходу; ничего не было сделано, особенно с западной стороны этого участка, чтобы привести в порядок проходы и маленькие площади. Здешней архитектуре было далеко до политического центра города —

величественной площади, которую обрамляли дворец коммуны, церковь Сан-Петронио и большой Дворец нотариев.

* * *

В Париже те люди, которые больше не занимались ручным обменом денег и называли себя просто купцами, получая большой доход от ростовщичества, предпочитали, чтобы создать себе новый социальный образ, селиться подальше от Гревской площади и скоплений народа, от мест, жители которых жаловались на топот стад и мычание коров, оттуда, где живодееры торговали прямо на улицах потрохами и сосисками совсем рядом с лавками кожевников. Все более и более многочисленные, эти люди переселялись за крытые рынки, западней улицы Сен-Дени, становясь соседями золотых дел мастеров, приезжавших из Сен-Кантена, Провена, Реймса, Понтуаза и Валансьена. Еще в 1305 г. Барбетты владели домом близ реки, на улице, при описании которой писец отмечает, что «вся она идет вдоль Гревской стены, начинаясь у воды и заканчиваясь у воды», на улице, где насчитывалось сорок очагов, облагавшихся тальей, где жили в основном бедняки — речники, возчики, грузчики. За этот дом Этьен Барбетт платил двенадцать ливров тальи от имени всех домочадцев, в число которых, помимо жены, детей и зятя, входили слуга, горничная и сокольничий. Но через несколько лет, скупив ряд участков, они построили рядом с Тамплем красивый особняк с большим двором, садами и плодовыми деревьями, окруженный высокими стенами. Улицу рядом с этим садиком так и называли — улица Барбетт. Среди трех десятков живших на ней ремесленников — ткачей, портных и сапожников — был только один ломбардец. Но в приходе Сен-Жермен-л'Оксерруа ломбардцами были записаны все три соседа одного доброго парижского бюргера, тоже менялы: «Филипп Ломбардец, близ дома сира Гильома Бурдона, Биш, ломбардец, компаньоны коего Жак и Корсе,

напротив дома сира Маси Пи-д'О, Жербо у источника на Перрен-Гасселен»¹.

В ту же самую эпоху в Италии, особенно в Тоскане, только богачи привлекали к себе внимание в городском пейзаже красивыми и высокими дворцами, после ненадежных скамей и грязных контор первых ссудодателей наконец получив возможность открыто кичиться богатством. Изучая эти жилища и их развитие, можешь увидеть всё, что отличало простых менял и мелких ростовщиков от сильных мира сего, далеких от мерзких ссуд под залог и обеспечивающих себе состояние куда более негласным обменом. Перуцци, хозяева торговых компаний, а потом, после тяжелых неудач, всего лишь ростовщики, расположили дома своего клана, двадцати-тридцати семейств, составлявших тесное единство, в бывшем римском амфитеатре Флоренции, под охраной своих укрепленных дворцов и защитных башен. Если уличная сеть претерпела реструктуризацию, а квартал, очень относительно, похорошел, это было заслугой коммуны, которая, чтобы упростить доступ к францисканскому монастырю Санта-Кроче, проложила две красивых прямых дороги, сходящиеся к большой площади; эти дороги были пробиты принудительно в сети улиц, хозяевами которых до тех пор были Перуцци.

Медици, совсем напротив, насильно заставили признать себя, опираясь на группировку друзей и клиентов. Они одни за другими покинули прежние жилища, чтобы поселиться северней. Сначала разбросанные по нескольким районам города, тридцать их семей собрались всего в трех гонфалонах (здесь знамя обозначало квартал) — «Золотой лев», «Дракон» и «Беличий мех» — и сделали из них нечто вроде городского лена, который, утвердив себя в городе, занял сто тридцать — сто сорок гектаров,

¹ *Livre de la taille*. 1292. F° 1. [*Paris sous Philippe-le-Bel*: d'après des documents originaux et notamment d'après un manuscrit contenant le rôle de la taille imposée sur les habitants de Paris en 1292 / publ. par H. Géraud. Paris: Crapelet, 1837.]

более трети городской территории внутри стен. «Золотой лев» был тогда самым обширным и самым населенным из шестнадцати городских округов. Опираясь на севере на городскую стену, он вытягивался клином к югу, почти достигая собора. Центральная артерия этого лена, улица Сан-Галло, вела прямо к одноименным воротам, откуда отходил большой торговый путь в Болонью, шедший через долину Муджелло, где безраздельно властвовали Медичи и где они во время уличных боев в городе находили убежище на своих укрепленных виллах. Еще в 1420–1430-х гг. вокруг скромного дворца Джованни ди Биччи располагался простонародный квартал, где на *кампо Лоренцо* и вплотную вокруг него теснились трактиры, постоянные дворы и бедные дома. Постепенно Медичи создали другую социальную среду, привлекая умелых ремесленников и давая им заказы, а также проложив через лабиринт тупиков и улочек новую улицу — *виа Ларга* [Широкую улицу]. Но чтобы на этой новой улице построить себе новый дворец, им пришлось потратить долгие месяцы на переговоры, торг, покупки и обмены, снести более двадцати домов и в конечном счете приобрести участок все-таки неправильной четырехугольной формы.

Строцци, почти разорившиеся в результате того, что Козимо Медичи в 1434 г. отправил их в изгнание, вернули себе богатство и влияние в городе только приблизительно через полвека, в последние годы жизни Лоренцо Медичи, который, ослабленный мощным сопротивлением, уже не мог править по-настоящему полновластно. Шестого апреля 1490 г., в день, вычисленный его астрологами, Марсилио Фичино и епископом Флорентийским, Филиппо Строцци в честь закладки нового дворца заказал несколько месс и устроил большой пир, где во главе стола сидели нотариий, заверивший договоры о покупке камня и мрамора, и строительный подрядчик, *capo maestro*. Там присутствовали все родственники и клиенты Строцци. Сам Филиппо бросил под фундамент золотые медальоны и монеты. Но ему тоже

понадобились месяцы, чтобы приобрести этот участок, договорившись с соседями, которые дорого запрашивали за свои владения в уличной сети, такой плотной, что права отдельного владельца здесь выделить было трудно. Снесли более пятнадцати строений, в том числе большой дедовский дом рода Строцци, дом графов Поппи и три прекрасных лавки, но так и не сумели расчистить перед главным фасадом красивую площадь.

Настоящая перепланировка городских пространств с целью дать большим дворцам финансистов новое окружение, совсем непохожее на то, в каком они находились во времена, когда их хозяева занимались обычной торговлей и перевозками, происходила в Риме, городе папской курии. Прежде всего папы освободили подступы к собору святого Петра от разношерстной массы домишек довольно жалкого вида, стоявших неровными рядами вдоль узких улочек, где менялы держали свои столы. Сикст IV делла Ровере (1471–1484 гг.) и Александр VI Борджиа (1492–1503 гг.) проложили *борго Сант-Анджело* и *борго Нуово*, широкие прямые дороги, которые от базилики вели к реке и к замку Святого Ангела. Паломники, торговцы медальонами и четками, менялы, все иностранцы, ломбардцы, немцы и фламандцы, французы и каталонцы поселились дальше, на другом берегу Тибра. Такие «вскрытия Рима» продолжались при Юлии II делла Ровере (1503–1513 гг.) и обоих папах Медичи, Льве X (1513–1521 гг.) и Клименте VII (1523–1534 гг.), проложивших четыре больших и широких улицы, в том числе виа деи Банки вдоль Тибра, где менялы, лучше скажем — финансисты, построили себе дворцы рядом с папской монетной мастерской, с церковью Сант-Элиджо (святого Элигия) золотых дел мастеров и с церковью Сан-Джованни-деи-Фьорентини.

БОГАТЫЕ И МОГУЩЕСТВЕННЫЕ

Богатейшим человеком Парижа в 1292 г. был Гандуфль, ломбардец из прихода Сен-Мерри. Он платил королю 114 ливров 10 су налогов, далеко обогнав следующего за ним ломбардца, платившего всего 41 ливр. Эта подать составляла около двенадцати килограммов чистого серебра, а поскольку талья исчислялась как пятидесятая часть состояния, то весь его капитал, выраженный исключительно в движимости, в монетах, слитках, драгоценностях и долговых обязательствах, следует оценить более чем в шестьсот килограммов серебра. Биш и его компаньоны были занесены в списки прихода Сен-Жермен-л'Оксерруа как податные, платящие сорок ливров, Муш Ломбардец в Сен-Никола-де-Шан платил пятьдесят четыре ливра, а в Сен-Жак де ла Бушери десять ломбардцев платило более чем по двадцать ливров. В 1292 г. сто десять менял, прибывших из Италии и зарегистрированных в «Книге тальи», в сумме были обложены податью в полторы тысячи ливров, принося более 12% совокупного налога, собираемого с 15 200 податных.

Менялы, которые уже несколько поколений были парижанами либо приехали из Нормандии или Пикардии, тоже превосходили знать и крупных купцов богатством и суммой выплачиваемых налогов. На улице, носившей имя Гильома Бурдона и позже ставшей улицей Бурдонне, агенты королевского фиска в 1292 г. отметили девять глав семейств, носивших эту фамилию. Гильом был обложен налогом в размере сорока ливров и держал в доме менялу, горничную, водоноса, *porteur de bouche* и «женщину, которая кормит даму». В 1313 г. больше всех налогов в Париже платил Жак, дядя Этьена Марселя. Через десять лет его сменил сам Этьен, за которым следовали его кузен Жак и тесть Жоффруа де Даммартен. У Пьера дез Эссара, отца его второй супруги, суконщика в Руане, а потом финансиста в Париже, в 1346 г. оказалось достаточно денежных средств и кредита у других менял, чтобы собрать сто тысяч экю — сумму, какую потребовал король, чтобы выпустить его из тюрьмы.

Их богатство проявлялось в красивых особняках, репутация в обществе — в том, что их именами называли улицы, а претензии встать на одну ногу со знатью — в образе жизни. В 1305 г. Ренье ле Фламан, заведомый меняла и ссудодатель, минцмейстер, купеческий прево, вместе с братом Пьером организовал конные поединки на Гревской площади, где другой меняла, Пьер Жансьен, автор «Турнира парижских дам»¹, и его компаньоны сражались с руанскими бюргерами.

В 1335 г. несколько бюргеров, все — менялы и суконщики, во главе с Жаном Барбеттом, купеческим прево Адамом Буселем и Мартеном дез Эссаром, минцмейстером, получили от короля разрешение устроить конные поединки с бюргерами королевства. Это разрешение было дано по ходатайству графа д'Алансона, герцога де Бурбона и Робера д'Артуа. «Тогда означенные бюргеры, следуя примеру древнего царя Приама, при коем древле была разрушена великая Троя, и его тридцати пяти сыновей велели, чтобы один из бюргеров, именем Ренье ле Фламан, был бы царем Приамом, а тридцать пять юных детей бюргеров — его детьми»². Послали вызовы «добрым городам» королевства, и на поле между церковью Сен-Мартен-де-Шан и усадьбой Тамплль возвели три помоста: один — для парижских дам («весьма благородно и богато наряженных и по большей части увенчанных»), второй — для массы парижских богачей и последний — для дам из провинциальных городов. Представители

¹ Произведение, датированное 1275 г., поэма из почти двух тысяч стихов, где автор описывает сон, в котором он видел, как парижские дамы состязаются с дамами из города Ланьи в Шампани. Этот «турнир» был не боем, а чем-то вроде серии вызовов, которые две команды дам бросали друг другу, соревнуясь в том, кто успешней убедит влюбленных мужчин сражаться за них.

² Эти турниры отличались учтивостью: письма, направляемые в «добрые города», адресовались тем, кто хотел бы преломить копье «ради любви и чести парижских дам... и в честь Паллады, некогда возлюбленной дамы в Трое, благородном городе, и отстоять благородную любовь, как это делали рыцари круглого стола, коих обыкновенно собирал Артур, король Британии».

четырнадцать «добрых городов» Иль-де-Франса, Нормандии и Фландрии бились в полную силу. На следующий день в особняке, прежде принадлежавшем тамплиерам, они приняли участие в обеде, «под повешенными для этого балдахинами, под звуки труб, колокольчиков, барабанов и накеров¹, весьма веселясь, в присутствии монсеньора Робера д'Артуа, придворных сеньоров и господ, парижского прево Гуго де Крюзи, начальника парижской ночной стражи и великого множества пеших и конных парижских сержантов, одетых в сукно». Приз был вручен Симону де Сент-Омеру, бюргеру из Компьеня, сломавшему ногу, и доставлен в его отель, близ больницы Сен-Жак, дочерью одного суконщика, приехавшей на белом коне².

Богатство, намного превосходящее богатство негоциантов, менялы еще больше афишировали в городах Ломбардии и Тосканы. Кадастровый список флорентийского *контадо*, где в 1403 г. были описаны авуары и подсчитаны налоги, возглавил с налогом в 360 флоринов Франческо Датини из Прато, изрядно нажившийся на ретраттах, а сразу вслед за ним шли сыновья Вьери ди Камбио де' Медичи (235 флоринов), который, как указывает его имя, занимался обменом, иначе говоря, ростовщичеством. Через десять лет с 507 флоринами их обогнали Строцци, тоже финансисты. В 1434 г. Козимо, победивший Строцци, был обложен налогом в 576 флоринов — суммой вчетверо большей, чем сорок лет назад. За ним далеко позади следовали две семьи, которые обе входили

¹ Нечто вроде двойных барабанов, кожа которых натягивалась поверх меди.

² *Chronique parisienne anonyme du XIVe siècle* / publiée pour la première fois d'après le manuscrit unique de la bibliothèque municipale de Rouen pour la Société de l'histoire de Paris, par A. Hellot. Nogent-le-Rotrou: impr. de Daupeley-Gouverneur, 1884. P. 212. Обо всем этом: Bove B. Les joutes bourgeoises à Paris, entre rêve et réalité (XIIIe–XIVe s.) // *Le tournoi au Moyen Âge*: actes du colloque des 25 et 26 janvier 2002 / textes réunis par Nicole Gonthier. Cahiers du centre d'histoire médiévale (Lyon). 2003. № 2. P. 135–163.

в его компанию и участвовали в управлении его столами, — Бенчи и Ручеллаи.

Однако во всей Италии и, в частности, в Тоскане менялы, очень часто получавшие больше дохода, ссужая деньги под проценты, иногда ростовщические, чем честно обменивая иностранные монеты или взвешивая те, вес которых вызывал подозрения, не имели того же социального статуса и не пользовались таким же уважением современников, как настоящие купцы. Эти финансисты, практиковавшие ростовщичество во все более скрытом виде, занимали во флорентийском обществе и в иерархии ремесел не столь почетное положение, как им хотелось бы. Почтенная коммерция неизменно считалась делом более respectable, чем денежные операции, и было хорошо известно, что ростовщики низкого ранга торгуют только зерном и лошадьми, а Медичи, разбогатевшие на ретраттах, — только старинными книгами и произведениями искусства.

Франческо Датини, богач из Прато, сумел добиться, чтобы его приняли в цех «Калимала», лишь в самом конце жизни — в 1404 г. Медичи не предпринимали таких попыток даже в период грандиозных успехов своих компаний, в 1410–1460-е гг., во времена Джованни ди Биччи и Козимо Старого, зная, что наткнутся на отказ. Джованни, которого народная молва и признанные мудрецы называли человеком наиболее достойным принять власть и восстановить спокойствие в городе, числился с 1386 г. в цехе менял, а с 1403 г. — в цехе шерстяников. Козимо с 1420 г. входил в цех менял, а с 1433 г. — в цех шелкоделов. Вернувшись в следующем году из изгнания, он тридцать лет держал Флоренцию в кулаке как настоящий тиран, но не пытался войти в число крупных купцов. Что касается его сына Пьеро, ему хватило сдержанности или мудрости действовать поэтапно: в 1435 г. — цех менял, через год — шелкоделов и в 1439 г. — «Калимала». Но только через двадцать

лет, в 1459 г., его внуков Лоренцо и Пьеро приняли-таки в аристократию добрых коммерсантов.

Совсем другая ситуация и социальный статус совсем другой природы существовали в княжеских городах, а именно в Риме и Неаполе, где финансисты, приезжавшие извне, были не более чем чужестранцами, которые, счастливые уже тем, что их хорошо принимают и предоставляют покровительство, давали государю ссуды, не слишком настойчиво требуя их возвращать, а часто и сознавая, что они останутся невозвратными. Выходцы из видных тосканских семейств, они не приbedнялись, сохраняли друзей и сторонников и немало помогали деньгами папе или королю для оплаты войск, находящихся в походе. Они больше не довольствовались обещаниями или правом взимать какой-то налог в обмен на свои займы. Уже в 1266 г. тосканские компании за финансирование крестового похода против наследников императора Фридриха II получили, помимо обещания дать на откуп сбор пошлин и податей в Сицилийском королевстве, священные сосуды и сокровища из папской казны в залог. Через двести лет, во время конфликтов между лигурийским папой Сикстом IV, избранным в 1474 г., и родом Медичи, некоторые семейства флорентийских финансистов, не вступив в заговор Пацци и не приняв участия в убийстве Джулиано в 1478 г., тем не менее выбрали сторону Рима и неаполитанских Арагонцев, союзников папы. Строцци были изгнаны, и трое из них, Джакопо, Филиппо и Никколо, поставили свои столы и прилавки сначала для обмена, а потом для ссуд в Арагонском королевстве, в Барселоне и Валенсии. Несколько позже, принятые королем, они восстановили свое богатство в Неаполе, внеся огромный вклад в финансирование войн Арагонцев с итальянскими Анжуйцами и с османами. Король Фердинанд Арагонский,

чтобы снарядить армию и отбить у турок город Отранто¹, получил от Строщи 38 тыс. дукатов и оставил им в залог корону, ожерелье, красивую пряжку и еще два прекрасных золотых изделия. Через три года, в 1484 г., за 50 300 дукатов были отданы золотая и серебряная посуда, два больших балэ² и крупный алмаз. Залоги немедленно отсылались во Флоренцию для хранения в сундуках дворца Строщи. Другие итальянские или каталонские финансисты ссужали знать королевства на таких же условиях, а именно под залог, принимая драгоценные камни, редкие жемчужины и золотые и серебряные изделия. В 1484 г. граф Джованни Антонио Сансеверино признал свой совокупный долг в 5246 дукатов перед шестнадцатью финансистами из Флоренции, Сиены, Генуи и Барселоны. Договоры, заверяемые у нотариуса, оговаривали, что драгоценности будут возвращены после погашения всей суммы долга. О прибыли разговора не было, но, несомненно, все зависело от метода оценки залога³.

¹ Эта «турецкая война» пришлось на кульминационный момент борьбы папы с Лоренцо Медичи. Отранто был захвачен турками 12 августа 1480 г. после трехнедельной осады. Мужчины старше пятнадцати лет были перебиты на месте, женщины и дети отправлены в рабство. Собор превратили в стойло, епископа обезглавили, его тело разрубили на куски, арагонского коменданта заживо распилили пилой. Папа Сикст IV объявил крестовый поход, но вскоре Венеция отказалась участвовать в нем, и Лоренцо Медичи отчеканил медаль, изображавшую Ахмеда-пашу победителем. Флот, составленный из папских и арагонских галер, осадил город, но взял его только в результате ухода турок, узнавших о смерти султана и о конфликте между двумя его сыновьями.

² *Balascio*, или *rubino spinello*, — рубин фиолетового или розового оттенка.

³ Обо всем этом см.: *Patroni Griffi F.* Banchieri e gioielli alla corte aragonese di Napoli. Napoli: Isveimer, 1984. — *Il giornale del Banco Strozzi di Napoli (1473)* / a cura di A. Leone. Napoli: Guida, 1981. — *Silvestri A.* Sull'attività bancaria napoletana durante il periodo aragonese: Notizie e documenti // *Bollettino dell'Archivio storico del Banco di Napoli*. 6 (1953). P. 80–120.

ДОЛГИЕ ПУТИ К ВЛАСТИ

Свободные города Северной Италии, слишком долго истекавшие кровью из-за беспощадных гражданских войн, приобрели себе властителей, которыми были графы, герцоги или маркизы из знатных родов, часто потомки лангобардов, а потом капитаны, наместники или викарии германского императора. Южнее, в Тоскане, Эмилии и Умбрии, этих военачальников, *кондотьеров*, оттеснили от власти, запретив им находиться в городах. Выдающиеся знатные семьи, укоренившиеся в городе с первых времен независимости и контролировавшие правительство за счет того, что один-два их представителя неизменно были консулами, сильно пострадали от войн между группировками. Разоренные конфликтами и изгнаниями, оставившие земли и сеньории в залог ссудодателям, вытесненные из коммунальных институтов, они уступали место менялам, ссудодателям и прочим знатокам обращения с золотой и серебряной монетой, которые заставляли города их признавать и порой даже брали власть и учреждали тираническое правление. Так, Медичи во Флоренции, разбогатев на конфискациях больших земельных владений, приобрели популярность у горожан и стали хозяевами города, без применения оружия взяв верх над соперниками — Строцци и Пацци, тоже отъявленными менялами и ростовщиками высокого полета.

Ничто в истории Флоренции не позволяло предположить, что они когда-либо воцарятся в городе, который все авторы того времени дружно изображали до крайности свободолюбивым. Более двух веков хронисты ничего не слышали об этом семействе, о происхождении которого никто не позаботился написать. Никто не сообщил и о том, на чьей стороне они находились в самые острые моменты войн гвельфов и гибеллинов. Их фамилия упоминается в поздних источниках, всего дважды-трижды, и то в достаточно неясных списках сторонников того или иного вождя группировки. В качестве подручных и головорезов

они служили грандам, грабя и убивая наряду с прочими по вечерам после мятежа или сражения. Один из них был капитаном отряда ополченцев во время войны с Луккой, но так плохо показал себя, так скоро вернулся во Флоренцию и так неубедительно отчитался о своих финансах, что его отдали под суд и едва не казнили. Однако постепенно их земельные владения выросли и род достаточно усилился, чтобы они могли собрать вокруг себя клиентелу из верных сторонников, «новых людей», которые тоже искали свою судьбу. В 1343 г. флорентинцы подняли оружие для изгнания Готье де Бриенна, наместника, присланного королем Неаполя, которого сами же прежде встретили радостными криками. Медичи были первыми, кто повел толпу на курию, как защитники свобод приняв командование над семьями, которые, «погрязши в долгах и не имея уже своего добра для расплаты, рассчитывали теперь на чужое добро»¹.

В 1378 г. Сальвестро Медичи, который благодаря сторонникам был избран гонфалоньером справедливости², использовал в качестве повода отказ Совета рассмотреть одно из его предложений, взбунтовал толпу и с помощью одного магната, Бенедетто дельи Альберти, захватил дворец коммуны. После этого в течение трех с небольшим лет происходили сильные потрясения и существовало нечто вроде анархии. Далее порядок восстановился, и институты никак не изменились. В этот период имели место лишь передвижения толпы и длинные речи без реальных последствий, что современники называли «смутой чомпи», а вот историки, особенно во Франции, предпочитают изображать

¹ *Макиавелли Н. История Флоренции* / Пер. Н. Я. Рыковой. Книга вторая, XXXIII. У Макиавелли это сказано не о противниках герцога, а, напротив, о тех, кто призвал его к власти (*прим. пер.*).

² Раз в три месяца гражданам Флоренции предлагалось прийти к урнам, то есть положить записки с именами своих кандидатов в сумки, чтобы в результате выборов по жребию (небольшой частью населения) была назначена Синьория.

как восстание бедноты¹. Чесальщика шерсти Микеле Ландо потом изгнали, но Сальвестро Медичи не был объявлен мятежником, и его люди отнюдь не отступились от него, причем, похоже, Медичи приобрели новых сторонников и с тех пор выдвинулись на первый план.

Вьери Медичи ди Камбио, или Камбиоццо, считавшегося одним из самых ловких денежных воротил и одним из богатейших людей города, чомпи произвели в рыцари. Несколько лет, отступившись от своих союзников, он держался в стороне, как умеренный из умеренных, и так умело производил благоприятное впечатление, что сторонники мира в 1393 г. пришли к нему с просьбой принять власть, чтобы «избавить народ от тирании граждан, которые преследовали честных людей и были врагами общего блага»². Он отказался, в то время как другие члены семейства еще пытались захватить город путем переворота; они без колебаний шли за людьми, призывавшими к мятежу против Синьории. В 1397 г. Донато Аччаюоли, наследник одного из последних великих родов, еще сохранявших состояние и престиж в городе, потерпел прискорбное поражение и был изгнан в Барлетту, в Апулию. Несколько позже, после судебного расследования, изгнали его сторонников, в частности, Аламанно и Антонио Медичи «и всех потомков семьи мессера Аламанно, присоединив к ним также много простых ремесленников, пользовавшихся популярностью среди низов народа»³. В Болонье вокруг вождей повстанцев — Томмазо

¹ Подход, вполне соответствующий привычным схемам классовой борьбы: сначала объяснить событие, а только потом изучать его. В том случае все было не так, как говорят. Чомпи были не «подмастерьями» и не «рабочими», а ремесленниками, производившими гребни для шерсти и держащими лавки. Прядильщицами и ткачами в подавляющем большинстве были мужчины и женщины из окрестных деревень, отдаленных от города на десять-пятнадцать километров. Они не ходили в то время по улицам Флоренции, демонстрируя свою бедность, — они не могли бы это сделать.

² *Макиавелли Н. История Флоренции* / Пер. Н. Я. Рыковой. Книга третья, XXV.

³ *Там же*. Книга третья, XXVI.

Риччи, Пьетро ди [Пиккьо] Кавиччули и Антонио Медичи — объединилась небольшая группа изгнанников. Вступив утром 4 августа во Флоренцию, они вошли во дворец коммуны, рассчитывая захватить гонфалоньера справедливости Мазо дельи Альбицци и убить, а потом, не найдя его, пошли на Новый рынок, где провозгласили: «Смерть тиранам!» Никто или почти никто не отозвался; они укрылись в соборе, «не столько для того, чтобы спасти свою жизнь, сколько для того, чтобы отсрочить гибель»¹. Неизвестно почему, Синьория казнила только представителей семьи Кавиччули, не тронув ни одного из Медичи.

Это была их последняя оплошность. Верх взяли умеренные; отныне они держались подальше от тайных соборщ и заговоров и не выходили на улицы во главе толп грабителей. Глава их рода Джованни приобрел доброе имя и, как в свое время Вьери, отказался принять власть, которую ему предлагало собрание благонамеренных граждан. Когда он, «богатый мирскими благами, но еще более — всеобщим уважением и доброй славой»², в 1429 г. скончался, на его похоронах было столько народу, а колокола во всем городе звонили так громко, что некоторые гранды встревожились. Через четыре года его сын Козимо был арестован. Требовали его смерти, но он был только изгнан в Падую³, а после того как выборы привели его сторонников в Совет и на высокие должности, триумфально вернулся 5 августа 1434 г. Тогда Флоренция утратила свои свободы, подпав под власть тирана, который, наученный горьким опытом, обеспечил за собой власть, осудив и изгнав столько людей, что город лишился «не только множества достойных граждан, но и части своих богатств и ремесленных предприятий»⁴. Его

¹ Там же. Книга третья, XXVII.

² Там же. Книга четвертая, XVI.

³ Макиавелли пишет, что он якобы заплатил стражнику за передачу записки одному из судей, которому пообещал щедрое вознаграждение, если во время судебного следствия о нем забудут.

⁴ Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. Н. Я. Рыковой. Книга четвертая, XXXVIII.

самых опасных соперников, Строцци и Пацци, менял, а потом финансистов, как и он, ожидали нелегкие годы.

В Болонье первый тиран, наследник ростовщического рода, тоже пришел к власти, став хозяином города, благодаря расширению земельного владения и клиентелы. Ромео Пеполи унаследовал от отца меняльный стол, но главным его занятием долгое время было предоставление крупных денежных займов коммуне. Благодаря этим займам он установил связи с несколькими видными семействами города. В то же время он давал ссуды и местным крупным землевладельцам, аккуратно записывая и непременно оговаривая проценты. Всё новые просьбы об отсрочке платежей давали ему возможности, как, впрочем, в подобных случаях бывало и повсюду в других местах, для многочисленных конфискаций и значительного округления своего достояния. Джованни Виллани особо отмечает богатство Ромео Пеполи, «крупного купца и могущественного гражданина Болоньи и почти сеньора города со всей его сектой, о котором говорили, что это богатейший человек Италии, нажившего почти всё ростовщичеством и имевшего более двадцати тысяч флоринов годового дохода, не считая мебели»¹. В 1306 г. при поддержке одного родственника он призвал простой народ восстать и пойти за ним, чтобы захватить дворец коммуны. Он поторопился и потерпел неудачу; его бросили в тюрьму, но через три дня выпустили, и ему пришлось бежать. Вернувшись, наконец набрав отряд в четыреста человек, получив поддержку со стороны мясников — прочного ядра гвельфской партии, он изгнал гибеллинов и стал единовластно править. Его сын Таддео сумел удержать власть до своей смерти в 1347 г., но его наследников, Джованни и Джакомо Пеполи, несмотря на помощь со стороны Флоренции, изгнали Висконти.

Париж по-настоящему не был в руках короля. Последнему не принадлежала юрисдикция в добром десятке мест, а его главный агент, парижский прево, с трудом отстаивал

¹ Виллани Д. Новая хроника. Кн. IX, гл. 132.

свою полицейскую власть в борьбе с церквами, вельможами, религиозными или профессиональными братствами и университетом, которые все претендовали на определенные вольности. Контроль над ремеслом и сделками, уставы, предписываемые цехам, управление портами и мельницами, права выгрузки и прохода находились в ведении Парижской ганзы и Сообщества купцов, сообщавших свои арбитражные решения на Гревскую площадь и в дом, называемый «Бюргерским двором». Купеческий прево, избиравшийся цехами, а фактически теми их представителями, которые сумели внушить к себе уважение богатством и популярностью в народе, был в Париже «сильным человеком» и часто выступал против королевского прево.

Король хотел как можно плотней контролировать обмен, иначе говоря, процентные ссуды. Как повсюду на Западе, он, чтобы парижское население не разъярялось все сильнее, назначал максимальные проценты, превышать которые было нельзя. Виновных в нарушениях, ломбардцев и евреев, он присуждал к крупным штрафам, приговаривал к тюремному заключению, а в крайних случаях изгонял из города, то есть на какое-то время оставлял без кредита и без дел. Но это средство не годилось против парижских менял, которые, уже не в первом поколении укоренившись в городе, вели себя более скрытно, не слишком настаивая на залоге. Они не желали ссужать маленькие суммы, чтобы спасти бедных земледельцев либо ремесленников, оказавшихся на грани разорения. Они давали займы в сотни и тысячи ливров князьям и вельможам Парижа и Иль-де-Франса. Сцены из романа Мориса Дрюона «Проклятые короли», где сиенец Толомеи выдает крупные денежные «авансы» Роберу д'Артуа, а потом англичанину Мортимеру, в точности соответствуют описаниям из нескольких хроник того времени.

Ростовщик был также галантерейщиком, или суконщиком, или торговал мелкими изделиями из дерева и кости. А чаще, как

все ростовщики, поселившиеся в торговом городе¹, золотых и серебряных дел мастером. Для переплавки либо хранения в качестве залогов он получал чаши, кубки и кувшины, которые оценивал в зависимости от места изготовления, для чего должен был знать, как определяют пробы металла на главных рынках Европы. На витражах Шартрского собора менялы стоят или сидят перед столом или весами, высыпая монеты из мешков, рассматривают или взвешивают их. Имеется в виду просто обмен или разоблачение мошенников: один из них принимает посетителя, который держит руки за спиной, пряча кошель. Но на витраже в Ле-Мане, более позднем и выполненном иначе, более рельефно, на столе изображены три изделия из драгоценного металла, и один из пяти персонажей внимательно рассматривает чашу, держа в руке. Пьер Жансень, организовавший бюргерские турниры 1305 г., был сыном менялы, сам меняла и попал в милость к королю Филиппу Красивому, продав ему коней, как сделал бы ломбардец. Он стал королевским шталмейстером, то есть поставщиком и интендантом конюшен, потом контролером дел и трудов короля и, на пике карьеры, хранителем сокровищницы — распорядителем закупок золотой и серебряной посуды, драгоценностей и бриллиантов. Счета королевского двора показывают, что его поставщиками были многие менялы. В списке покупок для Изабо Баварской с 1393 по 1405 г. упомянуто более двадцати золотых дел мастеров, а также двенадцать «парижских менял и бюргеров», продавших ей золотую и серебряную посуду, кубки, кувшины и чаши и даже бриллианты «в кольце»².

¹ Меняла из Монтольё в Лангедоке тщательно указал пробу серебра для посуды из тринадцати городов или стран, от Фижака до Лиссабона и от Парижа до Генуи, Германии и Родоса, а также вес марки серебра в девяти городах (Муассаке, Тулузе, Ажене, Сен-Жан-д'Анжели, Лиможе, Ла-Рошели, Бордо, Монпелье, Карпе) по сравнению с Фижаком. Ср. *Bompaigne M. Un livre de changeur languedocien...*

² *Taburet-Delahaye E. Parures et bijoux de la reine Isabeau de Bavière // Bulletin de la Société nationale des antiquaires de France. 2008. P. 242–269.*

Менялы принимали решения о распределении королевского налога сначала в своих приходах, а потом и во всем городе Париже: в 1305 г. раскладка талы, собираемой на вооружение старшего сына Филиппа Красивого, определялась в доме Этьена Барбетта в узком кругу менял и суконщиков во главе с Жаном Барбеттом и Жаком Бурдоном. Перечень купеческих прево, приведенный Раймоном Казелем в его большой «Истории Франции», за период более века, с 1230 по 1348 г., упоминает имена представителей всего четырех семей. Все это менялы, и не ломбардцы, а коренные парижане: Барбетты (с 1230 по 1240 г., а потом с 1314 по 1321 г.), Писдо (1276–1280 гг., а потом с 1304 по 1314 г.), Бурдоны (1296–1298 гг. и 1381–1383 гг.) и Жансьены (1321–1328 гг.). Эти семьи, связанные между собой территориальным соседством и браками, оказывали друг другу в городе многочисленные услуги.

Они желали всё большего. Ослабление королевской власти из-за отсутствия короля Иоанна, попавшего в плен к англичанам, и финансовый кризис дали им повод действовать. Восстание Этьена Марселя с целью изгнать дофина и воцариться в городе в качестве тирана прекрасно вписывается в эту картину усиления денежных воротил.

В 1356 г. Франция, униженная поражением, армия которой сократилась, а значительная часть королевства была занята врагом, печально врачевала себе раны и, чтобы собрать огромный выкуп, была вынуждена согласиться на выплату новых налогов. В следующем году Генеральные штаты, руководимые парижскими нотаблями во главе с Этьеном Марселем, рупором, а вскоре и вождем протестующих, потребовали от Карла, королевского наместника, проведения реформ, фактически желая установить нечто вроде контроля над королевским правительством. Через несколько дней, чтобы сделать свои требования более весомыми, они спровоцировали в Париже вспышку народного гнева, а потом многочисленные народные собрания, грабежи и убийства.

В 1358 г. началась жакерия: вооруженные банды нападали на укрепленные дома и замки Иль-де-Франса, жгли и грабили, перерезали сеньорам горло на площади бурга. Эти прискорбные беспорядки, погубившие сотни людей и сделавшие Париж и окрестные земли добычей грабителей, привлекли пристальное внимание хронистов, а потом историков, которые, не довольствуясь простым рассказом, искали причины восстаний. Все говорят о сильном недовольстве, назревшем и обратившемся против знати, несшей, как утверждали, ответственность за поражение при Пуатье. Упоминают также монетные мутации как источник нестабильности.

Этот анализ в целом верен, но обычно забывают указать, что протесты, требования реформ и бунты были подготовлены, спровоцированы, а потом организованы и постоянно поддерживались нотаблями. Некоторые авторы, верные своим привычным, но очень устаревшим лозунгам, писали о классовой борьбе, как будто не зная, что вождями мятежей в Париже были богатые бюргеры, а вождями «жаков» — рыцари или капитаны парижского ополчения. Парижские восстания, разбой и убийства были не взрывом гнева и отчаяния бедняков, а, так же как в другие времена и в других странах, делом рук вполне влиятельных граждан, отнюдь не обнищавших, обладавших достаточными деньгами и возможностями, чтобы собрать вокруг себя сильные группировки подручных единственно ради удовлетворения своих амбиций или сведения счетов. Во главе их стояли видный барон Карл Наваррский, притязавший на французскую корону, и все тот же купеческий прево Этьен Марсель, желавший вернуть себе наследство, от которого ранее отказался. Его, человека очень состоятельного, вождем восстания сделали финансовые неудачи¹.

¹ *Perrens F. — T. Étienne Marcel et le gouvernement de la bourgeoisie au quatorzième siècle: 1356–1358. Paris: L. Hachette, 1860. — Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. Genève; Paris: Droz, 1982. — Morel É. La jacquerie dans le Beauvaisis, principalement aux environs de Compiègne. Abbeville: Cabinet historique de l'Artois et de la Picardie, 1891.*

Пьер Марсель, дед Этьена, был менялой и суконщиком и поселился на улице Вьей-Драпри, недалеко от Моста менял, ведущего на остров Сите; он также владел несколькими домами в цензиве Сент-Элуа. У него было шесть сыновей, все суконщики или ссудодатели под залог, которые породнились с другими семьями крупных бюргеров. Жак Марсель, крупнейший налогоплательщик Парижа в 1313 г., женил сына на Эделине Кокатрикс, а дочь выдал за Этьена Бурдона, потом, вторым браком, — за Жоффруа Кокатрикса и третьим — за Жана Биллуара, хранителя сокровищницы королевского дома, советника Счетной палаты. Этьен Марсель в 1350 г. платил наибольший налог, судя по «Книге тальи» этого года, и как крупный землевладелец имел ренты в Шуази-ле-Руа, Тиз, Аблоне, Гриньоне и как раз приобрел за две тысячи золотых экю землю в Ферьер-ан-Бри с укрепленным домом и сотней арпанов пашни и лесов.

Овдовев после смерти Жанны де Даммартен, дочери Жоффруа, который был эшевром, он в 1346 г. женился вторым браком на Маргарите дез Эссар, дочери Пьера — хранителя сокровищницы при Карле IV Красивом, советника Счетной палаты при Филиппе VI и менялы, щедро ссужавшего крупные суммы Иоанну — сыну короля Филиппа VI, графу Фландрскому и Людовику Неверскому. Приданое Маргариты составило три тысячи золотых экю. В том же 1346 г. король сделал уступку общественному мнению, возлагавшему ответственность за тяжелые проблемы казны и слишком обременительные налоги на нескольких из его советников. Он арестовал Пьера дез Эссара, которого стали тайно переводить из крепости в крепость и который, наконец, купил освобождение за назначенный штраф — сто тысяч экю. Когда через два года дез Эссар умер, полагали, что он весь в долгах, поскольку ему пришлось занять огромные суммы денег, чтобы выкупить свою свободу. В 1350 г. Иоанн II Добрый потребовал, чтобы наследники Пьера, то есть его сын

Жан, каноник собора Парижской Богоматери, и оба его зятя, Робер де Лоррис и Этьен Марсель, дали в залог 15 тыс. турецких ливров, а потом, за проверку счетов, еще 50 тыс. экю. Жан и Робер де Лоррис согласились, Этьен Марсель отказался. В 1353 г. король Иоанн погасил долг в 50 тыс. экю и вернул обоим наследникам то, что они выплатили. Как неудачливый игрок, кричащий о шулерстве, Марсель потребовал свою долю и, получив отказ, став заклятым врагом своего свояка Робера де Лорриса, теперь участвовал в восстании.

Другая финансовая неудача: в том же 1353 г. король решил заменить хранителя сокровищницы своего дома Этьена де ла Фонтена приближенным советником, который, чтобы меньше тратить, стал заказывать шерстяные сукна непосредственно в Генте, Лувене и Брюсселе, лишив тем самым парижских купцов части дохода. Это был хороший политический ход, но штатный поставщик роскошных тканей ко двору Этьен Марсель от него много потерял. С тех пор к нему примкнули другие, суконщики, золотых дел мастера или менялы, тоже лишившиеся заказов королевского двора, и эти люди образовали прочное ядро его сторонников, верных ему вплоть до падения: сам Этьен де ла Фонтен, Жан де Лилль и Пьер де Барр, командовавшие парижским ополчением, еще один золотых дел мастер — Жоссеран де Масон, которому Этьен Марсель требовал отдать ключи от бастиды Сен-Дени, где он хотел иметь возможность укрыться. А также Шарль Труссак, о котором говорили, что он «лучше всех умеет говорить с народом».

В Париже Этьен Марсель заставил признать себя вождем протестующих с первого собрания Генеральных штатов и сразу же потребовал осуждения своих врагов или соперников — советников короля: Робера де Лорриса, конечно же, минцмейстера Жана Пуальвена, канцлера Пьера де ла Форе. Он усилил свою партию, сильно обновив кадровый состав городских служащих и расставив на посты и должности своих людей. Случился также недостойный

конфликт из-за денег и невыплаченного долга, подливший масла в огонь и вызвавший в городе открытый конфликт между обеими партиями. Жан Байе, меняла, поставщик серебряной посуды и драгоценностей ко двору Иоанна Доброго, арендатор монетной мастерской в Руане, купил двух боевых коней для дофина Карла у Пьера Марка, другогото менялы, но не торопился с оплатой. Оба встретились на улице Нёв-Сент-Мерри, обменялись оскорблениями, и Марк убил Байе ударом ножа. Он попытался укрыться в церкви, но дофин приказал нарушить право убежища и послал туда своего парижского прево вместе с Робером де Клермоном, сенешалем Нормандии. Они взломали двери, привели Пьера Марка в Шатле, и тот после отрубания руки был повешен. 27 января 1358 г. по улицам прошли две огромных процессии, готовые столкнуться между собой с оружием в руках: похоронная процессия Жана Байе, которую возглавлял маршал Нормандии, и похоронная процессия Жана Марка, которую вел Этьен Марсель. Двадцать второго февраля маршалы Нормандии и Шампани были убиты на глазах у дофина Карла.

Став хозяином Парижа, Этьен Марсель нагнал на город такого страха, что бюргеры желали купеческому прево скорейшего падения. Потому что «лучше, казалось им, убить, нежели быть убитыми». Пепин и Мартен дез Эссары, племянник и двоюродный племянник покойного Пьера, собрали множество сторонников, и на заре 31 июля 1358 г. Этьен Марсель погиб под ударами небольшой группы убийц во главе с Жаном Майяром, суконщиком, доверенным лицом дез Эссаров, породнившимся с ними благодаря браку.

В то время как вооруженные банды купеческого прево терроризировали Париж, восставшие крестьяне, желавшие, чтобы их называли «жаками», предавали огню и мечу многочисленные бурги, деревни и шателени Иль-де-Франса. Этьен Марсель неизменно был их союзником. Единственный из вождей этого восстания, сделавший себе имя, Гильом Карль, был не грубым мужланом,

а благоразумным человеком, «весьма знающим и красноречивым» крестьянином, который с первых дней искал союза с бюргерами. Когда горожане Санлиса ему отказали, он послал двух гонцов в Париж. Филипп Алансонский, автор «Хроники первых четырех Валуа», пишет, с каким ликованием парижане приняли этих повстанцев. Марсель выделил им триста человек под командованием Жана Вайяна, которые помогли Гильому Карлю удерживать власть над его людьми. Вместе они разграбили и разрушили Эрменонвиль, замок Робера де Лорриса. В то же время было приказано снести замки и сторожевые укрепления между Уазой и Сеной. Еще один отряд парижского ополчения под командованием Пьера Жилля, купца из Монпелье, имевшего торговые отделения в Париже и Брюгге, и Жана де Барра, золотых дел мастера из Парижа, разорил все окрестности города, оставив лишь руины и пепел от замков Трапп и Шеврёз, от замка Жака де ла Ваша, председателя парламента, в Шуази и от трех усадеб Симона де Бюси, королевского советника, — в Исси, Вожираре и Вирофле. Несомненно, они намеревались сделать больше и пойти дальше в своих жестоких предприятиях, поскольку в мае 1358 г. послали через Жана Донá две тысячи мутондоров одному генуэзцу из Авиньона, чтобы тот набрал отряд «бригандов», наемников.

«Жаки» не были бедными оборванцами. Их вели на грабежи и убийства люди, умевшие сражаться, рыцари и оруженосцы, богатые крестьяне, бюргеры из парижского ополчения. Они не громили все подряд в стихийном приступе ярости, словно вслепую, а знали, где искать владения людей из партии дофина и Робера де Лорриса: к северу от Парижа, в районе Санлиса и Крепи-ан-Валуа, а потом на рубежах Бовези, где находились замки Робера де Лорриса и его друзей. Первое возмущение произошло в Сен-Лё-д'Эссеране, фьефе Даммартенов, где на площади бурга было убито девять сеньоров. Потом восстание распространилось дальше на север, в Амьенуа и до самой Пикардии, где его поддержало

ополчение фламандских городов под командованием суконщиков, имевших торговые связи с Этьеном Марселем.

Суд сурово наказал семьи менял и крупных купцов из партии купеческого прево. Они потеряли свой кредит, заплатили большие штрафы, продали свое имущество и задолженности и почти все перестали заниматься финансовыми операциями. Хронисты мало писали об этом, но судьи приговорили к большим штрафам Арродов, Жансьенов, Браков, Ле Фламанов и Марселей, всё это были менялы. Король Иоанн, вернувшись из плена, принял сторону знати, для которой была невыносима надменность бюргеров, особенно менял, щеголявших благородными титулами, приобретенными за деньги. Были назначены комиссии для проверки подлинности этих титулов, чтобы попытаться отобрать их у некоторого количества обладателей.

Однако через двенадцать лет, по восстановлении мира, король Карл V велел прекратить все расследования: «Вольные бюргеры одного города пользовались и привыкли пользоваться [...] приобретенными ими фьефами и аррьер-фьефами и прочими сеньориями в некоторых частях нашего королевства; и оные фьефы и владения названные бюргеры держали мирно и распоряжались ими с умением и способностями, достойными особ с золотыми шпорами и прочими украшениями, каковые подобают рыцарству; и при этом по праву пользуясь рыцарским вооружением, подобно старинной и родовой знати нашего королевства; и для них это допускалось или по меньшей мере было в ходу столько времени, что невозможно вспомнить, когда бы это было иначе. Тем не менее [...] наш парижский прево официально потребовал, чтобы те, кто с тысяча триста двадцать четвертого года приобрел благородные фьефы, подтвердили бы это заявлением в течение месяца после обнародования его приказа и предъявили его в письменном виде под страхом конфискации приобретенного [...]. Мы, приняв во внимание, что оные просители оказывали нам в прошлом и оказывают ныне приятные и похвальные

услуги [...], не желаем, чтобы означенный город и бюргеры оною были бы в связи с сим потревожены и кто-либо из них терпел обиду, и даем знать содержанием оной грамоты служащим нашим [...] и комиссарам, чтобы не тревожили и не обижали ни одного из них. Если же им будет оказана какая помеха, пусть бы ее неотложно уладили и велели уладить»¹.

В последние годы царствования Карла VI королевские служащие защищали мастеров-менял от конкуренции со стороны золотых дел мастеров и других ремесленников, которые, нарушая уставы, принимали на переплавку монеты или золотую и серебряную посуду: «Благородному мужу, монсеньору парижскому прево, — Дени Никола, смотритель парижского Шатле: да будет Вам ведомо, что по Вашему приказу в связи с прощением менял, утверждающих, что сообразно королевским ордонансам и издревле сложившимся обычаям сего ремесла никто не вправе вести обмен ни на Парижском мосту, ни в других местах, если не обучился ремеслу мастера-менялы и не имеет удостоверения короля и генеральных мастеров-монетчиков в том, что может производить обмен на означенном мосту, имеет доброе имя и купил ручательство за пятьсот ливров, и что тем не менее некоторые золотых и серебряных дел мастера производят обмен, покупая биллон и некоторыми иными способами, держа кузницы и расстилая ковер, чтобы превращать на нем золото и серебро в монету, не имея решеток перед своими прилавками и окнами, как подобает золотых и серебряных дел мастерам... в понедельник пятнадцатого мая 1419 г. и в другие дни я побывал на сем Парижском мосту и послал Жака Леско, пристава, дабы он пресек это... каковой мне доложил, что, проходя по оному мосту в субботу двадцать второго июля, он обнаружил нескольких золотых

¹ Опубл. в изд.: *Cazelles R.* Nouvelle histoire de Paris: De la fin du règne de Philippe Auguste à la mort de Charles V, 1223–1380. Paris: Association pour la publication d'une Histoire de Paris, 1972. Annexe V. P. 424.

и серебряных дел мастеров, кузни коих были открыты, и в означенных кузнях были арестованы люди, предлагавшие им продать монеты, и он препроводил ко мне этих золотых и серебряных дел мастеров, сказавших мне, что есть другие, вдвое богаче их, которые творят еще и не то, а также бакалейщики, кузнецы и суконщики, каковых не забирают. На основе сих признаний я опечатал монету, найденную и изъятую оным приставом»¹.

В 1423 г. герцог Бедфорд, регент королевства и наместник Парижа, от имени юного английского короля Георга VI обнародовал «общий устав для людей всех состояний, пробирщиков, резчиков, стражников, рабочих и монетчиков, менял, пробирных мастеров, сортировщиков золота и серебра, золотых и серебряных дел мастеров, галантерейщиков и прочих, каковые участвуют в изготовлении и продаже посуды, поясов и прочих драгоценностей из золота и серебра», запрещавший заниматься обменом тем, кто не имел лицензии начальников монетных дворов. Тем самым контроль над ремеслом, которое раньше было определено плохо и надзирали за которым очень слабо, сделался более плотным, и опека над этой профессией все сильнее ужесточалась, например, после обнародования Буржского ордонанса 1439 г. и Сомюрского 1443 г., поставивших менял под юрисдикцию хранителей монетных мастерских и генеральных начальников монетных дворов. Карл VII объявил, «чтобы никто, какое бы состояние и положение ни имел, не производил бы обмена, если не имеет наших грамот, подтвержденных оными генеральными минцмейстерами и мастерами». Чтобы приобрести право заниматься этой практикой, получив то, что тогда называлось «*lettre de change*», соискатель ссылался на нескольких поручителей, удостоверявших его «достаточность» и кредит, сообщал, в каких местах будет держать столы, и давал клятву

¹ *Documents relatifs à l'Histoire de l'industrie et du commerce en France* / publiés par... G. Fagniez. Paris: A. Picard et fils, 1900. T. II: XIVe et XVe siècles. № 112. P. 212–213.

соблюдать устав цеха. Он ежегодно выплачивал две марки чистого золота и десять серебра и, кроме того, обязывался предоставлять монетчикам короля, «по возможности», определенное количество золота. Он также был обязан как можно быстрее передавать в мастерскую плохие монеты, ломаные и обрезанные. После того как в период от Филиппа Августа до Людовика Святого удалось покончить с монетной анархией, в другой период, а именно при Карле VI и Карле VII, возник королевский контроль в другой форме, способствовавший хорошему развитию экономики и в то же время защищавший народ от злоупотреблений со стороны денежных воротил.

ЗЕМЛЯ, ПРИБРЕТЕННАЯ РОСТОВЩИЧЕСТВОМ

Мы охотно представляем себе «средневековое» общество таким, в каком землю, принадлежащую только сеньорам, обрабатывают держатели, сервы или свободные крестьяне. Такое представление недооценивает крестьян, владевших аллодами — землями, избавленными от чинша и повинностей. Это были их земли; они могли их продавать или закладывать, а чаще всего оставляли в залог соседу за заем. Такая форма ростовщичества не выглядела прямым займом, а имела облик договора, но, правду сказать, ее суть не очень скрывали. Человек, удрученный плохим урожаем, вынужденный собирать деньги на семена, срочно покупать инвентарь или рабочего вола, продавал землю крестьянину, имеющему владения в том же районе. В документе, заверенном нотарием, указывалась цена продажи, немедленно получаемая, но уточнялось, что злополучный продавец вправе выкупить свое владение по той же цене, когда захочет. В силу другой статьи, добавлявшейся в тот же день, он сразу становился арендатором, платящим покупателю арендную плату, которая и представляла собой проценты

с полученных денег; она составляла 10–12%, проценты, конечно, не самые обременительные. Такая аренда-продажа (*location-vente*), как ее называли, была настолько распространенной, поскольку в связках нотариальных актов ее примеры можно найти десятками, что трудно понять, как она могла так долго оставаться неизвестной историкам-экономистам.

С XIV в. усилились бюргеры — владельцы земель и сеньориальных прав, приобретенных посредством регулярных закупок или, может быть, чаще всего ростовщичеством: сначала они давали безвозмездные авансы, а потом займы под всё больший процент, пока в конечном счете заемщик, простолюдин или сеньор, не разорился и его земельные владения не конфисковывались. Ростовщик действовал открыто, без обиняков требуя проценты. Если погашение запаздывало, с должника требовали неустойку за просрочку, и обычно заем возвращался на тех же условиях, с прибавлением процентов к основному капиталу. Для ростовщика это было очень выгодно¹, и порой долг вырастал до таких размеров, что должник, неспособный проверить точность расчетов, считал себя жертвой злоупотреблений.

31 января 1338 г. комиссары дофина Юмбера II получили двадцать четыре жалобы на ростовщиков, которые помимо процентов, предусмотренных соглашением, требовали дополнительные штрафы: «Те, кто жалуется на ломбардцев и прочих, утратившие [добрую] репутацию из-за губительных ростовщических договоров. И прежде всего Дьэлефит Байяс и Журдан Розье жалуются на Пьера Прейзена из Отрива: они говорят, что он им продал двадцать пять сетье ржи за двадцать пять су в серебряных турецких грошах в долг на определенный срок, и так как они не оплатили долг в срок

¹ Разве сегодня не говорят, что для некоторых банков хороший клиент — не тот, кто внимательно следит за своим активом и никогда не допускает задолженности, а тот, кто без колебаний влезает в долги и вынужден доплачивать за обмен валюты?

и даже позже, оный Пьер Прейзен получил за эти двадцать пять су грошей, хищнически и ростовщически, пятнадцать сетье пшеницы и ржи, и теперь они ему должны пятьдесят су в серебряных турецких грошах.

Итем, Жан Мерло жалуется на означенных ломбардцев: он говорит, что они ссудили ему четыре су в серебряных турецких грошах, за которые получили за три года тринадцать су в грошах и теперь должны ему четыре су в мелких вьеннских [монетах].

Итем, жалуются Матьё Рейль и Мартина Аймар: они говорят, что за долг в тридцать ливров во вьеннских [монетах], за который они выступили поручителями от имени Перонне Банье, оные ломбардцы взяли, помимо сорока су в турецких грошах, имущество означенной Мартины стоимостью добрых тридцать ливров»¹.

В Париже в 1347 г. одно расследование, а потом судебный процесс обнаружили ссуду в пятнадцать ливров, которая в конечном счете обернулась долгом в восемьдесят пять ливров.

В Тоскане: от малоимущих до Медичи

Менялы бродили по дорогам от деревни к деревне в поисках случайной удачи, по крайней мере первое время. Они оказывали всевозможные услуги, меняли мелкие монеты и ссужали мелкие суммы, мало-помалу приучая население к себе, потом, вернувшись к обмену, стали ссужать всё больше, не выказывая чрезмерной требовательности, не наказывая за задержки, но, с определенного времени став необходимыми, уже соглашались на авансы только под залог. Настоящим искусством было умение узнавать об урожаях и подстерегать тех, кому не повезло оказаться не при деньгах. Они не собирали, как городские менялы, в задних каморках немыслимые груды украшений, одежды и ору-

¹ Цит. по изд.: *Villes d'Italie*, op. cit. P. 259–260. Процент и прибыль вычислить тем трудней, что используются разные реальные и счетные монеты.

дий, — залогами становились земли или строения, которые поочередно отходили кредитору.

Активные в периоды сева, жатвы и сбора винограда, они покупали и перепродавали вино, оливковое масло и зерно. Отец и сын либо два брата работали вместе, но никогда не держали ни приказчиков, ни корреспондентов ни в одном городе, даже в бургах; они вели счета, не подводя баланса, заботясь лишь о том, чтобы уследить за ссудами, выданными каждому, и в нужный момент стать требовательней. Почти все также занимались спекуляциями, часто рискованными, на курсе монет и металлов, золота и серебра.

В 1303 г. Липпо дель Сега унаследовал от отца, менялы, два дома в квартале Сан-Пьеро-Маджоре во Флоренции, большое имение в Понтанико, к северо-востоку от города, и десяток разбросанных участков земли в окрестностях, а также восемь долговых обязательств, проценты с которых, во всяком случае, крупнейший из них, приносили ему от 15 до 20% в год. Ему было четырнадцать лет, и при поддержке дядьев он попытался жить доходами со своих земель. Но не сумел. Наполовину разоренный, больной, обремененный долгами, оказавшись под угрозой конфискации имущества для уплаты податей коммуне, он стал занимать у кого придется, у золотых дел мастеров, кузнецов и нотариев, потом у соседей и друзей, к которым обращался слишком часто, и у ростовщиков, которым оставлял в залог земли. В 1311 г. он занял тридцать шесть флоринов у четырех разных ссудодателей, в 1312 г. — сорок флоринов на покрытие остатков налогов, а в 1313 г. продал три поля и приданое женщины, на которой только что женился. В следующем году он сделался менялой и первый капитал в дело вложил за счет ликвидации части земельной собственности, которая у него еще оставалась.

Он записался в цех менял, но не держал стола на городской площади, не имел компаньона и не вел дел с крупными компаниями. В городе более трех четвертей займов, какие

он давал, были безвозмездными, без требования залога, без процентов и предоставлялись родственникам или соседям, ремесленникам, мелким бюргерам, вдовам. Благодаря этому он сохранял уважение и кредит. В деревне, совсем напротив, его операции были составными частями финансовой стратегии, рассчитанной на конфискации земельных владений и формирование имени либо расширение уже имеющихся.

Время от времени он закрывал бедную лавку своего дома и верхом, несколько дней, а то и неделю-другую, ездил из поселения в поселение, как разносчик или бродячий галантерейщик. Он был знаком с окружающими, обращался к мужчинам и женщинам по имени, каким их крестили, продавал на рынках плоды своих земель, нанимал компаньонов для сбора урожая. Повсюду его приглашали в третейские судьи, и он милостиво, быстро, на месте разбирал дела и мирил спорщиков. Он умел извлекать доход из колебания курсов драгоценных металлов и обмена иностранных монет: в марте 1319 г. «пробег» всего за пять дней до окрестностей Сиены принес ему барыш в десять флоринов на сорок шесть, с которыми он выехал. Главное, он скупал драгоценности и золотые либо серебряные поясные пряжки; иностранные монеты, с которыми крестьянам делать было нечего, он отвозил в монетный двор во Флоренцию для переплавки и возвращался с добрыми золотыми флоринами — за восемь лет, с 1315 по 1323 г., этот бизнес принес ему 32 тыс. флоринов.

Условия займов ясно оговаривались в нотариальном акте. Проценты, которые он называл *fitti*, регулярно достигали 19–20%, в одном случае даже 28%, потом, через несколько лет и, возможно, в момент, когда он начал искать другую клиентуру, стали постепенно сокращаться, пока не стабилизировались на уровне приблизительно 10%.

В Понтанико, селении совсем рядом с Флоренцией, крестьянин по имени Тура Джаним владел землями рядом с его имением. Менее чем за четыре года он наложил на них

руку, ссужая тому сначала очень немного, потом всё больше и всё чаще: с марта по август 1315 г. — пять займов, с 6 по 11 декабря 1318 г. — почти ежедневно, на общую сумму шестьдесят флоринов (12 декабря ему пришлось самому занимать деньги, чтобы не бросать дело). Девятнадцатого декабря Тура впервые отдал в залог землю, а 22 февраля был вынужден ее уступить. В то же время Липпо дель Сега при помощи таких же повторных займов приобрел земли и ферму другого соседа, Нутино. В отсутствие компаньонов и достаточных денежных запасов он не мог атаковать крупных землевладельцев, знать или церковные общины. Он никогда не мог наложить руку на сеньорию, и в конечном счете две-три операции такого рода увеличили его имение всего на несколько клочков земли. Он довольствовался тем, что бережней возделывал виноград, покупал новые лозы, очищал плохие поля от кустов и камней, копал каналы и устраивал террасы. Он даже сам занимал небольшие суммы у других менял, и эти займы явственно показывают, что ему часто не хватало денег — на муку, на покупку вола или башмаков, на оплату цеховой габели. Его сельский дом оставался таким же, каким был раньше: ни виноградного или масляного пресса, ни голубятни. Его социальный статус тоже не изменился, и его финансовое положение оставалось шатким, на грани бедности.

С 1320 по 1322 г. он ездил в Венецию и на Кипр, несомненно, в надежде заработать немного больше, но неизвестно, занимался ли он обменом или коммерцией, потому что в его книге об этом нет ни слова, и надо полагать, что он вернулся еще более безденежным. Через несколько месяцев он отправился во Францию, остановился на несколько дней в Авиньоне и оттуда поехал прямо в Понтуаз, где образовал компанию с двумя флорентинцами, одним сиенцем и одним выходцем из Асти. Эти *Рикорди* ничего не говорят о своем деле, и через шесть лет мы их вновь встречаем в Париже, не в лучшем состоянии, коль скоро его сестра посылает ему деньги. В возрасте шестидесяти лет он возвращается во Флоренцию

после тридцати лет пребывания во Французском королевстве, и его принимает у себя эта самая сестра, Франческа, и двое зятьев, которые сопровождали его во Францию, но вернулись намного раньше. В его отсутствие жена скончалась, и его дом во Флоренции отошел одному каменщику, потом трактирщику и, наконец, был разделен на несколько жилищ. Он снова женился в 1354 г., на Бернарде Боннакорсо, сестре страхового агента, которая принесла ему в приданое 314 флоринов и три дома. Они не могли найти общего языка, непрерывно ссорились, и через три года она его бросила. Став чиновником по сбору габели, он жил за счет своих земель, еще при случае ссужая деньги. Дата его смерти неизвестна, так как он обрывает свою книгу в 1362 г. отметкой о выплате штрафа в 75 лир, наложенного в судебном процессе, где его обвинили в изнасиловании. Печальный конец для человека, мастерски умевшего обращаться с монетами и драгоценными металлами, конечно, не жалевшего сил, каждый день впрягавшегося в работу, дважды покидавшего родину и прожившего тридцать лет вдали от родной земли, чтобы в итоге приобрести всего несколько полей, округлив имение, оставленное отцом.

Из массы бедноты и поденщиков со временем выделялись семьи, которые, бросившись в авантюру без особых средств, оказались сравнительно удачливы, воспользовались обстоятельствами, крепко держались за свое дело дольше, чем в течение поколения, и накопили приличное состояние. Обеспечив себе лучшую репутацию, прочно обосновавшись в городе, эти люди тоже ссужали под проценты, но куда более тайно, используя несложные письменные приемы, изображавшие заем обменом, чтобы никто не мог выразить им презрение. Эти парвеню высокого полета, поначалу совершенно чужие для знати и высшей аристократии города, с таким блеском проявляли себя в политике и утверждались в обществе, что становились властителями городов, и современники помалкивали об их предках, остервенело извлекавших прибыль из ростовщичества.

Во времена гражданских войн, а для Флоренции это значит — более двух веков, когда взаимная партийная и клановая ненависть доходила до предела, — изгнания и ожесточенные судебные преследования, состояние и жизнь целой семьи часто больше зависели от политических конвульсий, чем от хорошего или плохого управления делами. Партия победителей жгла или сносила церкви и дома побежденных, объявляя, как древние римляне в Карфагене, эту землю проклятой и позволяя ей долго зарастать сорняками или покрываться грязью, прежде чем из нее сделают городскую площадь или на ней построят муниципальный дворец.

В сельской местности менялы сколачивали состояния на руинах и разорениях, извлекая выгоду из изгнаний, смертей, долгих тюремных заключений и непомерных штрафов, что давало им возможность скупать по дешевке земли и замки или, как происходило чаще всего, ссужать под высокий процент и, используя все ухищрения, ссылаясь на просрочки, присваивать земельные владения и сеньории. Так что гражданские войны, помимо смертей и изгнаний, имели следствием существенные переделы собственности и прав, к величайшей выгоде ростовщиков.

Лет за двадцать, с 1299 по 1318 г., Перуцци, торговые компании которых к тому времени уже дважды терпели жестокое разорение, только благодаря ремеслу ссудодателей приобрели обширный комплекс замков, укрепленных домов, земель и сеньориальных прав в районе на левом берегу Арно, вокруг феодальных владений Барончелли и Риполи. Висдомини, их первые клиенты и первые жертвы, представляли собой большую и могущественную *консортерию*, в которую во Флоренции под одной и той же фамилией входило десятка три семейных очагов. Когда в 1292 г. «Установления справедливости», рассчитанные на изгнание грандов из города, причислили их к «магнатам», они были высланы, изгнаны из своих дворцов и, разорившись, вынуждены занимать, чтобы сохранить свой ранг и восстановить клиентелу. Перуцци забрали почти всё, что

у них оставалось. В то же время они задешево скупили земли Мощи, тоже обвиненных как магнаты и чуть позже сильно разорившихся. Лупичи, старинная знать, даром что выходец из этого рода в 1294 г., через два года после выпуска «Установлений», стал гонфалоньером справедливости, долго не продержались и в свою очередь впали в немилость, вынужденные занимать или продавать.

Несколько позже, во время конфликтов «белых» и «черных», жертвой которых, отправившись в вынужденное изгнание, стал Данте Алигьери, главы более скромных кланов, отрезанные от политической жизни, изгнанные далеко от города, от друзей и владений, неспособные получить то, что должны были им вернуть должники, все занимали деньги, чтобы выйти из тюрьмы или затруднительного положения, и понемногу уступали свои земли ростовщикам. Такая участь постигла столь богатых купцов, как Кьермонтези или Фарабоски, которых обвинили на основе обычных доносов и, срочно устроив суд в тот же день, осудили как сторонников и сообщников мятежников.

Медици во время зарождения рода не принадлежали, конечно, к «грандам» или «магнатам» Флоренции. Их в каком бы то ни было контексте не упоминает ни один хронист, а позже услужливым биографам было очень трудно сказать, откуда они взялись. Долгое время ни в счетных книгах, которые не существовали или полностью исчезли, ни в отдельных семейных письмах, очень поздних, какие дошли до нас, ни тем более у хронистов, которые время от времени называют их лишь в качестве простых статистов в свитах грандов, — ничто не позволяет увидеть их за делом в то время, когда они присваивали большие имения, земли и дворянские дома в долине Муджелло к северу от города. Никколо Макиавелли, не любивший их, обвиняет их также в том, что они захватывали земельные владения, ссужая под проценты крупным землевладельцам с целью их разорения, в частности, монахам-камальдулам из монастыря близ Ареццо.

Медици не могли отрицать этого ростовщического прошлого. Козимо и его преемники дополнительно расширили это земельное достояние, конфискуя или задешево покупая владения знати и аристократов города Пизы, завоеванной Флоренцией в 1406 г. в жестокой борьбе. В списке, составленном в 1492 г., перечислены дворец и несколько лавок в Пизе, летний дворец в Аньяно, в Монти Пизани, четыре сеньории на холмах, 7850 *стайор* (950 га) хлебородных земель в долине Серкьо, 27 000 *стайор* (3200 га) близ селения Вакарелло и четыре больших скотоводческих угодья в тосканской Маремме¹.

Богатые землевладельцы, они не довольствовались сбором арендной платы за свои земли или долей, полагающейся по договорам об испольщине. В некоторых случаях они без зазрения совести возвращались к постыдному ростовщическому ремеслу предков: в 1448 г. они предоставили 121 крестьянину своих имений на Муджелло займы, подлежавшие возврату скотом или деньгами, на общую сумму в 4763 флорина².

Во Французском королевстве

Ломбардец, удачливый в делах, достаточно осмотрительный, чтобы требовать только терпимые проценты и не допускать, чтобы до ушей князя или городских магистратов доносились жалобы, не оставался менялой всю жизнь. Собрав земли, конфискованные у недобросовестных плательщиков, став крупным земельным собственником и владельцем сеньории, он мог подняться на другой уровень и получить от князя

¹ Mallett M. E. Pisa and Florence in the fifteenth century: Aspects of the period of the first Florentine domination // *Florentine studies: politics and society in Renaissance Florence* / ed. by N. Rubinstein. London: Faber and Faber, 1968. P. 403–441.

² Что составляло на каждого в среднем заем в сумме около сорока флоринов, то есть намного больше обычных займов, предоставленных ростовщиками в городе. Jones Ph. J. From manor to mezzadria: A Tuscan case-study in the medieval origins of modern agrarian society // *Florentine studies: op. cit.* P. 193–241.

дворянский титул. Ренье Акорре, приехавший в Шампань в 1258 г., конфискациями и покупками приобрел в 1270–1288 гг. значительное количество участков, разбросанных по графству, причем к некоторым прилагались укрепленные дома и сеньориальные права. Вокруг одного-единственного из этих владений, центром которого была феодальная «мotta» — гора Фламбен, он терпеливо собрал один за одним, потратив более пятнадцати лет, 530 земельных участков, которые немедленно пускал в дело, отдавая для обработки арендаторам, свободным людям или сервам¹.

В перечне, составленном душеприказчиками Райнара Бальбе, клермонского банкира, сборщика королевских налогов в Ажене, умершего в 1359 г., сотня долговых расписок занимает больше места и представляет собой более значительные капиталовложения, чем покупки земель или домов. Должники, жившие на «горах», были столь же многочисленными, как и городские, и этот человек, формально не считавшийся менялой, которого тексты определяют как *sapiens, discretus vir* [разумного, выдающегося мужа (лат.)] или даже *nobilis vir* [благородного мужа (лат.)], также продавал лошадей — это было традиционным занятием еврейских и ломбардских ростовщиков. Серия актов, составленных при его жизни, показывает, как в его руки попала дворянская земля Ларжелье, одна из четырех горных сеньорий, которыми тогда владели бюргеры. Морен де Мардонь, овернский сеньор с наибольшими долгами, никак не мог выпутаться из финансовых трудностей и уже судился с одним парижским кредитором. В 1335 г. Бальбе купил у него ренту с шестидесяти сетье ржи, а потом другие ренты, со ржи и кур; в 1348 г. он взял в откуп дорожные пошлины его шателении Брион. Через четыре года Морен был должен ему 750 ливров недоимок с этих рент и уступил всю свою сеньорию.

¹ Grandjean R. Étude du cartulaire de Renier Acorre. Mémoire. Université de Paris IV, 1971.

ГЛАВА V.
ДЕЛА, КАПИТАЛ И ТРУД

БУМАЖНЫЕ МОНЕТЫ, СЧЕТНЫЕ МОНЕТЫ

Нехватка золота и серебра

По мере того как коммерческий обмен принимал всё больший размах, золото и серебро становились редкостью. В том, что драгоценных металлов не хватает, часто обвиняли тех, кто ведет демонстративный образ жизни и позволяет себе безудержную роскошь: мол, огромное количество золота расходуется вместо коммерции на одежды и украшения. Настали времена, когда королевские и княжеские дворы, раньше состоявшие из нескольких родственников и советников, приобрели иной облик и стремились поражать зрителей блеском, какого не было никогда прежде. Укрепляя свой авторитет и престиж, властитель демонстрировал великолепие за счет парадных въездов в города, праздников рыцарских орденов, турниров и военных игр, а в повседневной жизни — пышностью капеллы и стола.

От двадцати семи лет правления Маго (1302–1329 гг.), графини Артуа и Бургундии, до нас дошло тридцать из восьмидесяти реестров, составлявшихся трижды в год — на Сретенье, Вознесение и праздник Всех святых. Реестр последних лет ее жизни, за период с 21 марта 1327 г. по 31 октября 1328 г., наглядно показывает, как подарки поддерживали и укрепляли сплоченность клиентелы при

дворе монархини, братства по оружию и по молитве. Маго постоянно делала заказы золотых и серебряных дел мастерам Арраса, Сент-Омера и Парижа¹. «Дарами и милостями» могли быть кошельки, наполненные золотыми монетами, золоченые пояса и прежде всего серебряные или позолоченные чаши, которые вкладывались одна в другую, весили в совокупности три марки и стоили самое меньшее шестнадцать ливров штука. Это были подарки для женщин ее двора, для девиц ее близких и ее гостей, для кормилиц и укачивательниц. А для капелланов, исповедников, духовников и физиков (врачей) князя, прибывшего с визитом, — кошельки с золотыми монетами, серебряные чашки, шелковые платья и перстни. Приезд герцога и герцогини Бургундских обошелся казне в десять серебряных чаш. На парадных пирах Маго восхищала домочадцев и гостей большими серебряными и вермелевыми подсвечниками, тазиками для мытья рук, чашами и кувшинами, а также, по утверждавшейся моде, большими настольными «кораблями», украшенными резбой и эмалью.

В 1369 г. пэры Франции денонсировали мирный договор в Бретини, и пришлось обременить народ налогами, чтобы можно было набирать войска против Англии. Король Карл V отправил на переплавку в Монетный двор почти всю свою серебряную посуду. Через несколько лет, когда французам улыбнулась победа, королевская казна смогла позволить себе больше, и король заказал золотых и серебряных дел мастерам Парижа много изделий для своих капеллы и стола. Список его движимого имущества, составленный незадолго до его смерти, в 1379 г., включает более четырех тысяч пунктов, в том числе три тысячи — золотые или серебряные предметы, остальное — одежда,

¹ Иногда она сама предоставляла металл, отдавая в переплавку старые изделия: «Уплачено Этьену де Форби, золотых и серебряных дел мастеру, за изготовление для госпожи серебряного [настольного] корабля; отданы старый корабль весом девять марок, старая серебряная посуда весом шесть унций и старая серебряная чаша».

медальоны и ковры. Под рубрикой «золотые драгоценности» числятся 27 крестов, 29 ковчежцев, украшенных камнями, большой потир со вставленными сапфирами и 11 потиров попроще. Что касается серебра, то это 32 креста, один из которых, подаренный герцогом Анжуйским и украшенный камнями, сапфирами и жемчугом, сам по себе весил 135 марок. Для стола — 70 изделий, украшенных драгоценными камнями, 150 просто металлических, в частности, семь дюжин золотых блюд (855 марок), шесть дюжин мисок (217 марок) и 19 больших золотых подсвечников. Для многих изделий вес не указан, но то, что зафиксировано, составляет в сумме 3879 марок золота (более 900 кг) и 6194 марки позолоченного серебра. Большие настольные сосуды для воды весили до 340 марок (80 кг). Настольные корабли, великолепные и внушительные изделия с пузатыми корпусами, умело воспроизведенными мачтами и парусами, с палубой, которая закрывалась крышкой на ключ, отмечали место почетного гостя. На «пробах» (*épreuves*) в форме деревьев с золотыми, серебряными или коралловыми ветвями висели камни и змеиные языки, которые, как считалось, позволяют обнаружить яд в напитке. В перечне подробно описаны некоторые предметы, в частности, кубок с крышкой, украшенный эмалевыми изображениями гербов Франции и черных борзых, с гербами сира д'Альбре, вырезанными на ножке. И далее: «золотой кувшин со светло-красными эмалями; и на плодике (маленьком яблочке, за которое поднимали крышку) — грифон с пятью жемчужными блюдцами, на четырех из которых посредине находится по алмазу, и держит оный грифон в лапах сапфир, а в короне на голове у него — белый рубин»¹.

Людовик I Анжуйский, собираясь переходить Альпы, чтобы завоевать Неаполитанское королевство, велел в 1378–1380 гг. составить перечень своих золотых и серебряных

¹ *Inventaire du mobilier de Charles V, roi de France* / pub. par J. Labarte. Paris: Imprimerie nationale, 1879. 423 p.

вещей. В этом реестре тщательно описано более 3600 предметов, в том числе 300 золотых. Для капеллы предназначались алтари, ковчежцы, табернакли, картины, кресты, священные сосуды и прежде всего «очень большой золотой табернакль с дарохранильницей для тела Господа Нашего», весивший не менее 286 марок, то есть около 70 кг золота¹.

Нотариально заверенные акты, перечни имущества и отчеты по опеке показывают, что негоцианты и финансисты не вкладывали в дела все деньги. Один простой гражданин Генуи, конечно, деловой человек, но из семьи, не принадлежавшей к городским грандам, и сам обычно державшийся в стороне от общественной жизни и от почестей, потратил на приданое дочери и на свадебный пир, куда было приглашено пятьдесят человек, больше, чем требовалось для прокорма его дома в течение более двух лет². Наследники часто делили меж собой посуду, золотые цепи и кольца или пояса общей стоимостью тысячу другую ливров. Пояса называли золочеными, потому что шелк был заткан золотой нитью, а для женщин к поясам пришивали или крепили маленькие золотые пластинки или гвоздики. Они весили одинаково, и получалось, что женщины носят на себе часть имущества, которую было проще оценивать, чем драгоценности или каменья. Цена на золото споров не вызывала, и эти пластинки или гвоз-

¹ Robin F. L'orfèvrerie, art de cour: formes et techniques d'après l'inventaire de Louis Ier d'Anjou// *Gazette des Beaux-Arts*. Ser. 6. 102 (septembre 1983). P. 60–74. — Robin F. Le luxe de la table dans les cours princières (1360–1480)// *Gazette des Beaux-Arts*. Ser. 6. 86 (juillet 1975). P. 1–16.

² Некоторые также осуждали демонстративное ношение драгоценностей и шелковых платьев, якобы оскорбляющее добрые нравы. Не раз выходили запреты, уточнявшие длину платьев, ограничивавшие использование мехов и публичное ношение драгоценностей. Эти ограничения были чрезмерными, и их скоро отменяли, потому что их никто не воспринимал всерьез.

дики, которые называли «ферро» (*ferreaux*), служили монетой¹.

Князь или коммуна старались контролировать эти излишества с помощью законов против роскоши, которые часто возобновлялись или изменялись, но, похоже, не слишком-то соблюдались. Запрещалось приносить золотых и серебряных дел мастерам золото или серебро для изготовления украшений или столовой посуды. Исключение делали для девушек-сирот и для вдов, располагавших собственным имуществом; приданое не могло превышать по стоимости нескольких сот ливров или дукатов. Честные женщины не должны были носить одежду, платья или чепцы, слишком обильно затканые золотой нитью: ее разрешенный вес составлял около унции. Некоторые цензоры в благородном рвении доходили до смешного, регламентируя длину и ширину платьев, размеры декольте корсажа.

В независимых городах, особенно итальянских, эти ограничительные меры имели еще и политическую направленность: они должны были ослаблять престиж и могущество видных семей городской аристократии, собиравших на торжественные церемонии, прежде всего на свадьбы и похороны, огромные клиентелы из друзей и протече. Молодые родственники, вплоть до самых дальних, дефилировали по улицам нахальными *brigade* [компаниями], на конях, со шпагами в руках, в «блестящих» одеждах, восхищая народ и наводя на иных страх. Визиты именитых гостей и свадьбы служили для демонстрации богатства и могущества хозяев при помощи щедрот и увеселений, кортежей родственников и церковных процессий, турниров и галантных игр. По случаю свадьбы девушки из рода

¹ История утверждает, что их чаще носили женщины легкого поведения, чем прочие, откуда поговорка: «Доброе имя дороже золоченого пояса». Серебряные чашки, какие часто дарили к праздникам, тоже имели одинаковый вес и вместимость. Еще и поныне в Англии в некоторых кулинарных рецептах, особенно для выпечки, количество муки оценивается не в мерах веса, а в «чашках», поскольку предполагается, что чашка — неизменная мерная единица.

Медичи — Наннины, внуки Козимо, — с Бернардо Ручеллаи, состоявшейся 8 июня 1466 г., на улицах вокруг дворца установили большие навесы, украшенные гирляндами лилий и роз. Новобрачную окружало пятьдесят девушек и пятьдесят юношей, одетых в ливреи рода Медичи. На трапезе, происходившей на помосте, который занимал целую площадь, украшенном прекрасными шелками и коврами, прислуживало 170 человек за почетным столом и 500 — за четырьмя остальными. Чтобы накормить крестьян из своих имений, приглашенных на пир, Козимо закупил 3200 хлебов, более 100 бочек вина, 3000 тушек домашней птицы и четырех быков. Наннина бросила в толпу сто пригоршней серебряных монет, а на дальних родственников, друзей и слуг надели 170 пар обуви геральдических цветов обоих домов.

Коммуны ограничивали численность кортежей и участников свадебных пиров десятком мужчин и женщин. Одежды, дарившиеся новобрачной, нельзя было демонстрировать на улице, на пороге дворца, а следовало приносить в сундуке или тайно, свернутыми как следует. Ограничения накладывались и на похороны: не разрешалось выставлять тело покойника с открытым лицом, а для охраны саркофага и ночного бдения допускалось не более двух-четырех женщин.

Чеки и переводные векселя

Один исследователь, случайно найдя договор, где сумма долга выражалась в фунтах перца, и, несомненно, придя в восторг от этого аромата экзотики, сделал вывод, что использование перца в качестве счетной монеты было обычным делом. Одно время, но не очень долго, авторы учебников повторяли это утверждение. Это фантазия в чистом виде, и в любом случае так писать — значит не знать или игнорировать тот факт, причем хорошо известный, что перец, как и всякий товар, мог стоить дороже или дешевле в зависимости от места происхождения, от его качества и от ситуации на рынке. Мы, конечно, знаем, что ремесленники, а чаще

крестьяне платили за услуги натурой или покрывали остаток долга, принося бочонок вина либо курицу, но это относилось к совсем маленьким суммам, которые никак нельзя было уплатить в золотых монетах. Купцы, негоцианты и деловые люди так не поступали никогда. Используя разные приемы, умело приспособленные к обстоятельствам и с удовольствием принимаемые, деловые люди сами существенно ограничивали использование «хороших» монет, компенсируя нехватку драгоценного металла.

Слово «чек» в ту эпоху не использовалось, но средневековая экономика очень рано и очень широко стала принимать бумажные монеты. Платежное поручение, по форме полный эквивалент чека, какое писали частные лица, было самой распространенной практикой, и его выдавали на имя любого клиента, друга или соседа, каким бы ни было его социальное положение. Такие поручения, написанные в виде простых записок произвольного формата, которые не имели «шапок» и которые каждый мог складывать, как ему было удобно¹, каждый день выдавались сотнями. Ремитент мог требовать выплаты металлической монетой или, что происходило чаще и было удобней, просто попросить трассата сделать запись в счетной книге.

Переводной вексель был таким же платежным поручением, только выданным для оплаты в другой стране. Характерный для крупных торговых и финансовых компаний, он тоже давал возможность для большой экономии на операциях с металлом. И, главное, избегать сильного риска, связанного с перевозкой денег. Если *ремитент* совершал поездку сам и лично предъявлял вексель *трассату*, который должен был выплатить ему деньги, в деле участвовало всего три

¹ Пример: «Джованни Пиккамильо, соблаговолите выплатить Луиджи Дориа 48 лир 6 денаро и считайте меня своим должником. Томмазо Пиккамильо».

Трассант (Томмазо Пиккамильо) пишет это поручение, отдает его *ремитенту* (Луиджи Дориа), который предъявляет его *трассату*, Джованни Пиккамильо, брату Томмазо. Бумага составлена в одном экземпляре, на оборотной стороне адреса нет.

человека. Если вексель выписывался на имя некоего корреспондента векселедержателя, в документе указывалось четыре имени¹.

Торговые компании, их отделения, или филиалы, выписывали векселя, чтобы переводить деньги на свои счета без рискованной перевозки золотых или серебряных монет. В первое время требовалось составлять заверенный у нотариуса договор об обмене, а для этого, помимо присутствия свидетелей, была необходима передача движимого или недвижимого залога. Постепенно практика стала более гибкой и упростилась. В 1380–1400-е гг. во Флоренции и в Генуе, а потом и в большинстве итальянских городов вексель, собственноручно написанный трассантом на своей скамье или у себя в конторе, содержал лишь три-четыре строки: дата, место выдачи, место выплаты и курс монет. Ни трассант, составивший вексель, ни его корреспондент, трассат, обязанный выплатить указанную сумму, не требовали комиссии. Их единственная выгода заключалась в том, что они располагали этой суммой в течение времени, за которое вексель достигнет пункта назначения, — времени, которое под названием *узанс* вскоре стало фиксироваться с обоюдного согласия сторон и учитываться как постоянная величина.

Счета и перечисления с одного счета на другой

На шампанских ярмарках сделки между фламандцами и итальянцами заключались так быстро, среди толчеи и криков, что продавцы не требовали немедленной оплаты.

¹ Пример: на лицевой стороне: «На основе настоящего векселя соблаговолите заплатить Лоренцо Ломеллини пять генуэзских дукатов, равноценных двумстам су, полученным здесь в Лондоне от Доменико Ломеллини, из расчета дукат за 40 су. Ваш Джованни Дориа». На оборотной стороне: «Луиджи Дориа в Геную».

Трассант здесь — Джованни Дориа, получивший двести су английской монетой от Доменико Ломеллини, *кредитора*. Эту сумму, то есть пять дукатов, из расчета дукат за сорок су, *трассат*, Луиджи Дориа, должен был выплатить *ремитенту*, Лоренцо Ломеллини.

Все долговые обязательства фиксировались, и в последние дни ярмарки несколько негоциантов или приказчиков собирались вместе, чтобы «очистить» свои счета. Мало-помалу эти операции стали такими важными, что их начали поручать менялам или приказчикам, способным вести десять-пятнадцать счетов одновременно. Они шли от прилавка к прилавку и, погашая сразу много долгов, умело подводили общее сальдо. В ярмарочные дни, когда сделок бывало очень много, объем операций с металлической монетой сильно сокращался.

Некоторые купцы вели книги лучше других, и современный читатель и историк ясно видит, чем отличались те, для кого эти книги в основном были не более чем ежедневниками, от тех, кто, больше заботясь о ведении дел, подсчитывал баланс прихода и расхода, оценивал прибыль и убыток от каждой операции и контролировал записи приказчиков или компаньонов.

Значительная часть частных архивов Французского королевства, в отличие от Италии и Англии, была варварски уничтожена во время религиозных войн, а еще больше — во время революционных аутодафе. До нас дошли лишь некоторые разрозненные регистры, не более одного на купца, или же просто отдельные листы — в лучшем случае жалкий десяток случайно найденных бумаг, сильно поврежденных, с выцветшими чернилами, почти нечитаемых, которые использовались как обложки при переплетении книг. К тому же, и это самое главное, техника ведения таких книг была развита слабо. Купец или ремесленник здесь записывал свои дела изо дня в день, чужие долговые обязательства вперемишку с собственными долгами, так что мы можем найти имя какого-то клиента на одной и той же странице дважды-трижды, а снова встретить только через десять-двадцать страниц. Суммы указаны то в счетных монетах, ливрах и су, то в металлических — франках или флоринах. Когда выплата производилась вся сразу, упоминание о долге вычеркивалось жирной чертой в день

выплаты; в случае нескольких выплат в рассрочку, в разные дни, все пометки о них, сделанные в те же дни, находятся на разных страницах. Записи такого рода дают мало шансов проследить за развитием какого-то дела и понять, принесло ли оно прибыль или убыток.

Счета французского короля и князей были организованы не лучше. Мы, конечно, можем найти свитки, а позже книги, регистры или тетради, выделенные для той или иной функции и для особых покупок: «ординарные» и «экстраординарные» счета, счета дома короля или дома королевы, — но всё это тоже не более чем списки расходов, записанных в том порядке, в каком их передали ответственному писцу. Всё перемешано, и если кто-то хочет изучить заказы какому-либо поставщику двора или художнику, он вынужден пролистывать десятки страниц, переходить из одного года в другой и отмечать каждое поступление, чтобы собрать всё вместе. Выяснить, что Людовик XI не был, как еще утверждают авторы якобы исторических книг или постановщики документальной фантастики, королем-буржуа, одетым в неброское темное сукно, а, напротив, очень любил пышность и одеяния из красного и розового шелка, удастся, лишь заставив себя произвести эти скучноватые раскопки.

Французским дельцам такая форма ведения книг позволяла надежно скрывать доход от нескромных глаз, а именно от королевских налоговых сборщиков. Жан Дове, генеральный прокурор парижского парламента, получивший задание конфисковать имущество Жака Кёра и тем самым погасить его долги, задание, которое с июня 1453 г. по июль 1457 г. гоняло его по всем дорогам королевства, непрестанно сетовал на людей, ловко «обманивающих» короля. Он нашел только ворох бумаг, вынудивший его ломать над ними голову часами, и счета, вроде счёта одного руанского бюргера, — «пространные, многословные и на удивление путаные... которые мы приказали ему сократить, показав форму и порядок, каких он должен придерживаться». И далее: «Поскольку

счет Бальзарена [оружейника, торговавшего за счет Жака Кёра] написан не в хорошем порядке и не хорошим языком, я велел ему переписать его в хорошем порядке и хорошим языком и выделить как долги, так и выручку, а также продажи и приобретения, и чтобы он изложил мне это так коротко, как только сможет»¹.

В Италии денежными воротилами, финансистами и банкирами, желавшими, чтобы в любой момент можно было проконтролировать перевод денег со счета одного клиента на счет другого, была создана более совершенная техника бухгалтерии. В 1458 г. Бенедетто Котрульи² в своей книге «О торговле» писал: «Перо — столь благородный и столь превосходный инструмент, что купцу оно абсолютно необходимо. И если вы встретите купца, которому перо в тягость и который не умеет им пользоваться, можете сказать, что это не настоящий купец. Ни один купец не должен держать своих дел в голове, если только он не царь Кир, который мог называть по именам всех солдат своей огромной армии, а также не Луций Сципион Римлянин и не Киней, посланник Пирра, который на следующий день после приезда в Рим приветствовал каждого члена Сената по имени. Для нас это стало невозможно, и мы должны делать записи. Это не только помогает нам помнить все сделки, это еще и средство от многочисленных тяжб, ссор и скандалов. И это также формирует грамотных людей, написанное которыми переживет тысячелетия. Записи позволяют нам помнить все действия какого-либо человека, то, что мы ему должны, то, что он должен нам, а также цены на товары, прибыли, убытки и все дела, от которых зависит купец.

¹ *Dauvet J. Les affaires de Jacques Coeur: journal du procureur Dauvet: procès-verbaux de séquestre et d'adjudication / éd. par M. Mollat. Paris: A. Colin, 1952–1953. 2 vol. V. I. P. 117.*

² Бенедетто Котрульи, дипломат, родившийся в Пагузе в 1416 г., прожил более пятнадцати лет при дворе неаполитанского короля. Первое издание его книги датируется 1582 г. В 1990 г. ее издал Уго Туччи, а совсем недавно, в 2008 г., — издательство «Harmattan».

Так, купец должен вести три книги: реестр, журнал и ежедневник. На первой странице реестра купец должен упомянуть имя Бога, указать количество глав и количество страниц. В журнале вы воспроизведете весь капитал, раздел за разделом. Тогда вы будете способны, если пожелаете, пустить свое дело в ход и заставить свои деньги приносить прибыль. Заполнив весь реестр, вы закроете все счета, какие были открыты, подведете баланс по каждому, указав дебет и кредит, и перенесете их на последнюю страницу.

В ежедневнике вы должны вечером или утром, перед выходом из дома, записывать всё, о чем договорились на предстоящий день: расходы, покупки, продажи, выплаты, поступления, передачи, платежные поручения, обмены, обещания и все прочие дела еще до записи их в журнале. И также вам следует постоянно иметь при себе записную книжку, где вы будете день за днем, час за часом записывать подробности своих сделок, чтобы позже изложить их в реестре и журнале. Старайтесь переписывать счета в тот же день или на следующий.

Далее, у вас должно быть еще две книги: одна для дел, обсуждаемых с другими лицами, другая — чтобы копировать письма, которые вы послали, даже малозначительные. Ваш письменный стол должен быть в порядке, и на каждом полученном письме вы должны указывать имя отправителя, год и день; и каждый месяц собирайте их в пакет и помещайте его в соответствующий ящик стола.

И если купец не знает, как поступить, пусть обратится за советом или наймет знающего секретаря. Иначе ваша коммерция погрузится в хаос, станет вавилонским смешением, чего вы должны избежать, если дорожите своей честью и состоянием».

Кто бы в то время взял на себя труд следовать этим правилам, так хорошо изложенным? Автор, который сам не принадлежал к деловым кругам, не обладал большим опытом реальной работы и постижения требований времени. То, что он говорил, было адресовано кабинетным людям. Однако

он давал добрые советы: не смешивать всё вместе, завести книгу для повседневных записей, стараться подводить баланс, «указав дебет и кредит», для некоторых операций. Это позволяет предположить (но не ясно понять), что на одной странице записывали поступления от клиента или операции, а на другой, напротив, — расходы на них. Это то, что называется «двусторонней записью счетов»: с одной стороны — кредит, с другой — дебет. В любой момент можно было оценить баланс клиента или текущей операции.

Специалисты по финансовым техникам высоко оценивают другого теоретика того времени — Луку Пачоли за то, что в своей «Сумме арифметики» он изложил новый метод ведения счетов, называемый тогда «*alla veneziana*»¹, но, если разобраться, это просто способ подведения частичных балансов. Бухгалтерия, которую мы называем «методом двойной записи», — это не то же самое: каждое поступление, каждая денежная сумма записывается в книгу дважды, один раз в дебет одного счета, второй — в кредит другого счета, на другую страницу. Это дает возможность проследить за ходом каждой сделки или операции. Тот, кто продает сукно, вносит некую сумму в дебет покупателя и ту же сумму, на другой странице, в кредит счета под заголовком «шерстяные сукна», где покупки сырья, шерсти и красок, а также заработная плата ремесленников записаны в дебете. Изучение бухгалтерских книг позволяет понять, что этот новый способ их ведения широко практиковался задолго до того, как теоретики той эпохи, авторы пособий, более или менее внятно его описали.

¹ Лука Пачоли (1445–1517), тосканец, сначала работал в Венеции учителем трех детей у купца. В 1471 г. он надел рясу францисканца и стал ездить из города в город, преподавая математику. Мы ему обязаны также сочинениями «О силе чисел» (1496 г.), сборником занимательных математических загадок и задач, и «О божественной пропорции», трактатом, посвященным Лодовико Моро, герцогу Миланскому, где он рассматривает законы перспективы, вдохновляясь прежде всего произведениями Пьеро делла Франческа.

Умелое ведение книг способствовало, вне всякого сомнения, умелому руководству предприятием, контролю над активами и долгами каждого, давало возможность в любой момент подсчитать барыш от той или иной операции. Но в те времена квазиголода на золото и серебро важна была прежде всего экономия монет и драгоценных металлов за счет простого приема — перевода с одного счета на другой. В Италии и во Фландрии каждый купец или ремесленник, а в крупных финансовых центрах Тосканы, в Генуе и Венеции, даже любой частный человек вел счетную книгу, отмечая в ней дебет и кредит каждого из своих клиентов, друзей или соседей. Эти счета бесконечно подытоживали, и с помощью простого словесного указания или записки в несколько слов владелец книги мог перечислить средства со счета одного из записанных лиц на счет другого. То, что сегодня делает банк, держащий прилавок на улице, запросто совершало огромное множество частных людей во всех социальных слоях. В 1456–1460 гг. один генуэзец, не меняла, не банкир, даже не простой купец и не член какого-либо из городских цехов, использовал в своих сделках металлические монеты на сумму всего 11 700 лир, что составляло менее одной двенадцатой общей стоимости его сделок, в которые было вложено 160 000 лир. Все счета тех времен в равной мере показывают, какое значение имела подобная практика и экономия на монетном обращении, достигавшаяся таким образом. Мы также знаем, что около 1390 г. в Брюгге меняла Рювель вел таким образом 82 счета, то есть на пятнадцать-шестнадцать скамей в городе это составляло в сумме более тысячи счетов, внесенных в книги.

КАПИТАЛ И ТРУД

**Получение ростовщической прибыли
с помощью ретратты**

Ремитент переводного векселя, которому отказали в выплате указанной суммы, требовал оформления акта, называемого «протест векселя». Несостоятельный трассат должен был составить другой акт, адресованный трассанту векселя, с распоряжением выплатить деньги, которые тот ранее получил. Монетный курс во время движения этих бумаг никогда не оставался постоянным, и запрашиваемая сумма оказывалась выше той, какую передали первоначально. Разница, возникшая за время движения туда и обратно, и образовала проценты. Они никогда не были чрезмерно высокими и в мирное время оставались в интервале между 7 и 12%. Курсы, конечно, колебались, но изучение сотен операций такого рода, произведенных в разных обстоятельствах, при движении между несколькими финансовыми центрами и с разными временными интервалами, позволяет сделать вывод: пусть прибыль могла быть большей или меньшей, но в убытке человек, передававший определенную сумму в обмен на переводной вексель, никогда не оставался¹. Ретратта, осуществленная в одном направлении, при-

¹ De Roover R. L'évolution de la lettre de change: XIVe—XVIIIe siècle. Paris: Armand Colin, 1953. — Mandich G. Le pacte de *ricorsa* et le marché italien des changes au XVIIe siècle. Paris: Armand Colin, 1953.

носила столько же процентов, сколько и произведенная в обратном¹.

Чтобы различие курсов, признаваемых официально и ни разу не опротестованных, обеспечило приемлемую прибыль, надо было досконально знать монетный рынок. Возможность для этого могло дать лишь соглашение между финансистами главных европейских центров.

Практика ретратты, *contra cambium*, называемой также «*ratto di ricorso*», намного упрощалась в случае «сухого обмена», не предполагавшего ни отправок писем, ни их хождения взад-вперед. Прибыль рассчитывали по взаимному соглашению сторон с учетом разницы курсов, известной из сведений, сообщенных компаньонами или корреспондентами. Несколько позже, используя «обмен по-венециански», перестали писать письма и могли совершать несколько операций для одного и того же займа: отправка, возврат, новая отправка, еще один возврат... всё фиктивное. Такие формы ретратты, поначалу широко практиковавшиеся на

¹ Пример:

— Переводной вексель из Лондона во Флоренцию; в Лондоне указывают в векселе сумму десять фунтов, то есть ($10 \times 20 = 200$) су, или стерлингов; курс составляет 40 су за флорин; значит, во Флоренции трассат должен выплатить пять флоринов (40 су стоят 5 флоринов). Он отказывается платить и пишет в Лондон письмо на эти пять флоринов; но курс уже составляет 42 су за флорин; получается ($5 \times 42 = 210$) су, и эту сумму трассант должен выплатить тому, кто ему полгода назад дал 200 су. Прибыль — десять су за полгода (*узанс* составляет три месяца в каждом направлении), то есть 20 су в год, иначе говоря, 10% с вложенных 200 су.

— В другом направлении: во Флоренции одолжено пять флоринов; каждый стоит 42 су, что в сумме дает 210 су на английские деньги. В Лондоне получают переводной вексель на 210 су; отсылают обратно требование на эти 210 су, пересчитанные на флорины; при курсе 40 су за флорин это составляет 5,25 флоринов; прибыль ссудодателя — четверть флорина за полгода, полфлорина за год на пять флоринов ссуды, то есть тоже 10%.

ярмарках Лиона и Генуи¹, периодические назначаемых на фиксированные даты, что позволяло многократно повторять операции, не были связаны ни с какими коммерческими сделками.

Из всех купцов и «деловых людей» Италии нам лучше всех известен Франческо Датини (1335–1410) из Прато, городка под Флоренцией. Не имея наследника, он оставил свое состояние беднякам и больнице-приюту, щедро финансируя ее и потребовав только, чтобы сохранили все его архивы. Они и по сей день невредимы — комплект документов, аналога которому для средних веков нет больше нигде: 3574 счетных книги, 300 договоров о партнерстве с людьми, жившими в 46 городах Италии и 10 — Франции, 152 000 писем, из которых 11 000 имеют отношение к его семье и частной жизни. Это только книги, которые велись в Прато, и письма, полученные там: то, что писали или получали в десяти-двенадцати отделениях, или филиалах, его компании, утрачено или не собрано для комплексного изучения.

Поселившись сначала в Авиньоне, где обосновались многие флорентийские компании во время, когда там жили папы, Датини в 1382 г. вернулся в Прато и организовал там «шерстяную лавку». Он был записан в цех шерстяников, и для него распутывали, чесали или ворсовали, сновали и ткали, валяли, аппретировали и красили многочисленные ремесленники: с 1383 по 1401 г. прядильщиков или прядильщиц у него было в общей сложности 770, то есть 317 в Прато и 453, рассеянных по 95 деревням, причем некоторые жили на расстоянии двадцать пять — тридцать километров от города. Чтобы закупать шерсть в Англии, он открыл отделения в Брюгге, а чтобы продавать свое

¹ *Cassandro M.* Banca e commercio fiorentini alle fiere di Ginevra nel secolo XV// *Rivista storica svizzera*. 26, fasc. 4 (1976). P. 567–611. — *Bergier J.-F.* Lettres genevoises des Medici, 1425–1475// *Studi in memoria di Federigo Melis*. Napoli: Giannini, 1978. T. 3. P. 279–310. — *Gioffrè D.* Gênes et les foires de change de Lyon à Besançon. Paris: SEVPEN, 1960.

сукно — в Генуе, Валенсии, Барселоне и на Майорке. Несколько позже он стал компаньоном Доменико ди Камбио, менялы из Прато, но не держал скамью на городской площади, занимаясь ручным обменом, а, сидя в конторе у себя во дворце, только что построенном, ссужал под проценты путем ретратты.

Франческо Датини уже не был крупным купцом. Современники знали его как «менялу», так его и называя. Он не был, конечно, ссудодателем под залог или авантюристом, который, чтобы добиться милостей и привилегий в чужой стране, вынужден ссужать князей, рискуя всё потерять; он был скромней и осмотрительней, не особо афишировал дела, которыми занимался, и зарабатывал свои деньги на переводных векселях. Лет за пятнадцать он осуществил или организовал более пяти тысяч обменных операций. Деятельность такого рода требовала следить за курсом монет и спекулировать на колебаниях рыночных цен, для чего ему приходилось содержать обширную и частую сеть осведомителей. За один только 1364 г. он получил из Рима сведения от 63 разных корреспондентов, которые все поддаются идентификации и многие из которых, связанные с Апостолической палатой, были осведомлены достаточно хорошо, чтобы говорить о финансах и делать прогнозы. Временных агентов и комиссионеров, нанимаемых и оплачиваемых от случая к случаю, которым, несомненно, давались вполне определенные поручения, было еще больше; в целом, хотя итог подвести трудно и он грозит оказаться неполным, можно предположить, что Датини получал корреспонденцию более чем из ста разных мест.

Он сколотил себе состояние, оставив коммерцию ради обмена и ретратты, то есть ради скрытого ростовщичества; в 1407 г. его «*Libri di possessioni*» [Книги владений (*ит.*)] упоминали более сотни договоров на покупку, обмен или аренду земельных владений. В том же году в особом счете, составленном для оценки его земель и строений, было тщательно, более чем на двадцати листах с обеих сторон,

описано 25 домов и девять *casette* [домиков (*um.*)] в Прато, а также 46 земель, имений, ферм в окрестностях. Его шедевром был его дворец; он потратил более сорока лет на то, чтобы собрать и скупить клочки земли, выбрать подрядчиков и заключить с ними договоры, нанять, платя золотом, лучших флорентийских художников. В 1383 г. он писал авиньонскому компаньону: «Я так занят этой постройкой, что ни днем, ни ночью не думаю больше ни о чем». Завершенный в 1407 г. и описываемый как «большой раскрашенный дом с лоджией, двором и колодцами», оцениваемый вместе со вспомогательными постройками, канцеляриями, складами, лавками и конюшнями в 1000 флоринов, этот дворец мог соперничать с дворцами великих семей флорентийской аристократии. Датини почтили, погостив у него, Франческо Гонзага — властитель Мантуи, Леонардо Дандоло — венецианский посол, а в 1410 г. — Людовик II Анжуйский, возглавлявший армию, которая шла завоевывать Неаполь.

Его письма и счета детально воспроизводят процессы покупки им произведений искусства, показывают отношения между покупателем, купцом, который держит лавку, и художником. В январе 1383 г. Никколо ди Буоно, торговец картинами во Флоренции, четыре раза писал ему, сообщая об отправке заказов¹. В том же году Датини обратился напрямую к художнику Аньоло Гадди², который ответил: «Вы передали мне, что вам угодно иметь два образа — Мадонны и святого Иоанна. Могу порекомендовать здесь художника, который вам хорошо послужит. Он запросит самое меньшее двадцать пять флоринов. Можете поискать также в Пистойе. Там есть шорник, который не смог поселиться во Флоренции. Вы можете с ним увидеться. В Пистойе еще есть некий

¹ Таким образом: «Вы пока не можете получить свою картину, потому что мы еще торгуемся; но приготовьтесь прислать повозку», или: «Мы купили изображение Мадонны; оно стоит три золотых флорина; вам понравится; сообщите, как его отправить».

² Аньоло Гадди (1350–1396) писал фрески в церкви Санта-Кроче. В 1392 г. Датини нанял его для росписи стен своего дворца.

Джованни, живописец и резчик образов. Думаю, там вам помогут лучше, чем где-либо еще».

Его компаньон Доменико ди Камбио в декабре 1390 г. пишет, что позаботился выбрать для него людей и договориться о ценах: «Вы мне сказали, что желаете, чтобы я заказал маленькую картину с изображением Господа Нашего, но не сказали, угодно ли вам, чтобы Он был изображен на кресте или иначе. Вы велели мне также обратиться к мессеру Санпулари. Но в настоящее время его нет во Флоренции, и невозможно выяснить, где он. Я заказал себе в Авиньоне несколько картин, одна изображает Господа Нашего на кресте с Мадонной и святым Иоанном, другая — сидящую Мадонну с Младенцем на руках, обе на фоне из чистого золота. Они обошлись мне в три с половиной флорина. Ранее я находил художников, желавших получить за это пять-шесть флоринов. Если образы вам понравятся, я могу обратиться к нему за картиной для вас и спрошу, что он предлагает и сколько запрашивает».

* * *

Медици купцами не были. Их не интересовала международная торговля. Ни в их книгах, ни в письмах нет ни одного упоминания о фрахте судна, которое бы направлялось во Фландрию и Англию или на Восток. Компаньоны и торговые представители пишут только об очень своеобразных товарах, рассчитанных исключительно на удовлетворение запросов князей: произведения искусства, таких, как ковры и изделия из драгоценных металлов, древних рукописях, конях для двора, парадов и скачек. Доходы приносил только обмен, а именно денежные займы. Козимо и его компаньоны обращались ко все новым корреспондентам, требуя сведений о курсе монет и тенденциях его изменения во всех финансовых центрах Запада. Одно-единственное письмо, присланное им в 1456 г. из Генуи, оповестило их о стоимости генуэзского дуката в монетах Венеции, Рима, Флоренции, Авиньона, Барселоны, Валенсии, Севильи,

Лондона и Брюгге. Филиалы компании в Риме, Пизе, Сиене, Венеции, Валенсии, Авиньоне, Париже, потом в Женеве, в Лондоне и даже головное учреждение во Флоренции не называли иным словом, кроме *tavola* [стол (*ит.*)], которое уже вышло из моды, но напоминало о временах, когда они держали меняльную скамью на городской площади. Это же слово использовали и компаньоны — Портинари, Сассетти, Торнабуони, основатели или высокопоставленные служащие других компаний. Ретратта производилась напрямую, без привлечения маклеров или посредников, и всё зиждилось на кредите — на добром имени участников сделок, чьи письма, написанные собственноручно, ими же и подписывались. Чтобы иметь возможность в этом удостовериться, Козимо и его компаньоны бережно хранили образцы почерка 57 постоянных корреспондентов, живущих в семнадцати финансовых центрах Запада.

Ростовщичество и ссуды веками обеспечивали успех и богатство династии. Несколько попыток вложить капиталы в крупную коммерцию повлекли за собой ее разорение. Лоренцо по прозвищу Великолепный неосмотрительно, не зная ничего о приемах и опасностях этих ремесел, влез в торговые авантюры, монополии и спекуляции. Он стал разрабатывать железные рудники острова Эльбы, получил от папы монополию на торговлю квасцами на всем христианском Западе, взял в аренду торговые галеры флорентийской синьории, а потом оснастил собственные галеры. Всё потерпело крах. Филиалы один за другим объявили себя банкротами, и о компании Медичи больше не было речи.

Датини разбогател, бросив торговлю товарами ради ретратты и ростовщичества. Медичи, бывшие ростовщиками больше века, обанкротились, оставив ростовщичество ради большой коммерции. Они вновь накопили большое состояние, только прибегнув к властному ресурсу, установив нечто вроде умеренной тирании, и после этого изменили образ жизни, прежде очень скрытный.

* * *

В Генуе зарабатывать деньги ретраттой мог кто угодно, любой частный человек, — достаточно было договориться с корреспондентом, живущим в каком-то городе за границей, чтобы обмениваться векселями. Эта практика здесь утвердилась как единственная приличная форма процентных займов, и с тех пор менялы и их ссудные столы сделались здесь не столь полезными и не столь многочисленными. Нормальный кредит стал делом тех, кого мы обыкновенно называем негоциантами или купцами. Деловые люди прибегали к займам посредством ретратты чаще и брали более значительные суммы, чем в любом другом финансовом или торговом центре Италии. Среди первых семей, кто стал торговать с Востоком, были Пиккамильо, добившиеся, чтобы их признали аристократией этого города. В 1156 г. один из них получил право построить перед домом портик, что уже было заведомым признаком известности. С веками их род стал достаточно могуч, чтобы образовать клан, *альберго*, носящий их фамилию. Их дворцы располагались в одном и том же квартале, вокруг маленькой площади, недалеко от мест жительства других кланов высшей знати. Но в 1456–1460 гг., во времена, когда один из них, Джованни, вел единственную счетную книгу, дошедшую до нас¹, они уже были не очень многочисленны и в политическом плане не занимали в городе важного места. Реестр налогов, взимавшихся с земельных

¹ О ретратте часто упоминают нотариальные акты, постановления муниципального совета, приговоры купеческого суда и многие частные договоры. Но проследить за операциями отдельного банкира архивы Генуи дают мало возможностей. Совсем не то что в архивах крупных городов Тосканы, где тщательно сберегли счетные книги. В Генуе такие книги хранятся в частных архивах, где они недоступны и, несомненно, плохо изучены. Книга Пиккамильо случайно обнаружилась в «Archivio di Stato», потому что ее по ошибке поставили в фонды «габели». Heers J. Le livre de comptes de Giovanni Piccamiglio, homme d'affaires génois: 1456–1459. Paris: SEVPEN, 1959. [Publications de la faculté des lettres d'Aix-en-Provence.]

владений, причислял их к *nobili*, но упоминал всего десяток семей с этой фамилией, притом что фамилию Дориа носило 105 семей, а Спинола — 140. У них было всего девять дворцов, обложенных налогом, три из которых оценивались в 500 лир — не слишком много, если принять во внимание, что в городе было зарегистрировано 413 дворцов, владельцы которых платили такой налог.

Однако в 1437 г. они еще возвели высокую укрепленную башню, увенчанную зубцами, и Джованни не был чужим ни для знати из старинного рода, владельцев ленов на Лигурийской Ривьере, ни для могущественного феодального семейства из Лигурии, ни для видных деловых людей города, заправлявших финансами и международной торговлей. Он женился на девушке из рода Фьески, и ради снабжения семьи его слуга занялся торговлей в Савиньоно, селении в лене Фьески. Там у него был дом, где он вместе с домохозяевами укрылся летом 1458 г. во время эпидемии чумы. Его сестра вышла за Федерико Чентурионе, который вместе с его братом Томмазо Пиккамильо руководил компанией, вошедшей в союз с Медичи и считавшейся ведущей в операциях с драгоценными металлами и монетами.

В ранней молодости Джованни бросался в торговые авантюры на восточных землях — на Хиосе, откуда в 1445 г. отгружал сахар, шелк и квасцы, потом, через несколько лет, в Пере, генуэзской колонии в Константинополе, где провел более полугода. Вернувшись в 1452 г. в Геную, он там поселился окончательно и всего через два года был назначен членом Совета старейшин — главного института всего города. В 1459 г., когда он закончил данную книгу, чтобы начать следующую, он вошел в число протекторов «Дома святого Георгия»¹, руководившего выплатой государственного долга, а в 1469 г. он уже член узкого комитета — Совета сорока, финансового совета, составленного из экспертов, которые,

¹ В наших книгах пишут «Банк святого Георгия», но генуэзцы ни в ту эпоху, ни позже, как и поныне, не использовали другого слова, кроме *Casa*. Об этом учреждении см. ниже, со с. 300???

занимая эту должность по несколько лет, направляли и контролировали политику этого «Дома». В том же году он записался в цех менял и основал компанию под названием «Пиккамильо и компания».

Обычно торговые или финансовые общества вели по несколько книг: коммерческих сделок, розничной продажи, клиентских вкладов, обмена и бухгалтерскую книгу всего предприятия. Чтобы оценить все эти разные виды деятельности, надо сопоставлять многие сведения, что порой нелегко, и социальный облик составителя книги остается довольно нечетким, несмотря на данные о его повседневной жизни и домашних расходах. У Пиккамильо, несомненно, была записная книжка, *manuale*, но он переносил все сведения в эту единственную книгу, насчитывающую сто двадцать листов, — о коммерции, финансовых операциях, обмене, покупках и продажах для дома. Бухгалтерская техника методом двойной записи освоена безукоризненно, почерк образцовый, без помарок и злоупотребления сокращениями. Читатель ориентируется здесь без труда, может проследить за каждой операцией в малейших деталях или переменах и формирует для себя представление о деловом человеке, гражданине и отце семейства.

У Джованни было пять детей: три дочери и два маленьких сына. Он имел двух рабов, нанимал приказчика и для обоих маленьких сыновей — двух кормилиц, которые происходили из горного селения, но жили в доме. Он взял на себя содержание сестры и тещи, следил за ведением их счетов и помогал им деньгами. У него было три брата: Грегорио, самый младший, занимался продажами и покупками на Хиосе и в Испании, Никколо постоянно жил на Востоке, а Томмазо, негоциант, обосновался в Валенсии.

У него не было ни большого дворца в городе, ни красивой виллы в прекрасных предместьях Генуи. Семья жила в доме, оцененном налоговыми агентами всего в 210 лир, без особых украшений, в сердце очень населенного района, среди узких улочек, на границе с народными кварталами,

недалеко от порта и от ворот, выходящих на Савонскую дорогу. Он с удовольствием уезжал оттуда — он купил виноградник, а потом, за солидную сумму в 640 лир, имение с большим домом, садами, виноградниками и землями в предместье Сан-Пьер-д'Арена, километрах в четырех от города, если ехать через тот же порт, имение на склонах холмов, возвышающихся над корабельными верфями. Кроме этих двух жилищ, одного для дел, другого — прибежища на летние месяцы, четверо братьев владели также несколькими домами и лавками близ порта, где квартирная и арендная плата была самой высокой и обеспечивала им немалую часть доходов. Реестры *gabella possessionum* [налога на владения (*лат.*)] упоминают также три дома, образующих единое целое (инсулу), на улочке, ведущей к портовому молу, а также лавку и антресоль под *ripe* [краями обрыва (*ит.*)] — большие аркады, выстроившиеся вдоль набережных, под которыми устраивались торговцы канатами и парусиной.

Этот генуэзец, несколько лет как переставший плавать по морю и искать удачу в торговле на далеких рынках, еще умел для пропитания семьи использовать приказчиков и маклеров, чтобы не ходить на городской рынок и не стать жертвой недородов и спекулянтов. Зерно, из которого пекли его хлеб, поступало с Корсики, из Прованса, из Ломбардии, с Сицилии, из Испании и из Северной Африки. Одному шкиперу судна, готового отплыть в *Барбарию*, он передал серебряное блюдо «для хлебного маклера». Солонина и сыр тоже привозились с Корсики или Сардинии. Для одежды, которую кроили и шили дома, подбивая кожей или мехом, он заказывал в Англии сукна ярких цветов, самые дорогие. Дешевые ткани, хлопчатобумажные и бумазейные, поступали из Ломбардии. Лен был из Пьемонта, но простыни и скатерти ткали женщины у него в доме. Привыкший жить на широкую ногу, он не считался с ценами, если речь шла о том, чтобы выглядеть в соответствии со своим положением и сохранять его. Об этом свидетельствуют, в частности, потребление

вина в большом количестве, 3000 лир приданого дочери — столько обычно платила лишь высшая аристократия, и 620 лир, потраченных на столовое белье и свадебный пир.

За три года¹ он осуществил всего четыре торговых операции: отправка бумаги и золотого порошка на Восток, хидосского лака в Геную, гранадского шелка и кастильской монеты в Савону и перца, купленного в Женеве, — в Геную. Он также закупил в Ломбардии вайду, но не записал, что с ней сделал. В целом это обернулось убытком в сорок лир. Этот человек, наследовавший отцу и обоим дядьям, все трое — купцы, лет тридцать своей жизни торговавший в обеих больших факториях Генуэзской *Романии* на Востоке, теперь жил, и жил хорошо, за счет инвестиций, ростовщичества и спекуляции.

Его состояние не переставало расти, не покидая города Генуи, за счет денежных займов в форме ретратты и за счет монетной спекуляции, дававших более девяти десятых прироста. Так, для 1456–1460 гг.:

	лир
Доходы от земельных владений (сдача в аренду).....	320
Инвестиции в компании.....	270
Торговые операции.....	-40
Спекуляции (на ценных бумагах государственного долга).....	1130
Обмен и ретратта.....	2700

¹ Книга охватывает почти три с половиной года, но из этого срока следует вычесть семь месяцев, на которые Пиккамильо покинул Геную, спасаясь от чумы.

Он не держал скамью на генуэзской пьядца деи Банки, не ссужал под залог и не накапливал груды тряпья и домашней утвари в задней комнате дома, но сумма задолженностей перед ним в 1456 г. превышала 2300 лир.

К тому же, и прежде всего, он широко практиковал ретратту, принесшую ему прибыль в 2700 лир — более 60% его доходов. За два с половиной года он перевел 84 векселя на своего корреспондента в Лондоне, 28 — на корреспондента в Севилье и 12 — в Брюгге. Это были займы, в сумме составившие 40 тыс. лир кредита, к которым следует добавить векселя, переведенные из Валенсии его братом Томмазо почти на такую же сумму. Их цифры позволяют оценить важность этих операций для человека, не называвшего себя ни менялой, ни ссудодателем. Затраты сводились к минимуму. Векселя даже не высылались, и происходил простой документооборот: корреспондент посылал записку с указанием текущего курса. Получив ее, Пиккамильо узнавал, сколько должен получить с должника, который беспрекословно подчинялся, платил наличными или соглашался, чтобы эта сумма была занесена на его дебет в счетной книге. Как и все, кто практиковал ретратту, наш герой выбрал финансовые центры, достаточно удаленные от Генуи, чтобы деньги ссужались на довольно долгое время: *узанс* для Лондона составлял два месяца, для Брюгге и Севильи — полтора, что давало соответственно сроки платежа в четыре и три месяца. Как всегда при подобной практике, кредитор мог выгадать больше или меньше, но никогда не оставался в убытке. В эти 1456–1460 гг. Генуя пережила мрачные времена, несомненно, самые трудные за весь век, времена мятежей и кровавых конфликтов между двумя семьями, боровшимися за власть, пока не прибыл наместник, которого назначил король Франции. Город долго терзала чума, прерывая морские перевозки на долгие месяцы. Англичане в отместку за захват трех кораблей в Средиземном море заключили в тюрьму генуэзских негоциантов в Лондоне и конфисковали их имущество.

В Генуе дож и старейшины обсуждали вопрос, не следует ли вообще прекратить всякую торговлю с Англией, ограничившись заходами в порты Фландрии. Однако если страдала крупная коммерция, если торговые компании теряли деньги и объявляли о банкротстве, финансовый рынок урона не претерпел. Обменные курсы генуэзского дуката и английского стерлинга колебались, но оставались достаточно разными в том и другом местах, чтобы обеспечить кредитору хороший доход. Эта прибыль варьировалась, но для 124 переводных векселей, выписанных за три года, неизменно составляла 13–15% и не меньше.

Крупный капитализм и народный капитализм

Всего лет двадцать тому назад в главе учебника по истории экономики, посвященной средним векам, было бы бесполезно искать малейший намек на формы капиталистических инвестиций в дела. Тем не менее качественных работ на эту тему хватало, и некоторые даже были написаны несколько десятков лет назад. Диссертации, статьи и разъяснения, основанные на скрупулезных научных изысканиях, могли бы дать понять, что не только в Италии, но и во Франции, в Германии, в Англии и на всем христианском Западе торговые и финансовые компании занимались самой разнообразной деятельностью, деля свой капитал на части, в том числе и очень небольшие, курс которых обыкновенно устанавливался и уточнялся на обычном рынке ценных бумаг. Но существовала договоренность не принимать эти работы во внимание.

Авторы книг, предназначенных для широкой публики, заняли странную позицию: чтобы не опрокинуть устоявшихся представлений, они не желали учитывать работы других и сознательно игнорировали труды тех, кто вел поиск. Но удивляться этому можно, только если не знать, с каким талантом и упорством некоторые школы диктуют всем остальным, что можно говорить и чего нельзя. Еще

у Мольера ученая девица говорила: «Мы станем всех судить по нашим же законам, / Все подчинятся нам: прозаик иль поэт — / Раз он не наш, то в нем ума, конечно, нет. / Мы ко всему всегда найдем предлог придратся, / Чтоб мы одни могли талантами считаться»¹. Наши самозванные цензоры были не столь нелепы, но говорили намного громче и, чтобы создать вокруг себя пустоту, внушали свои мнения бесконечно более широкой аудитории, чем кружок Триссотена. Уже более века как наследники Вернера Зомбарта и Макса Вебера, марксисты или сочувствующие, хорошо настроенные резонаторы, постановили, что капитализм, совершенно неведомый в темные времена, когда церковь запрещала процентные займы, испытал настоящий подъем только в XVI в., когда расцвело также всё, характерное для Нового времени и Возрождения. Их сменила так называемая школа «Анналов», возникшая на базе одного журнала («Анналы экономической и социальной истории»), который в 1929 г. основали Марк Блок и Люсьен Февр². Их ученики, которым было далеко до них, установили настоящую интеллектуальную тиранию, настолько навязывая свои законы, что требовали сначала выбирать темы³ и только потом предпринимать историческое исследование, и даже утверждали: «Кто заранее не знает, чего ищет, не понимает

¹ *Мольер*. Ученые женщины. Действие третье, явление второе / Пер. М. М. Тумповской. Редактор этого издания уточняет в примечании: «Обыкновение всех узких кружков» — лучше не скажешь.

² Которой мы обязаны, о чем нельзя забывать, несколькими примечательными работами — такими, как «Характерные черты французской аграрной истории» Марка Блока (1931) и «Земля и человеческая эволюция» (1922) и «Проблема неверия в XVI в.: религия Рабле» (1947) Люсьена Февра.

³ Такой подход, к несчастью, в последнее время снова входит в моду: CNRS (Национальный центр научных исследований) соглашается поддерживать только исследователей, представивших сформулированные программы, а министерство университетов, действуя еще более решительно, предоставляет сертификат (а значит, кредиты и право присуждать докторскую степень) только признанным «группам», разрабатывающим определенные темы.

того, что он находит»¹. Эта Школа отдавала предпочтении истории экономики (это был ее выбор, несомненно, уместный после стольких исследований, посвященных исключительно политическим институтам). Под ферулой «Анналов» появилось немало хороших работ, обогативших наши знания о состоянии рынков и доходов, финансовых и бухгалтерских техник, торговых перевозок. Изучили даже торговые компании Тосканы, и маленькая книга Армандо Сапори «Итальянский купец в средние века», почти исчерпывающий каталог изданных работ, опубликованная в серии под патронатом Школы, встретила хороший прием. В то же время фундаментальный труд Аминторе Фанфани «Истоки капитализма в средние века» был совершенно проигнорирован.

Обойти молчанием Барди и Альберти или Фрескобальди² из Флоренции было невозможно. Говорить о них не казалось неуместным, потому что было известно, что участники этих компаний, все родственники, вкладывали в дело собственные капиталы, не обращаясь к другим. Но умалчивалось о том, что все эти «крупные купцы» потерпели крах в то самое время, когда успех и богатство обретали акционерные общества, включавшие большое количество участников, а еще больше преуспевали те, кто, отринув большую коммерцию, предпочли обмен и ретратту, иначе говоря, скрытое ростовщичество.

¹ Эту разновидность тирании пресек Фернан Бродель, который установил реальную свободу и сильно разнообразил темы исследования, подавая личный пример.

² Они хорошо известны благодаря книгам Ива Ренуара, который, конечно, не принадлежал к Школе: *Renouard Y. Les relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378*. Paris: E. de Boccard, 1941. — *Renouard Y. Recherches sur les Compagnies commerciales et bancaires utilisées par les papes d'Avignon avant le Grand Schisme*. Paris: Presses universitaires de France, 1942, а также обзорной работе по всем городам Италии: *Renouard Y. Les hommes d'affaires italiens du Moyen Age*. 2e éd. Paris: Armand Colin, 1968.

Торговые компании Тосканы

Тосканская компания обычно носила название по фамилии семьи. По-другому ее не называли. Успех обеспечивал ей состояние и поддерживал кредит всего рода, вплоть до дальних родственников. Неблагоразумное ведение дел или неблагоприятные изменения конъюнктуры дискредитировали их всех в обществе и вели к денежным потерям. Она не включала в свой состав иностранных компаньонов и не принимала капиталов ни от кого, кроме как от родственников. Последние связывали свою судьбу с состоянием компании. Они уже не имели права выбора и официально брали на себя обязательство не заниматься другими делами и не вкладывать деньги никуда, кроме компании.

Они не получали других доходов, кроме тех, которые давало совместное хозяйствование, и не могли узнать их сумму прежде, чем их сообща подсчитают:

«Я, Джотто, сын покойного Арнольдо деи Перуцци, вместе с другими компаньонами, бывшими во Флоренции на ноябрьские календы 1319 г., подсчитал прибыль, которая была получена компанией с ноябрьских календ 1312 г., когда она компания начала действовать, до ноябрьских календ 1319 г. Мы находим, что могло быть получено 118 тыс. фунтов флоринов за вычетом некоторых убытков, денежных расходов, каковые еще предстоит произвести, с другой стороны, для выплаты жалованья служащим, как явствует из секретной книги компании. И тем не менее полный подсчет произвести нельзя, так как невозможно вывести в сальдо ни счет, который на Родосе вел Руджьеро Лотери с январских календ 1314 г. до октябрьских календ 1318 г., ни счет, какой мы составили с мессером Леонардо Тиберти, приором Венеции и генеральным досмотрщиком ордена Госпиталья, и который был открыт на Провенской ярмарке в мае 1311 г. и закрыт на октябрьские календы 1317 г., ни счет, какой мы составили с мессером Фульком де Вилларе, магистром Госпиталья, по каковым счетам мы с Божьей помощью ожидаем получить крупную прибыль. Хотя оные

счета вывести в сальдо нельзя, компаньоны, бывшие во Флоренции, договорились разделить означенную прибыль меж собой и прочими отсутствующими компаньонами. Мне же, Джотто, за 11 тыс. лир, которые я вложил в компанию, причитается 11 тыс. фунтов флоринов. Каждый из компаньонов получил свою долю. Оный раздел был завершён 9 мая 1320 г.»¹

Договоры заключались на пять, шесть или семь лет. Часто вновь нанимали тех же людей или их сыновей. Поэтому на шампанских ярмарках, в Париже, Брюгге и Лондоне итальянские компании, носившие одно и то же название, присутствовали без перерывов лет сорок-пятьдесят. Флорентийские Барди продержались больше семидесяти лет.

Поначалу торговых представителей, или «управляющих» филиалами, выбирали за пределами семейной группы, из дружественных родов, чью верность хозяева обеспечивали помощью, браками или крещением детей. Они служили лет по десять-двенадцать и обучались ремеслу во Флоренции, Сиене и Лукке, прежде чем им доверяли руководство отделением. Они вкладывали небольшую долю капитала, становясь компаньонами, и брали на себя обязательство повиноваться приказам и ничего не предпринимать самостоятельно.

Вот договор найма торгового представителя для компании Салимбене, заверенный у нотариуса в Сиене:

«Я, Уго, сын покойного Уголино Джигоне, обещаю вам, Алессандро и мессер Джованни, сын покойного Салимбене, быть и оставаться для вас торговым представителем и управляющим вашими делами в течение четырех лет, начиная с ближайшего Дня всех святых.

Обязуюсь направляться, чтобы находиться там, повсюду, куда вы мне прикажете, в Тоскану и в Ломбардию, во

¹ Цит. по: *Villes d'Italie*, op. cit. P. 268–269. Поскольку фунт флоринов обычно стоил 25 сольдо, то прибыль составила 5 сольдо с лиры, то есть 25%.

Французское, Английское и Сицилийское королевство и в любое другое место, которое вы мне укажете и где пожелаете делать дела и извлекать прибыль, хорошо и выгодно управлять вашими делами сообразно закону, добросовестно и без мошенничества, иметь под надзором и хранением то из вашего имущества и достояния, что попадет мне в руки и что передадите мне вы или иное лицо от вашего имени, будь то золото или серебро, нотариально удостоверенные акты, книги и письма и любая другая вещь. Я буду вручать и передавать вам, или кому-либо из ваших людей, или кому вы пожелаете, указав и предписав мне это в письменном виде, верные и точные отчеты обо всем, чем я буду управлять, и обо всем вашем имуществе, которое будет передано мне в руки. Я не похищу, не утаю и не удержу из него ничего, помимо жалованья, которое вы мне обещали.

Обещаю вам, что, доколе буду вашим торговым представителем, никогда не буду играть в кости на залог или на деньги и никогда не возьмю ни с одной замужней женщиной, девицей или монахиней и не потрачу ничего из вашего достояния на свои нужды.

Кроме того, обещаю вам не создавать и не заключать никакого союза с кем-либо без вашего разрешения и против вашей воли.

Признаю и утверждаю, что не вложил в вашу компанию или в другую никакой денежной суммы, кроме своего жалованья, которое вы мне обещали.

Принимаю на себя эти обязательства перед вами, потому что вы обещали мне в качестве жалованья за четыре года службы выдать 450 фунтов сиенских денаро.

Клянусь на Господних святых Евангелиях, возложив руку на Писание, добровольно соблюдать всё вышеизложенное и отнюдь не нарушать и не преступать этой клятвы»¹.

¹ Saponi A. Studi di storia economica: secoli 13.-14.-15. Firenze: Sansoni, 1955-1967. V. 2. P. 762-763. Цит. по: *Villes d'Italie*, op. cit. P. 207-208.

Филиалы, или отделения, были простыми канцеляриями с самой скудной обстановкой: ни магазинов, ни складов, только скамья и два-три письменных стола. Ни у одной тосканской или ломбардской компании не было на службе больше 80–90 служащих, и половина находилась в самой Флоренции. В Лондоне, Брюгге, Авиньоне и Париже их было самое большое по трое-четверо... Хозяева решали всё сами, непрестанно посылая письма, директивы и призывы к порядку, а чтобы верней обеспечить себе верность подчиненных, не оставляли их на одном месте достаточно долго, чтобы те не завязали связей, какие могли бы их побудить попытаться действовать самостоятельно: время от времени их на определенный срок отзывали во Флоренцию, чтобы они учились еще лучше работать на хозяев.

Быстро прославив процветающими, управляемые так строго, что внушали уважение и признавались образцовыми, эти торговые компании принимали вклады, значительно увеличивавшие их капитал. Обиццо д'Эсте, герцог Феррарский, в 1276 г. вложил 15 тыс. флоринов во флорентийскую компанию Пацци, немного позже такую же сумму — к Моцци, а потом, в 1300 г., распределил более 40 тыс. между десятком компаний, в число которых входили Черки и Барди. Компании платили проценты, обычно 10%, но сами счета не блокировались, и компании использовали деньги с них, чтобы ссужать другим. Негоцианты, ставшие финансистами, они давали большие авансы коммунам, королям, князьям и вельможам. Взамен они, как ломбардские ростовщики, получали фискальные привилегии и право взимать некоторые налоги. Во время конфликта между гвельфами и гибеллинами папа поспешил разорить враждебные ему компании, запретив должникам платить им долги. Он уступил сбор десятин и переводы денег в Рим компаниям, которые поддерживали его союзников, — двум флорентийским, одной сиенской и одной луккской.

Часто это бывали безвозвратные займы: князь, казна которого опустела, использовал любой предлог, чтобы не

гасить свой долг. В 1297 г., когда торговые представители луккской компании Риччарди в Лондоне выражали отчаяние, жаловались и просили о помощи, хозяева уверяли их, что рады бы помочь, но сами находятся в таком состоянии, что не могут найти родственника, друга или сеньора, чтобы помог им. У них в кассе больше ничего нет, и, писали они, «желая погасить долг продажей нашего добра, прекраснейшего и лучшего, какое у нас только есть, мы не находим никого, кто дал бы нам деньги, и не можем уйти, не заплатив, а заплатить мы не можем ни целиком, ни частично».

Английский король предоставил семье Фрескобальди право взимать «большую кутюму» в Бордо. Но через несколько лет Америго Фрескобальди, когда его компания оказалась на грани банкротства, написал королю, чтобы напомнить о потерях, понесенных на королевской службе, и в понятном отчаянии перечислил свои горести и утраты: «Мы, купцы, смиренно просим вас, чтобы вы сообразовали оберечь их от всех этих убытков, и вы бы обрели за это благодарность и почести, а они были спасены. Из-за большого денежного займа мы потеряли доход от торговли товаром почти за десять лет. Ведь все это время мы держали и оплачивали в Англии нескольких представителей, не имевших иного дела, кроме как заниматься этими займами короне (три тысячи фунтов). Ведь эти денежные суммы выдавались вам в Англии, Фландрии, Франции и в римской курии — в странах и городах, где деньги дороги, и ведь вы позволили нам взамен собрать десять тысяч фунтов в Ирландии, а это такая страна, как вам хорошо известно, что мы сумели выручить то, что имели прежде, лишь не без больших издержек и испытав большие опасности»¹.

¹ *Del Punta I. Il fallimento della compagnia Ricciardi alla fine del secolo XIII: un caso esemplare? // Archivio storico italiano. 160 (2002). P. 221–268. — Saponi A. La Compagnia dei Frescobaldi in Inghilterra. Firenze: L. S. Olschki, 1947. — Jordan É. La faillite des Buonsignori // Mélanges Paul Fabre: études d'histoire du Moyen Âge. Paris: A. Picard et fils, 1902. P. 418–432.*

Из-за краха двух компаний — Барди, у которых английский король занял 900 тыс. флоринов на войну с Францией, и Перуцци, кредитовавших этого короля на 600 тыс. флоринов и короля Сицилии на 100 тыс., — Флоренция в 1345–1347 гг. пережила «великое бедствие и поражение, подобного которому никогда ранее не знала коммуна»¹. Барди, неспособные добиться выплаты этих долгов, чтобы погасить свои, и столкнувшиеся с требованием вернуть хранившиеся у них вклады в сумме более 500 тыс. флоринов, своим банкротством вызвали крах восьми-девяти больших компаний, еще нескольких менее значительных, а также многочисленных ремесленников, которым не заплатили за работу. И Джованни Виллани в своей хронике восклицает: «О проклятая и алчная волчица, преисполненная порочного корыстолюбия, которое воцарилось в душах наших ослепленных и потерявших рассудок граждан, отдающих свое и чужое имущество во власть сильных мира сего в надежде на обогащение! Из-за этого наша республика лишилась всякого влияния, а граждане остались без средств к существованию, за исключением разве кое-кого из ремесленников и ростовщиков, своим лихоимством отбиравших последние крохи у жителей города и его окрестностей»².

Морские перевозки и народный капитализм

Чтобы получить гораздо более яркое представление о формах этого торжествующего капитализма последних веков средневековья, надо изучить и описать финансовые компании, никогда не называвшиеся по фамилии семьи, неизбежно анонимные³, собиравшие капиталы огромного

¹ Джованни Виллани. Новая хроника, или История Флоренции / Пер. М. А. Юсима. М.: Наука, 1997. С. 438.

² Там же. С. 438–439.

³ Во французском языке «анонимное общество» — синоним «акционерного общества» (прим. перев.).

количества участников, незнакомых меж собой и принадлежавших к самым разным социальным средам, вплоть до самых скромных, до мелких торговцев и ремесленников, до замужних женщин и вдов. Познакомиться с картиной экономической деятельности, где в сделках участвует намного больше людей. Разнообразие и дробление были столь велики, что можно прочесть несколько сот договоров и не встретить имени ни одного «крупного купца» или финансиста, который бы господствовал на рынке, как деловые люди торговых городов материка.

В Венеции и в Генуе перевозками на Восток, до самого Азовского моря в глубине Черного, или во Фландрию и Англию занимались не крупные компании, а бесчисленные ассоциации — *коллеганцы* или *комменды*, состоявшие всего из двух человек. Они формировались от случая к случаю, на одно плавание; прибыль подсчитывали по возвращении. Три четверти ее отходили тому, кто давал капитал, а четверть полагалась за труд — купцу-путешественнику, ездившему продавать товар на далеком рынке. Последний, прежде чем отчалить, создавал немалое число таких эфемерных ассоциаций, иногда до двадцати-тридцати для одной поездки, собирая тем самым капитал в шесть-десять раз больше собственного.

Поскольку тяжелые нефы вмещали до шестисот-семисот тонн грузов, принадлежавших немалому числу негоциантов, для любой дальней экспедиции надо было собрать капиталы нескольких сот вкладчиков, которые не имели ничего общего меж собой и каждый из которых заключал отдельный договор, преследуя свои цели. Такая практика позволяла небогатому купцу предпринять коммерческую авантюру, не располагая лично большой суммой денег, а другим людям, намного более бедным, чем он, неспособным куда-либо ехать и ничего не знавшим о рыночной ситуации, принять участие в дальних морских перевозках, рискнув всего несколькими лирами. Легко вообразить, что большой грузооборот, приносивший городу известность

и богатство, финансировало огромное количество горожан. В 1425–1430 гг. грузы нефов, ходивших из Генуи в Англию и Фландрию, стоили от 60 тыс. до 75 тыс. дукатов и принадлежали 50–70 купцам; на *комменды* тогда подписывалось 160–180 вкладчиков. Среди этих лиц, дававших деньги, «капиталистов», числились (нотариально заверенные документы не оставляют на этот счет никаких сомнений) ремесленники и лавочники, в частности, ткачи парусов и канатчики, а также очень многочисленные вдовы, находившие в этом бесчисленные возможности заставить свои скромные средства приносить прибыль¹. Полная противоположность окостеневшей экономике, использующей труд поденщиков, и, хоть это должно шокировать тех, кто упорно держится за клише и лозунги «классовой борьбы», картина настоящего народного капитализма².

О том, чтобы избегать морских рисков, должен был заботиться сам судовладелец или шкипер, а в отношении грузов — негоцианты. В Италии, как, впрочем, и в Европе неизвестны финансовые компании, которые бы в то время специализировались на страховании. Купцы и шкиперы судов обращались к менялам, а в больших портах Средиземноморья, в Барселоне, Генуе и Венеции — к маклерам-специалистам по операциям такого рода, державшим столы на городской площади, недалеко от порта, рядом с фонтанами, печами для выпечки сухарей, лавками канатчиков. Фактически всякий мог застраховать себя сам.

Потребовалось много времени, чтобы такую практику признали, ведь здесь, как и при выдаче процентного займа, получали доход, не работая. В актах, нотариально заверенных в Палермо, ее явственно обнаруживают с 1350 г., но в Венеции, Барселоне и Флоренции — только с первых

¹ *Jehel G. Le rôle des femmes et du milieu familial à Gênes dans les activités commerciales au cours de la première moitié du XIIIème siècle // Revue d'histoire économique et sociale. 53 (1975). P. 193–215.*

² Эти договоры известны давно, но немногие авторы взялись изучить их воздействие на общество и показать социальный аспект этой формы капиталовложений.

лет XV в., а в Генуе — еще лет через пятьдесят. Один из способов обойти запреты состоял в том, чтобы представить страхование как заем под навигационный риск, который также называли «займом под крупную авантюру» или «под морские происшествия». Чтобы оснастить судно или заплатить экипажу, шкипер и купцы, комплектуя груз, занимали у деловых людей деньги; добавленная к проценту сумма гасилась, когда корабль благополучно возвращался в порт¹.

Негоцианты страховались на одну поездку, а шкиперы судов — на несколько месяцев или на год, причем гарантия распространялась на все направления и все сезоны. Журнал сборщиков *gabella securitatis* [страховых взносов (лат.)] в Генуе за 1485 г. дает представление о том, какую важность на финансовом рынке приобрело тогда морское страхование, которому понадобилось столько времени, чтобы войти в обычай. В городе, насчитывавшем немногим более ста тысяч жителей, за один-единственный год взнос заплатили 410 страховщиков, в том числе 40 — за договоры на срок и 370 — на одно плавание. Похоже, сумма страхового платежа не была чрезмерно велика и не изменялась в зависимости от расстояния и времени плавания, совсем наоборот. Чтобы оценить риск, принимали во внимание размер корабля, крепость его корпуса, шансы выйти невредимым из шторма или из схватки с пиратами. Барки водоизмещением в пятьдесят-сто тонн, не имевшие другой защиты, кроме экипажа из нескольких человек, подвергались большей опасности, чем тяжелые нефы с тремя палубами и двумя надстройками, возвышавшимися над водой,

¹ Boiteux L. A. La fortune de mer: le besoin de sécurité et les débuts de l'assurance maritime. Paris: SEVPEN, 1968. — Faureau R. Un contrat d'assurance maritime à La Rochelle en 1490// *Revue de la Saintonge et de l'Aunis*. 2 (1976). P. 79–92.

которым были не страшны ни море, ни разбойники¹. Для плаваний в Марсель, Арль, на Балеарские острова и на Сицилию взнос составлял от 5 до 6%. На Восток, в Константинополь, на Хиос, на Родос, в Бейрут и Египет — не больше. В одном договоре на плавание до Перы, подписанном в 1453 г., в том самом году, когда городу угрожали турки и, вполне очевидно, регулярно поступали новости о почти неотвратимой опасности, страховой платеж по-прежнему составлял 5%. За переход из Венеции или Генуи в Англию или Фландрию платили немного больше, 7–8%, но иногда явно меньше: в марте 1460 г. за плавание из Саутгемптона в Кадис, переход без заходов в порты, в открытом море, где в Бискайском заливе судно две-три недели рисковало попасть в сильный шторм, купцы заплатили всего 4%.

Страхование жизни широко не практиковалось. Люди, отправлявшиеся в дальнее путешествие, знали об опасностях, но не пытались предохранить себя от них. В случае несчастья семейный клан заботился, чтобы не пострадал социальный статус жен и детей. Что касается домашнего хозяйства, то договоры страхования заключались только на жизнь рабов, утрата которых дорого обошлась бы хозяину дома. Страховали молодых женщин, имеющих хорошее здоровье (при покупке в этом удостоверяться), когда они ждали ребенка. Такие договоры, подлинников которых у некоторых нотариусов обнаруживаются десятки, подписывал мужчина, признававший себя отцом. Риск сохранялся до рождения, в течение семи-восьми месяцев с момента подписания. Страховой платеж обычно доходил до 2%, и это

¹ За век не упоминается ни одного случая, чтобы на неф напали пираты или он потерпел крушение, бывали только аварии при входе в гавань, труднодоступную для тяжелых судов. Но поскольку тогда в Средиземном море только в Генуе и Неаполе были глубоководные гавани, эти корабли почти всегда бросали якорь на некотором удалении, а погрузка и разгрузка производились с помощью легких лодок.

свидетельствует, что состояние здоровья и гигиены, видимо, было относительно хорошим¹.

Деловые люди страховались также от всего, что грозило им потерей денег: от политических потрясений, мятежей или гражданских войн и в некоторых совершенно особых случаях — от смерти высокопоставленного лица: короля или князя, папы или кардинала, исчезновение которых лишило бы их рынка или привилегии. В таких случаях гарантия длилась от шести месяцев до года.

В Генуе сбор морских таможенных пошлин (*gabella caricaturum*) каждый год отдавался на откуп финансистам, которые 1 февраля сменяли прошлогодних откупщиков. Поэтому в последние дни января навстречу тяжелым нефам в открытое море выходили быстроходные лодки: капитанам предлагали деньги или снижение пошлины, если они поторопятся с прибытием. В то же время другие гонцы, от откупщиков наступающего года, предлагали то же самое, чтобы суда шли медленно или встали на якорь. Но чаще сборщики морской таможенной пошлины, чем уламывать капитана, еще находящегося в открытом море, просто страховались от опоздания судна, которое должно было скоро подойти, но вроде как попало в плохую погоду. Первого декабря 1459 г. сборщики этой пошлины, узнав, что неф Лучано де Мариса, выходящий из Севильи, уже отплыл, заплатили страховой взнос в 20%, чтобы получить солидную сумму, если судно прибудет позже 1 февраля; через неделю корабль не подал о себе вестей, риск как будто увеличился, и сумма страхового взноса выросла до

¹ Нередко бывало, что застрахованный, объявлявший себя отцом будущего ребенка, собирався жениться на женщине и обещал возместить хозяину убытки. Следует отметить, что в городах Италии, Прованса и Арагона, где домашнее рабство было широко распространено, ребенка рабыни и свободного человека немедленно объявляли свободным, и он получал фамилию мужчины, женившегося на матери, а за неимением такового — фамилию господина. Поскольку рабов-мужчин было очень мало, дети, оба родителя которых были бы рабами, встречались крайне редко.

27%. Другие страховались от чумы, грозившей парализовать жизнь городов.

Акционерные общества и крупные монополии

Самые первые акционерные общества зародились не в Италии, стране крупных купцов и самых передовых бухгалтерских и финансовых технологий, а во Французском королевстве с целью эксплуатации мельниц, в Тулузском графстве.

Первые мельницы на Гаронне были построены в 1177 г. рядом с Базаклем, ныне в самом сердце города, где граф Тулузский возвел дамбу на отмелях. К 1250 г. мельниц уже насчитывалось двенадцать, стоявших в трех местах — близ Базакля, Дорады и Нарбоннского замка, воздвигнутого на месте Нарбоннских ворот. Вкладчики, владельцы мельниц, сформировали Товарищество Базакля, где каждый получил один или несколько «юшо» (*uchaus*), то есть восьмых долей мельницы. Таким образом, эта компания могла включать несколько десятков человек, до 96. В 1370 г. «юшо» был уже долей не мельницы, а капитала всего общества. Общества совершенно анонимного, потому что никто, кроме тех, кто руководил его финансовой деятельностью, не знал ни имен правообладателей, ни сумм, вложенных каждым из них. Эти доли могли дробиться, и встречались «капиталисты», владевшие всего лишь восьмой или десятой частью «юшо».

Это был не пустяк. Во владении общества насчитывалось до пятидесяти и даже шестидесяти мельниц, на некоторых работало двадцать-тридцать человек, и мельница могла смолоть до тонны зерна в день. Управляющие ежегодно сменялись и, покидая должность, распределяли дивиденды пропорционально вложенным суммам. Доли обсуждались на городской площади, их курс колебался в зависимости от конъюнктуры, урожая, от паводков и силы течения. Это акционерное общество, основанное в раннем средневековье,

не знало ни кризисов, ни сильных неурядиц и неизменно сохраняло свою структуру до XIX в.¹

Акционерные общества портовых городов Италии, появившиеся позже, были, несомненно, более многочисленными, очень разнообразными, и, во всяком случае для Венеции и Генуи, они лучше изучены.

Венецианский Арсенал — вне всякого сомнения, крупнейшее промышленное предприятие западного мира, — был собственностью государства, которое устанавливало строительные нормы, обеспечивало его снабжение деревом, железом и холстом, назначало зарплаты двум-трем тысячам рабочих и следило за работами. Чтобы защитить свои морские перевозки от пиратов, Синьория формировала *муды* (*mude*) — конвои из нескольких галер, ходивших в Константинополь (*mude di Romania*), Сирию и Египет, Фландрию и Англию. Каждый год она оповещала во всеулышание о количестве кораблей и суммах на фрахт. Конвои выставлялись на торги, их организация поручалась тем, кто платил больше всех, обычно финансистам, собиравшимся по такому случаю, которые, конечно, обладали определенной компетенцией, но не были связаны меж собой и впоследствии тоже не объединялись. Галеры ходили одним курсом, по три-четыре на *муду*, под командованием капитана, назначаемого государством, который как лицо, ответственное за всё, прокладывал маршрут и разрабатывал график движения и захода в порты. Арендаторы назначали «скипера», начальника экипажа, вкладывали суммы, необходимые для оснащения судна, выполнения разных услуг, оплаты экипажа,

¹ Тулузским мельницам посвящена хорошо документированная книга Ж. Сикара, профессора истории права: *Sicard G. Aux origines des sociétés anonymes: les moulins de Toulouse au Moyen Age*. Paris: A. Colin, 1953. Ей не придали значения: заголовок и сам сюжет должны были тогда некоторым не понравиться. Позже были опубликованы исследования по некоторым частным вопросам, а совсем недавно — работа общего характера: *Le Bazacle: les noces de Toulouse et de la Garonne / textes, R. Marconis & S. Mendieta; photographies, A. Maissonabe; préface, M. Serres*. Toulouse: Privat, 2010.

состоявшего для каждого судна из двухсот человек либо многим больше или меньше. В ходе плавания их приказчики получали плату за фрахт, а по возвращении корабля доход от всей операции подлежал разделу.

В XV в. пример венецианских *муд* переняли флорентинцы, которые, завладев Пизой, а потом обосновавшись в Ливорно, тоже стали ежегодно отправлять конвой из трех, четырех или пяти тяжелых галер во Фландрию и в Англию. Те и другие конвои были хорошо изучены, ведь историки в их отношении располагали, как часто бывает, когда речь идет о государственном предприятии, официальными текстами, более многочисленными и легче поддающимися расшифровке, чем записи нотариев, которые обычно содержали лишь скудные сведения и делались от случая к случаю. Однако эти конвои и морские перевозки, плотно контролируемые уполномоченными коммуны, представляли только небольшую часть капиталов, вкладываемых в левантинскую коммерцию, и ее тоннажа. Что такое было шесть-восемь судов, вмещавших самое большее по 250–300 т каждое, по сравнению с двадцатью-тридцатью тяжелыми нефами, грузоподъемность каждого из которых была в три-четыре раза больше?

Генуя с начала XV в. отказалась от использования торговых галер и отныне строила и оснащала только тяжелые барки для захода в порты Тирренского моря и нефы для более дальних перевозок. В Венеции частные лица строили и оснащали, особенно для перевозки хлопка из Египта и Сирии, такие же большие нефы, вмещавшие до шестисот-семисот тонн. Такие суда стоили очень дорого — по несколько тысяч дукатов уже на сходе со стапелей, а еще надо было закупить паруса и такелаж, очень тяжелые якоря, а также оружие: арбалеты и с годами все чаще — бомбарды. Чтобы кормить около двухсот человек на борту, в том числе около полусотни воинов, на судно грузили семь-восемь тонн сухарей (морские законы требовали, чтобы шкипер ежедневно выдавал каждому тридцать унций

сухарей, то есть 800 г). Требуя таких капиталовложений, неф редко мог принадлежать только одному купцу или судовладельцу, у него было несколько хозяев, объединенных в два финансовых общества: одно, организованное для строительства, сохранялось годами, пока судно служило; другое, для оснащения и найма экипажа, существовало лишь во время одного плавания, а по возвращении судна производился расчет.

Капитал таких обществ, называемых «società a carati», состоял из двадцати четырех «каратов», которые можно было продать и купить в любой момент на скамьях маклеров на городской площади, где такие скамьи обычно стояли. Поскольку эти паи можно было дробить, причем неоднократно и без ограничений, нередко мужчины и женщины становились покупателями трети или четверти карата, либо три-четыре человека объединялись для покупки малой доли. Грегорио Фьески из семьи, родственной генуэзским дожам, никоим образом не был деловым человеком; он ничем не торговал от своего имени и не практиковал ретратты; но, владея девятью и тремя пятыми карата, он был членом общества, занятого оснащением морских судов. Покупка отдельных долей или частиц долей позволяла и мелким «капиталистам», чуждым финансовому миру и морским перевозкам, находить применение своим деньгам, и такие люди сотнями поддерживали деятельность на море, пока купцы на борту корабля гонялись за своей удачей более чем в четырех тысячах километров от них.

В 1445 г. в Генуе капитал для оснащения судна Оберто Гримальди был, как и все остальные, разделен на двадцать четыре карата. Шестнадцать и две трети принадлежали шкиперу, у каждого из двоих Гримальди было по карату, двумя каратами владел еще один судовладелец, у двух генуэзцев, имена которых свидетельствуют о скромном социальном положении, было по половине карата, и, наконец, третья часть карата принадлежала одному из последних¹.

¹ *Archivio di Stato di Genova*. Notaio Parisola Battista, fila 4, № 201.

Эти «società a carati», доступ в которые был широко открыт, отличались от семейных компаний Тосканы или Милана еще и тем, что, далеко не пытаясь разнообразить свою деятельность, ограничивались вполне конкретными перевозками одного и того же товара и часто пользовались монополией, предоставленной каким-то государем. Правительство коммуны в их торговлю не вмешивалось. Дела готовили и ворочали ими люди, которые без всякой поддержки, как будто наугад, но хорошо зная рынок, сами приезжали на место, чтобы оценить риск и возможности стать монополистами.

Король Португалии предоставил монополию на вывоз пробки Марко Ломеллини, богатому купцу из генуэзского семейства, уже три поколения как обосновавшегося в Лиссабоне. Тот вместе с братьями и несколькими другими негоциантами создал общество на паях. Другие компании, организованные точно так же, возили ртуть с рудников Альмадена в Кастилии, шелк, изюм и сахар из мусульманского эмирата Гранады, ловили сетями тунца в Андалусии, во владениях маркиза Медины Сидонии, или в халифате Тунис, в заливе Хаммамет. Нам эти компании известны только по нескольким разрозненным нотариальным актам, и для их подробного изучения этой документации недостаточно. Но поскольку для одной из компаний, отнюдь не второстепенной, случайно сохранилось немало документов, ее развитие можно проследить с зарождения, назвать имена участников и оценить масштаб предприятия.

В 1451 г. Клементе Чичеро получил от халифа Туниса за ежегодный чинш в две тысячи двойных золотых монет монополию на вылов кораллов в водах у побережья Марса-кареса на западе халифата. Этот человек не был известен в деловом мире; он, несомненно, действовал по поручению купцов и должен был провести переговоры, а потом подготовить внедрение. Через недолгое время он разделил капитал: шесть каратов — Леонардо Ломеллини, три — Никколо

Джустиниани; себе он оставил двенадцать, а три последних его брат был вынужден продать в Генуе. Назначенный «управляющим» в Тунисе и Берберии, он мог тратить до четырехсот двойных монет в год, не докладывая об этом в Геную. В компании постепенно появлялись именитые участники. Новый пришелец, Элиано Спинола ди Лукуло, глава самого могущественного из генуэзских семейных кланов, один из самых активных дельцов города, взял на себя продажу товара венецианцам, главным покупателям. Рядом с Марсакаресом генуэзцы построили настоящую колонию — временные жилища вокруг церкви, мастерские, печи для хлеба и сухарей, бастионы и башни для защиты от пиратов. Арендаторы вылова кораллов договаривались в Генуе с жителями Ривьеры, хозяевами лодок (*leudi*), нанимавшимися к ним на полгода-год в состав экипажа из четырех моряков или рыбаков. Каждый год к побережью Африки подходило десять-пятнадцать таких лодок. Нанимали также канатчиков и рабочих для изготовления ящиков или упаковки коралловых веток. Для снабжения колонии зерно везли из глубины материка или с самого дальнего запада, из района Константины. Другие лодки, сновавшие туда-сюда, подвозили вино из Лигурии и с Корсики.

Это был только первый шаг по захвату торговли кораллами во всем Средиземноморье до самого Востока. В 1468 г. один шкипер из Камольи, с Левантийской Ривьеры, доверенное лицо того же Элиано Спинолы, создал вместе с Джакомо Пенелло, служащим братьев Чентурионе, компанию для лова у берегов Монако. Они договорились с князьями Гримальди и получили монополию на добычу. К ним присоединился Джованни де Мартини, комиссионер богатой и могущественной венецианской семьи Контарини. Из венецианских мастерских кораллы отправлялись обратно в порты Магриба, приняв форму бус, служивших монетой в торговле с берберскими караванщиками из Судана, земли золотых копеей. Венеция, лучше, чем Генуя, освоившаяся на рынках Сирии и Египта, переправляла кораллы

для переработки также на Кипр. Кораллы из Монако так заполнили рынок, что генуэзцы и венецианцы, вообще-то нередко соперничавшие, образовали постоянную компанию под умелым управлением, годами приносившую большие доходы. Это один из редких примеров сотрудничества обоих городов. Братья Контарини, Маттео и Амброджо, сами поселились в Генуе, откуда регулярно посылали представителей. В счетах Элиано Спинолы эти венецианские компаньоны упоминаются каждый месяц. В 1465 г. они были должны ему 1200 двойных золотых монет, а немного позже продажа ста тонн кораллов, осуществленная совместно, принесла значительную сумму в 90 тыс. дукатов. Джакомо Пенелло, управляющий общества, посылал братьям Контарини из Марсакареса мраморные плиты и колонны с капителями — несомненно, из окрестных римских развалин. Другой пример расширения монополии: в 1469 г. король Рене, граф Прованса, предоставил исключительное право ловли у своих побережий, между устьями Вара и Роны, обществу, которое сформировали Контарини.

Кроме того, генуэзцы и венецианцы вытеснили каталонцев в качестве добытчиков кораллов близ северо-западного побережья Сардинии, в Альгеро и Ла-Маддалене, которое те освоили издавна. Один потерпевший кораблекрушение, с которым жители обошлись грубовато, жестоко его обобрав, пишет, что видел там более ста пятидесяти человек за работой и что эта ловля, должно быть, ежегодно приносит более двадцати тонн кораллов. В 1466 г. Лука ди Дзоальи, житель генуэзского побережья Леванта, добился от арагонского короля предоставления ему этих земель в аренду для другой группы генуэзских финансистов.

Война за рынки

Свобода действовать вне коммуны утверждалась также в ходе военных экспедиций, финансируемых и руководимых объединениями граждан с целью оккупировать какую-то территорию, управлять ей и эксплуатировать ее. Такие

военные компании назывались *маонами*, но в ту эпоху такое название встречалось только в Генуе¹. Появившиеся в XIV в., они вполне вписались в традицию города, у которого никогда не было регулярной армии и даже ополчения, который строил боевой галерный флот в страшной спешке только в тревожной ситуации и в течение всей своей истории посылал на войну каждый семейный клан на кораблях, снаряженных за их счет, под развевающимися флагами с их родовыми гербами, где все моряки и бойцы были их родственниками или клиентами. Первую генуэзскую военную экспедицию, отправленную на помощь франкам, которые в 1097 г. осаждали Антиохию, собрала и вооружила не коммуна, которая была бы на это неспособна, потому что ее финансы были уже в плачевном состоянии, а группа знати. Семьдесят два корабля, которые в сентябре 1298 г. прошли навстречу венецианским кораблям через всю Адриатику и нанесли им тяжелое поражение, находились под командованием Ламбы Дориа, который лично нанял три корабля и потерял в бою убитыми двух сыновей. Гораздо позже, в 1460 г., Кристофоро Грассо изобразил на картине, показывающей, как снаряженный флот на всех парусах выходит из порта Генуи, штандарты кланов на грот-мачтах у всех тяжелых нефов².

Большинство *маон* обычно существовали очень недолго, распадаясь после налета и захвата добычи. Хиосская маона добилась настолько блестящих успехов, что история может предложить немного примеров, если ограничиваться средиземноморским миром, когда бы столь рискованная авантюра увенчалась такой удачей. В 1304 г. римский император Константинополя передал остров Хиос Бенедетто Дзаккариа, генуэзскому военачальнику, который поступил к нему на службу и, по примеру других капитанов-наемников, стал

¹ Это слово арабского происхождения и буквально означало «те, кто оказывает помощь друг другу». Похоже, его использовали купцы-караванщики в пустынях Ближнего Востока.

² Эта картина, которую часто воспроизводят, находится в Военно-морском музее в Пельи, недалеко от Генуи.

вести себя как хозяин, обеспечив на территориях, отнятых у греков, свое господство¹. В 1329 г. греки отбили Хиос, но в 1346 г. генуэзский флот, оснащенный компанией из знатных купцов, воинов и властелинов моря, под командованием адмирала Симоне Виньози напал на остров и почти без боя одержал верх над крохотным греческим флотом, вышедшим из Митилены. С 1362 г. эта маона выросла и усилилась за счет входа в ее состав богатых негоциантов-*пополаров*² (из семей Банка, Лонго, Форнето). Чтобы добиться признания и еще больше подчеркнуть свою солидарность, все они отказались от фамилий предков и приняли фамилию по названию дворца одного богатого венецианского семейства, некогда обосновавшегося на острове, — Джустиниани, причем обычай указывать их старую фамилию вместе с новой был вскоре утрачен.

Эта маона, товарищество на паях, с капиталом, разделенным на двадцать четыре части, была колониальным предприятием. С Хиоса, как и из всей генуэзской Романии, многие купцы, если их дела шли успешно, возвращаться обратно не стали. Потом, очень скоро, здесь же поселились и другие люди — сначала ремесленники, а во вторую очередь — нотариусы, писцы и приказчики, юристы. Генуэзцы захватили на Хиосе земли и ввезли крестьян с Лигурийской Ривьеры, чтобы выращивать мастиковые деревья, виноград, плодовые и тутовые деревья. Они присвоили оба маленьких островка поблизости, а на азиатском материке заняли или, возможно, заставили турок уступить транзитный порт и город Новую Фокею с квасцовыми рудниками. Их стратегическую позицию сильно укрепляло соседство одной генуэзской

¹ *Lopez R.S. Genova marinara nel Duecento: Benedetto Zaccaria ammiraglio e mercante. Messina; Milano: G. Principato, 1933.*

² Это слово может ввести в заблуждение, если перевести его буквально — «человек из народа»; в Совете старейшин все места предназначались для аристократов, но были разделены между *нобиями* и *пополарами* — последние, происходя из менее старинных родов, могли быть столь же богаты, если не более, чем знать, и владеть ленами и сеньориальными правами.

династии — Гаттилузио, корсаров и разбойников, которые в 1341 г. помогли Иоанну V Палеологу захватить власть в Константинополе. Получив в качестве компенсации в дар остров Митилену [Лесбос], через недолгое время Гаттилузио захватили силой острова Лемнос, Самотраки, Имброс и Тасос, а потом Энос во Фракии — цитадель и торговый город, а также укрепленный остров Тенедос, прикрывающий вход в пролив Дарданеллы.

Расположенный на пересечении больших морских путей в северной части восточного моря, город Хиос в XV в. стал одним из главных торговых центров Леванта. Из Генуи суда достигали острова, не заходя ни в один порт, игнорируя Александрию и Бейрут. Каждый год в обоих направлениях здесь провозили по четыре-пять тысяч тонн груза на каждом корабле. На любом из этих тяжелых нефов было по сотне купцов из Генуи, Савоны и с Лигурийской Ривьеры, а также ломбардцев и немцев. В Бруссе, крупнейшем караванном центре Анатолии, представители и приказчики Джустиниани принимали шелк — не из Китая, как во времена Марко Поло, а с берегов Каспийского моря, а также хлопок, оборот которого тогда оценивался приблизительно в две тысячи тонн, стоивших 60 тыс. дукатов; его вывозили до самой Фландрии. Здесь останавливались каталонцы на пути с Родоса, остров был крупным рынком также для мусульман Востока и Запада. Турки продавали здесь рабов и добычу, захваченную на Балканах. Мавры из Гранады и Африки после долгого каботажного плавания вдоль побережья Магриба, до Александрии, привозили сюда сотнями мешки льна из долины Нила, а уезжали с рабами и грузами хлопка.

Хиос был крупнейшим на Востоке производителем мастики — ароматической смолы, ценившейся как сырье для производства жевательной массы, а также ароматической курительной бумаги. При владычестве маон эта культура глубоко пропитала собой жизнь острова, особенно южной его части, где деревни под названием «мастихохория» еще

и в наши дни сохраняют особый отпечаток. В 1428 г. Джустиниани пообещали налоговый иммунитет каждому, кто приедет на Хиос, чтобы взять жену и землю и добывать мастику. Они строго контролировали ее производство, ведь доходы распределялись между владельцами *carati*. Чтобы способствовать ее экспорту, коммуна Генуи, уступив настоятельным просьбам, освободила от таможенных пошлин первые триста ящиков этого товара. Поскольку один ящик оценивался в 90 дукатов, то общая стоимость этих ящиков составила 27 тыс. дукатов. В одной купчей за 1450 г. перечислено 274 таких ящика, погруженных для отправки на рынки Египта и Сирии.

Однако богатство Хиосу и поразительную живучесть генуэзскому товарообороту в Восточном Средиземноморье принесли не транзит и не эксплуатация острова вместе с торговлей мастикой, а разработка рудников и торговля квасцами. Приморские города Италии разбогатели за счет торговли не пряностями, а тяжелыми продуктами, не так сильно отдававшими экзотикой. Перец — это были пустяки по сравнению с хлопком, шелком и особенно солью и квасцами, востребованными тогда во всей Европе как средство для очистки текстильных волокон, закрепления красителей и аппретирования тканей, придающее им блеск. В эпоху, когда судостроение отошло на второй план и главной отраслью промышленности стало сукноделие, это был единственный товар, способный питать большую международную торговлю.

Грузы девяти тяжелых нефов, вышедших из портов Востока и взявших курс на Северное море (цены товаров выражены в генуэзских лирах)

Тяжелые грузы (квасцы, хлопок, вино, медь, свинец...)	264 700
Пряности (перец, имбирь, корица, ладан...)	34 800
Сахар	21 400
Рабы (всего на двух кораблях)	4 200

Маоны покупали у турок концессии или брали в аренду разработку рудников Анатолии, пока не наложили руку на всю эту промышленность целиком, установив монополию. Владея копиями Фокеи, находившимися как раз напротив острова Хиос, арендовав копи Кютахьи и Карахисара, расположенные более чем в сотне километров от побережья, они, чтобы исключить конкуренцию, добились от Гаттилузио с Митилены, чтобы те отдали им в аренду свои рудники. Они контролировали производство, сухопутные и морские перевозки, продажу на рынках Востока и Запада. Капитал общества, оцениваемый не в дукатах, а в весе квасцов, держался на уровне 500 тыс. кантаров, или 23 тыс. тонн. Уставы запрещали грузить квасцы на суда в каком-либо другом месте, кроме Хиоса. Сновавшие взад-вперед лодки непрерывно доставляли камни из портов турецкого побережья на склады острова. В Венецию, неспособную обеспечить себя иначе, квасцы доставлялись на генуэзских кораблях. Вместе с вайдой из Паданской долины они составляли почти весь грузооборот генуэзских судов, ходивших в Брюгге и Англию. В 1445 г. девять кораблей, покинувших Хиос, вывезли в общей сложности шесть тысяч тонн квасцов, и груз весом пятьсот-шестьсот тонн для одного корабля не был чем-то исключительным.

Члены маоны, все, конечно, генуэзцы, но выходцы из разных социальных слоев, прочно хранили солидарность. Маона отстаивала свои привилегии в отношениях с генуэзской коммуной, требовала подкреплений для обороны острова от пиратов и контрабандистов, оснащала боевые галеры и, главное, добилась для себя определенного положения в обществе, образовав в городе клан, *альберго*, подобно старинной знати. Маоны Хиоса, правление которых заседало на острове, оставили след и в пейзаже города-основателя своей колонии. Их дворцы и дома, где на камне были выбиты гербы группы, находились в одном-единственном квартале — *конестадже* (*conestagia*) Клавика, сгруппировавшись вокруг маленькой площади, изменившей свое

название и получившей их имя. Это была политическая необходимость: магистраты и советники, выбранные голосованием и по жребию, распределялись по территориальным округам, и для большей весомости лучше было не распыляться и держать в руках целый сектор. И еще забота об обороне, чтобы во время конфликтов интересов и гражданских войн можно было по первой тревоге собраться вместе. В этом пополары Джустиниани вели себя как представители старинных знатных родов и, так же как те, построили виллы, чтобы бежать от летней жары или от смут и мятежей на холм близ ворот в городской стене, близких к их дворцам, ворот, до которых они могли добраться за несколько минут.

Около 1450 г. этот клан насчитывал более пятидесяти глав семейств, которые, за исключением Дория и Спинол, не принадлежали к знати. Последние были далеко не самыми богатыми. В их *конестадже* было больше всех лиц, внесенных в налоговые реестры (136 очагов), и она платила 2790 лир налогов, тогда как территориальный округ, записанный следующим, должен был платить всего 800 лир. Крупнейшим налогоплательщиком Генуи, города крупных купцов и финансистов, был плативший 700 лир Франческо Джустиниани, потомок одного из участников военного предприятия 1346 г.; трое Джустиниани платили более чем по пятьсот лир и еще одиннадцать — от ста до пятисот. Такого больше не было ни в одном знатном семействе, даже среди самых знаменитых, которые, подчиняясь нескольким зажиточным и могущественным главам рода, всегда собирали, под водительством своих вождей, немалое количество скромных клиентов, освобожденных от некоторых налогов. В этом смысле маона существовала в городе как оригинальная структура, нарушавшая традиции аристократии. Целиком состоявшая из богатых и активных людей, она имела совсем иной облик и, конечно, поскольку ее образовали по большей части люди высокого

положения, иное социальное влияние, а также, несомненно, вела иной образ жизни¹.

Единственная генуэзская компания, названная по фамилии семейства, или, скорей, клана, собранного для завоевания территории, она бдительно следила за сплоченностью рядов и от новых членов требовала безоговорочной преданности. Распределение паев, *carati*, обсуждалось не в Генуе, а на Хиосе. Поэтому капиталовложения, дробления и продажи не мешали Джустиниани сохранять наибольшую часть капитала и контроль над своим обществом, которым на Хиосе руководило шесть управляющих.

Была ли это семейная компания наподобие флорентийских? Только по видимости, потому что в нее был открыт доступ и посторонним людям, которых не низводили до положения комиссионеров или приказчиков. К тому же, и это главное, ничто не препятствовало маону ни вкладывать свои деньги в заказ или помещать их в другое товарищество на паях, ни начинать свое дело в другой сфере. Опять-таки для приморских городов была характерна гибкость финансовых структур, а для материковых — жесткость и нечто вроде консерватизма.

Римские квасцы

Хиосская маона приобрела монополию на восточные квасцы, организовав вооруженную экспедицию, за которой последовал колониальный захват. Когда она потеряла эти турецкие копи, в Тольфе, в Папском государстве, нашли богатые залежи, из-за которых началась ожесточенная финансовая и дипломатическая конкуренция между генуэзцами и флорентинцами, а потом война, заставившая взяться за оружие немалую часть населения Центральной Италии.

¹ Другие цифры: из 54 податных с фамилией Джустиниани 42 платили более 20 лир налога, тогда как из 59 Дориа — только 17, из 41 Гримальди — 13, а из 81 Спинолы — всего 27.

Генуэзские колонии *Романии* пали не сразу после гибели Восточной Римской империи в 1453 г. Кафа, крымская фактория, сопротивлялась до 1475 г.; в течение этих двадцати лет генуэзские корабли проходили через проливы, дававшие доступ в Черное море. Хиос взяли намного позже, в 1566 г., но маоны скоро потеряли свои фокейские копи, и генуэзцы так и не смогли их вернуть: несмотря на старания двух авантюристов, не принадлежавших к семейству Джустиниани, добиться от султана аренды на их разработку. Однако грузооборот еще сохранялся три-четыре года благодаря вывозу запасов, накопленных на складах острова. Когда они иссякли, карат маоны, который в 1450 г., когда турки еще только угрожали напасть на Константинополь, еще стоил от десяти до двенадцати тысяч золотых дукатов, в 1457 г. уже оценивался всего в шесть тысяч, а в 1460 г. — в пять тысяч.

Венецианцы пытались договориться с турками, чтобы занять место генуэзцев, но ничего не добились. Импорт восточных квасцов прекратился, и на всем Западе ощущалась их нехватка. С октября 1458 г. сукноделы Генуи говорили, что не могут больше ни окрашивать, ни аппретировать свои ткани. Тяжелые корабли, ходившие в Англию, возили ничтожные грузы. Возобновилась разработка заброшенных копей в Северной Африке, в Неаполитанском королевстве и на Сицилии. Стропцы поставляли во Флоренцию квасцы из Поццуоли, а одна маленькая генуэзская компания захватила копи в Триполи. Этого было слишком мало, и повсюду, на юге Италии и в Северной Африке, вели поиски и копали землю, чтобы найти другие месторождения. Надежды не сбывались и деньги тратились зря, когда в 1462 г. один генуэзец, Джованни ди Кастро, обнаружил в Папском государстве, близ города Тольфы и недалеко от моря, удивительно богатые залежи. Эта находка вызвала крики восторга у итальянских деловых людей и промышленников, резкий подъем акций государственного долга Генуи и заявление папы: «Это самая прекрасная из побед, одержанных над

турками». Апостолическая палата сдала разработку квасцов Тольфы и торговлю ими в аренду с платой два дуката за римский кантар (около 50 кг). Вывоз без больших затрат производился через порт Чивитавеккья. В наших книгах и романах часто пишут о «золотой лихорадке» в другое время, в Америке, но в ту эпоху наплыв людей в Тольфу был, конечно, столь же впечатляющим. Население города выросло более чем в десять раз, и скоро он стал сплошной строительной площадкой; несколько прекрасных дворцов было здесь построено за два-три месяца.

За получение Тольфы в аренду и возможность пользоваться торговой монополией началась конкуренция между флорентинцами и генуэзцами: кто больше предложит и, главное, кому удастся снискать милость папы и его банкиров. Во Флоренции вступить в это состязание могли только Медичи, абсолютные властители города, уже позабывшиеся о том, чтобы разорить других соперников. Но сиенский папа Пий II Пикколомини (1458–1464 гг.) был благосклонен к генуэзцам, которые финансировали объявленный им крестовый поход против турок, а на своих верфях в Сан-Пьер-д'Арена строили и оснащали папский флот. Несколько позже, после краткого понтификата Павла II, венецианца, акционерные общества Генуи, формировавшиеся от случая к случаю и часто конкурировавшие меж собой, возлагали большие надежды на поддержку со стороны двух генуэзцев: Сикста IV делла Ровере (1471–1484 гг.), уроженца селения под Савоной, и Иннокентия VIII Чибо (1484–1492 гг.), потомка знатного генуэзского рода, который вложил десять тысяч лир в оформление прекрасной капеллы Чибо в соборе Сан-Лоренцо.

В первую компанию, собранную сразу после открытия копей, входило всего три человека: открыватель — генуэзец Джованни ди Кастро, знатный римский купец Карло Гаэтани и нотариус Бартоломео Фрамура, уроженец Левантийской Ривьеры, который работал в Генуе и которого пригласили вести счета. Крупные финансисты еще не успели вмешаться.

Фрамура быстро показал себя, собрав в своем городе средства с помощью обычных договоров *комменды*: после его смерти душеприказчики, платя по его счетам, обнаружили полсотни участников предприятия, взявшего в аренду разработку копей. В декабре 1462 г., всего через несколько недель после начала работ, право экспортировать квасцы и продавать их в Англию папа продал другой генуэзской финансовой группе, которую возглавляли Бранкалеоне Дориа и братья Чентурионе. Они выплатили десять тысяч дукатов наличными и пообещали заплатить остальное флорентийским сукном; если оценивать штуку в 44 дуката, это составляло 340 штук сукна. Это право действовало всего четыре года. В 1466 г. шестеро других купцов во главе с одним из Дориа попытались взять в аренду разработку и продажу во всех европейских странах, но их опередили Медичи, которые в союзе с Чентурионе предложили больше. Это соглашение было возобновлено в 1471 г. в виде договора, гарантировавшего Лоренцо Великолепному абсолютную монополию на четыре года.

Он потерпел настолько жестокую и откровенную неудачу, что, как можно полагать, она через недолгое время привела к разорению всей компании Медичи. У Лоренцо на руках были не все козыри. Поскольку для перевозок флорентийские галеры имели слишком малую грузоподъемность и каждое плавание обходилось слишком дорого, он по высокой цене нанимал генуэзские суда. К тому же идея навязать христианскому миру монополию оказалась совершенно утопичной. Венеция получила от папы право ежегодно продавать триста тонн квасцов в Ломбардии и в Германской империи. Генуэзские купцы без колебаний грузили квасцы на Сицилии и везли во Фландрию, другие же купцы, прочно обосновавшиеся в Кастилии, владельцы свинцовых копий в Масарроне, близ Картахены, открыли там месторождения квасцов. Герцог Бургундский в 1471 г. официально обещал соблюдать монополию Медичи в своих государствах двенадцать лет, но через пять лет отказался от этого обещания. Ло-

ренцо, не унаследовавший ни осмотрительности, ни таланта своего деда Козимо, вел дела плохо и позволил служащим своих представительств, особенно в Брюгге, грызться меж собой, устраивать самые безобразные перебранки и ссориться с представителями Апостолической палаты, которую они терпеть не могли.

Медици уже и сами искали квасцы в Тоскане. В 1470 г. одна компания добилась от приоров Вольтерры, города, подчиненного Флоренции и жившего за счет железных копеек и термальных источников, которые регулярно посещали флорентийские аристократы, права провести изыскания на обширной территории апеннинских предгорий. Всего через два года, в феврале 1472 г., прошел слух, что нашли богатые залежи квасцов. Компания, в состав которой входили два дельца из Вольтерры, два флорентинца и Антонио Гуиньи, служащий Лоренцо Великолепного, немедленно согласилась платить ежегодную аренду в сумме от 50 до 4000 дукатов. Этого было недостаточно, чтобы успокоить толпу недовольных, которые с криками негодования заняли месторождение, напали на горожан, обвиненных ими в предательстве своего города ради выгоды флорентинцев, сожгли их дома и убили одного из них. Лоренцо нанял кондотьера Федерико да Монтефельтро, собравшего три тысячи воинов, которые захватили город, целый день грабили его, жгли церкви и дворцы и убивали мужчин, женщин и детей. В следующем месяце флорентийский суд велел казнить сорок глав хороших семейств Вольтерры, а сорок других приговорил к изгнанию. Копи были переданы цеху шерстяников Флоренции, который вложил в них много средств... но не нашел или почти не нашел там квасцов и никак не окупил затраченного.

Избрание Сикста IV стало предвестием разрыва Медици с папством. Папа знал, что Лоренцо деньгами и посылкой воинского отряда помогал мятежникам из Читта-ди-Кастелло, города в его государстве. Поэтому он вступил в контакт с семейством Пацци, соперников Медици, и те

ссудили или, скорей, дали ему 40 тыс. дукатов на покупку графства Имола, тогда как Лоренцо тайно, но очень некстати приказал своему «столу» в Риме отказывать папе в любых авансах. Через два месяца Лоренцо потерял должность депозитария Апостолической палаты, которая была передана роду Пацци. Договор с Медичи 1471 г., истекший в 1476 г., продлен не был, и аренду отдали тем же Пацци.

26 апреля 1478 г. Лоренцо едва избежал смерти, но его брат Джулиано погиб под ударами людей Пацци на выходе из собора после мессы. Чтобы отомстить за брата, Лоренцо собрал армию, нашел нескольких союзников и выступил в поход, собравшись вторгнуться в Папское государство. С скромное флорентийское ополчение не представляло собой серьезную силу по сравнению с неаполитанскими Арагонцами, с сиенцами и лукканцами — союзниками папы, которые в ходе трех жестоких кампаний занимали все новые территории. Флорентинцы потеряли бы немалую часть своего государства, если бы не вмешался король Людовик XI, оказавший на папу нажим, чтобы тот согласился заключить мир. Последний был торжественно провозглашен в Риме 25 марта 1480 г.¹, а 25 ноября туда прибыло двенадцать послов Лоренцо с просьбами о прощении. Вполне очевидно, что Медичи утратили всякую надежду вернуть своей компании, *tavola*, в Риме былой блеск.

¹ В этот день было обнародовано мирное соглашение между Флоренцией и Неаполем; мир с папой был подписан только в декабре (прим. перев.).

ГЛАВА VI. НЕДУГИ И БАНКРОТСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ

ВО ФРАНЦИИ: ОТ ТАМПЛИЕРОВ ДО ЖАКА КЁРА

Упорядочение королевских финансов

Со времен царствования Людовика Святого государственный долг не прекращал расти. Короли, которым часто не хватало денег, которые были неспособны контролировать бюджет, конечно, не могли ни увеличивать налоговые поступления, ни чеканить фальшивую монету. Они могли прибегать разве что к монетным мутациям, которые на время приносили облегчение казне, но плохо сказывались на экономике королевства. Ответственность за эти дисбалансы, доходившие до экономического хаоса, по оценке некоторых историков, часто возлагают на тех, кто настолько неумело, настолько бессистемно вел счета, что люди, управлявшие хозяйством, действовали словно вслепую, лишённые возможности подводить итоги и осуждать злоупотребления. Говорят, что сказывались также безумные расходы и наглая роскошь двора и вельмож. Однако войны обходились королевской казне, знати и народу еще дороже. Времена, когда сшибались несколько рыцарских отрядов, воевавшие всего по сорок дней, не теряя из виду донжон замка, времена, когда король мог собирать арьербан своих вассалов только в исключительных случаях, остались в прошлом. Уже в 1214 г., при Филиппе Августе, две сильных королевских

армии одержали по победе в один день: над императором и графом Фландрским при Бувине и над англичанами при Ла-Рош-о-Муан. Воины, которым король платил из своих средств, долгие месяцы потратили на то, чтобы взять Шато-Гайяр и завоевать Нормандию. Позже «национальные» войны сеяли отчаяние в целых провинциях, сводя налоговые поступления к ничтожным цифрам, — так бывало в Сто-летнюю войну, а еще в большей степени при Людовике XI, когда король приказывал своим капитанам жечь урожай, чтобы крестьяне Артуа совсем обнищали и стали умолять герцога Бургундского заключить мир.

Поколения авторов, не решавшихся противоречить признанным педагогам времен Жюль Ферри, твердили нам, что народ-де был «задавлен налогами». Если бы они попробовали вникнуть в некоторые тексты или хотя бы прочесть их, они бы поняли, что налоговые отчисления были тогда скудными, несравненно ниже, чем в наши дни, а сбор налогов производился от случая к случаю. Подати повысились и стали очень строго взиматься только через долгое время, когда утвердился режим абсолютной монархии, а потом, при республиках, стали еще более жесткими и обязательными¹.

Филипп Август не рассчитывал на другие постоянные ресурсы, кроме огромного домена, насчитывавшего более пятисот деревень и три десятка добрых городов. Королевского налога не существовало, а о ежегодных сборах не было и речи. Любое обложение имело характер исключительный. В некоторых совершенно особых случаях король должен был просить о помощи, и ее сумма становилась предметом обсуждения.

В августе 1345 г., когда население сенешальств Лангедока отказало королю в военной субсидии, он в конце месяца

¹ О трудностях при определении базы обложения и при сборе налогов см.: *Sarrasy J.* Les tribulations du contrôleur et les livres de l'impôt en France. Paris: V. Didron, 1860–1862. (Éléments topographiques tirés des compoix.)

назначил новых комиссаров, чтобы убедить тамошних знать и народ на шесть месяцев вотировать налог. В сенешальство Каркассон поехали Гильом Бальбе, советник Счетной палаты, и главный судья (*juge mage*) Ажене. Несмотря на все их старания, только общины, зависимые от графа Вандомского и его братьев, согласились на определенных условиях выплатить 2500 ливров. Бальбе, вскоре вынужденный уехать в Гасконскую армию, выступил в качестве депутата, чтобы провести переговоры с собраниями и уговорить их выплатить субсидию, поскольку король терпел сильную нужду, но они упорно не соглашались¹. Несколько позже, в 1361 г., Иоанн Добрый захотел унифицировать монеты королевства; поскольку ему не хватало денег, чтобы выкупить монеты, отчеканенные сеньорами и аббатствами, он обратился к добрым городам, которые выделили уполномоченных, чтобы договориться о сумме субсидии. Во дворец прибыло три парижских нотабля; двое согласилось на переговоры, но самый богатый из троих, Пьер дез Эссар, эшевен и один из крупнейших налогоплательщиков города, наотрез отказался.

Чем для податных были все эти эды, тальи и чрезвычайные налоги, пытались выяснить лишь немногие историки. На самом деле налоги составляли ничтожную долю состояния или доходов. Когда Филипп Красивый захотел обложить налогом продовольственные продукты, продававшиеся на крытом рынке, добрые бюргеры Парижа возмутились этим как произволом; хотя налог составлял всего денье с ливра, то есть менее 0,5%, они утверждали, что это сдирание семи шкур, *побор* (*maltôte*)². Король был вынужден отозвать его и ввел вместо него в 1292 г. 2%-ную талью на движимое

¹ *Lescuyer M.* L'inventaire après décès de Raynard Balbet, bourgeois de Clermont (1359)//*Bibliothèque de l'École des Chartes*. 160 (2002). P. 87.

² Так первоначально называли особую подать, введенную Филиппом Красивым; впоследствии слово *maltôte* стало означать любой прямой налог.

имущество. В 1305 г. появилась еще одна талья, составлявшая всего 1 %.

Нежелание платить налог, хоть прямой, хоть косвенный, так прочно укоренилось в коллективной ментальности, что оплата служащих, собиравших подать или габель, преследование мошенников и уклонистов иногда обходились дороже, чем приносили дохода сами налоги. «Средневековый» человек, неотесанный хам, платить налоги не любил. Это казалось ему противоестественным, и он избегал этого, прибегая пока что не к мятежу, а к хитрости, пассивному сопротивлению, он тянул с выплатой или скрывался куда-нибудь подальше. Для записи людей или очагов, с которых следовало взимать талью или другие налоги, служащие короля или сеньора вели три книги: одну, где указывались имена податных, вторую, заполнявшуюся через несколько месяцев, — для тех, кто рассчитался на самом деле, и, наконец, еще одну для «недоимок», несобранных сумм, которые иногда переходили из одного года в другой.

Многочисленные мостовые и дорожные пошлины представляли собой плату, пропорциональную количеству товара, за перевоз через мост или выбор удобного пути, и создавали впечатление вездесущности налоговых служб. Но одно дело — ввести тарифы, а совсем другое — добиться их выплаты, притом что узнать, как обстояло дело с последним, у нас возможностей мало: ведь почти все счетные книги сборщиков уничтожены, поскольку через несколько лет после составления становились никому не нужны. Книга сбора пошлины в Крепи-ан-Валуа, сбора, право на который король в 1393 г. уступил герцогу Людовику Орлеанскому, позволяет нам шаг за шагом проследить за действиями и неудачами исполнителей такого ненадежного дела, каким в ту эпоху неизменно бывал сбор налога. Герцог хотел добиться регулярной выплаты податей и, чтобы можно было

подводить финансовые итоги, велел тщательно копировать счета генерального сборщика Жана де Лемая¹.

Этот «réage et travers» был одной из самых активно взимаемых и обременительных пошлин на дорогах из Парижа и шампанских ярмарок во Фландрию. Он давал возможности для сбора еще четырех пошлин и для контроля за ним: двух на переправах через реки (в Компьене через Уазу и в Перонне через Сомму) и двух на возвышенностях (в Руа и в Батоме). Стражники должны были не позволять гужевому транспорту объезжать сторожевые посты менее удобными путями (это называлось «делать крюк»), а то и (что, возможно, бывало чаще) срезать путь прямо через поля, разоряя крестьянские хозяйства. Когда какую-либо обходную дорогу перекрывали и ставили под контроль, прокладывались новые. Жан де Лемай объезжал посты, инспектировал служащих, давая им советы и распекая их, призывал к большей бдительности и твердости, проверял счета, сбор денег, сменял тех, кто выбился из сил, — за пять лет он совершил не менее восьми длинных объездов.

Герцог обнарудовал пошлинные тарифы в Париже — на Крытом рынке, в Шатле и «в трех обычных местах», а также в двенадцати городах вдоль дорог, до Ланса и Турне. Сборщик встречался с негоциантами на рынках, на ярмарках и в Клермоне-ан-Бовези «в праздничный день». Каждую неделю он бывал в Амьене. Его люди не жалели ни сил, ни денег, «дабы познакомиться с купцами и приказчиками и побудить их ехать по королевству, избегая обходных путей, а то иные ехали через Германию и империю и через епископство Льежское». Чтобы взять под контроль грузы, которые поступали в Сент-Омер и Лилль по Сене, по морю и по прибрежным северным рекам, он десять раз ездил в Руан, пытаясь взять на откуп таможенную пошлину. Ее выставили на торги, четыре раза объявляли об этом на улицах и площадях города и в Руанском замке и, наконец, уступили ему за

¹ Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Manuscrit français № 11659, in-4°, 42 folios.

сумму 2500 ливров в год, притом что первое предложение составляло всего 1100 ливров.

Герцог Орлеанский потерял на этом много денег и в конце концов отступился. Чрезмерно упрощенная, слабо разработанная бухгалтерия, а главное — многочисленные способы уклонения от выплаты изначально обрекали все предприятие на неудачу. Дело взял в свои руки король, но, хоть и располагал иными средствами, добился не большего.

* * *

Поскольку персонала Филиппу Августу не доставало, он предоставил Лану, Нуайону, Суассону, Компьеню и Санлису нечто вроде финансовой автономии, оставив под своей властью только Париж и Орлеан¹. Управление землями, прямое или через держания, уступленные за чинш, а также контроль за прево, мэрами и лесничими были переданы не финансистам и даже не ответственным чиновникам, а приближенным короля, законникам, советникам, членам *Curia regis*: сенешалю Этьену де Гарланду², коннетаблю Раулю де Клермону, а потом — это был первый шаг к освобождению от власти родовитых вельмож — Дрё де Мелло, шателену из Иль-де-Франса, мелкому дворянину. Вернувшись из крестового похода в 1191 г., король вынудил последнего из магнатов, архиепископа Вильгельма Реймского, уступить место группе налоговых сборщиков-специалистов, включавшей двух рыцарей и одного бюргера, под руководством тамплиера брата Эймара и госпитальера брата Герена. Он доверил им хранение казны и управление ею, выделив часть

¹ Сеньор, чтобы облегчить работу своим служащим, очень охотно давал, к примеру, коммунальные хартии, получение которых обычно изображают результатом борьбы за вольности.

² Непонятно, о каком сенешале пишет автор: последним сенешалем из рода Гарландов был Этьен де Гарланд, канцлер и советник Людовика VI, но он умер в 1150 г. При дворе Филиппа Августа еще служили представители семейства Гарландов, но ни один из них не занимал пост сенешаля (прим. ред.).

доходов, предназначенных непосредственно для *Curia* и для ведомства двора.

В 1202–1203 гг. королевские сборщики впервые разделили доходы на три разных свитка: поступающие от балли, от прево и от «управляющих марками», то есть с территорий, присоединенных к королевству недавно, главным образом из Нормандии. Немного позже они добавили четвертый свиток — для доходов из графств или земель Вернёй, Шомон-ан-Вексен и Лион-ла-Форе, а потом еще один — от делегатов Курии, которые, ведая счетами армии и счетами других завоеванных земель, находились в Гурне и в Форж-лез-О. Под влиянием итальянских менял от сенешальств стали требовать годовые бухгалтерские отчеты, причем составленные так, чтобы дебет и кредит там выделялись отдельно — это позволяло оценить общую сумму доходов или расходов и размер денежного запаса. Для ведомства королевского двора (*Maison du roi*, *Hôtel*) в 1237 г. начали вести три книги: по кухне и службе по закупке фруктов (*itineria*), для драгоценностей, пожертвований и даров (*dona et hernesia*), для рыцарей и арбалетчиков стражи (*equi*).

Тамплиеры

Служащие короля во многом следовали примеру счетоводов герцогства Нормандии и городов Фландрии, которые закрывали счета дважды-трижды в год, подводя итоги и, возможно, составляя бюджет, чтобы лучше контролировать расходы. Тамплиеры, близкие к королю с самого появления, пошли дальше: они умели не только подавать пример и оказывать услуги, но смогли даже стать для власти посредниками и уполномоченными, подменяя людей короля.

Рыцарский орден Храма зародился на Святой земле лет через тридцать после взятия Иерусалима франками. В 1118 г. шампанский рыцарь Гуго де Пайен, чтобы охранять дороги и защищать паломников, собрал воинский отряд, еще слабо структурированный, бойцов которого связывали только родственные соглашения и вассальные

клятвы верности. Его первой резиденцией стало место, где прежде находился храм Соломона. Уставы ордена Храма, отчасти написанные на основе цистерцианских, были предъявлены в Риме в 1128 г. и окончательно одобрены в 1139 г. папой Иннокентием III, который подчинил орден непосредственно Святому престолу. Тамплиеры зависели только от Рима.

Их численность вскоре выросла до двухсот-трехсот монахов-воинов, вооруженных копьями, палицами и треугольными щитами. Они соблюдали строгую дисциплину и отличались образцовой военной подготовкой, каждый имел по три коня и шел в бой в сопровождении небольшого отряда наемных лучников, туркополов. В больнице (госпитале) Святого Иоанна недалеко от храма Гроба Господня обосновался еще один рыцарский орден. Некоторые сразу отнеслись с подозрением к новым орденам, поскольку те объединяли монахов-солдат, но все-таки в эпоху, когда на христианском Западе рыцарство, соблюдавшее уставы и подобие кодекса, само по себе было орденом [*ordre*, *сословием*], в их появлении не было ничего странного. Другие военные ордены, организованные так же хорошо, сыграли большую роль в христианской Реконкисте Кастилии, Арагона и Португалии. Известно также, что на Востоке и в Северной Африке мусульмане, сражавшиеся за веру, запирались на несколько месяцев в *рибатах* — подобиях укрепленных монастырей, охранявших границы.

Южнее Хайфы тамплиеры построили Шато-Пелерен [«Замок Паломника»], большой укрепленный лагерь, дававший приют тем, кто высаживался с кораблей; в дополнение к дороге из Яффы в Иерусалим храмовники проложили еще одну дорогу, по которой из Хайфы паломники могли прийти непосредственно до Тивериады. Иерусалимский король доверил им охрану нескольких замков на границах латинских государств от набегов кочевников-бедуинов и от нападений вооруженных отрядов из Алеппо и Дамаска. В 1180–1200-е гг. в их руки попала северная

часть графства Триполи, вышедшая из-под юрисдикции графа. Оборона и бесконечные войны стоили очень дорого — имеются в виду и экипировка воинов, и содержание крепостей, а еще в большей степени выкупы за христиан, оказавшихся в плену в Алеппо и, позже, в Египте. Из Европы ежегодно приходилось посылать огромные денежные суммы, быстро иссякавшие. Тамплиеры были, в большей мере, чем госпитальеры, главными поставщиками королевских и княжеских армий, участвовавших как в крестовых походах на Востоке и на Западе, так и в «справедливых» и «благих» войнах с мятежниками. Это орден Храма, как мы узнаем из двух писем аббату Сугерию, дал королю Людовику VII ссуду для похода в Святую землю в 1147 г. Папа Мартин IV изъясил часть их денег, чтобы заплатить своим войскам, сражавшимся в восставшей Романье, а через двадцать пять лет Филипп Красивый велел сделать подсчеты и потребовал, чтобы ему выплатили остальное; задолженность составила 154 352 ливра 7 су 6 денье. Тамплиеры часто и по любому поводу брали на себя перевозку монет, продовольствия и лошадей¹ для короля, для папы и просто для частных лиц. Поступления от двадцатины, собранной на крестовый поход Людовика Святого, были переправлены в Яффу в их сундуках, и Жуанвиль пишет, что на одном из кораблей ордена Храма находилось шестьдесят сундуков с деньгами сеньоров и рыцарей, сопровождавших короля. Один акт Карла II, короля Неаполя, датированный 1295 г., предписывает его таможенникам не взимать никаких пошлин с тамплиерских нефов, которые, нагруженные 3000 «мин»² ячменя, 2000 мин пшеницы и 500 минами бобовых, должны были взять курс на Кипр.

¹ Pryor J.H. Transportation of horses by sea during the era of the crusades: eighth century to 1285 A.D. // *Mariner's Mirror*. 68 (1982). Part I: To c. 1225. P. 9–27. Part II: 1228–1285. P. 103–125.

² Это слово, унаследованное от греков и римлян, означает единицу объема, равную двадцать четвертой доле сатье; в основном этой мерой мерили зерно и соль.

Воины и финансисты, тамплиеры также активно участвовали в христианской Реконките на Пиренейском полуострове. В 1168 и 1171 гг. португальский король Афонсу Энрикиш подарил им несколько мест, представлявших собой удобные стратегические позиции, которые господствовали над долиной Тежу и над дорогой из Коимбры в Сантарен. Мощные стены их замка Томар возвышались, охраняя его, над верхним городом — стражем и прибежищем для обитателей нижнего двора (*vila de baixo*), населенного колонистами и имевшего правильную геометрическую форму, из конца в конец которого шла широкая прямая улица — *Корредора*. После взятия Валенсии в 1238 г., в соответствии с *репартимьенто*, которое обнародовал король Арагона, более 500 домов отошли выходцам из Барселоны, 200 — выходцам из Сарагосы и 50 — Храму, чтобы он построил себе дом в самом сердце города.

Христиане, достаточно обеспеченные, чтобы не нищенствовать по дороге, очень скоро перестали брать в паломничество в Иерусалим, так же как в Рим или Сантьяго-де-Компостела, набитый монетами кошелек. В Париже и в нескольких портах Средиземного моря тамплиеры выписывали им, как и воинам, нечто вроде переводных векселей — пока примитивные платежные поручения, которые, едва сойдя на берег, они предъявляли к оплате. Впоследствии орден стал выдавать ссуды под залог ценных предметов, драгоценностей или земельных владений.

Тамплиеры стали папскими банкирами, обеспечив себе раньше, чем ломбардцы и прочие итальянцы, нечто вроде монополии. В 1212 г. Иннокентий III велел сборщикам десятины для Апостолической палаты на Юге Франции помещать вырученные деньги в дома ордена Храма в Монпелье, Арле и Сен-Жиле. Гонорий III распорядился в 1216 и 1219 гг. собирать двадцатину на альбигойский крестовый поход, и, судя по счетам, аббат Ключи и епископы Нуайона и Мо положили значительные суммы в парижский Тампл; 15 июня 1219 г. брат Эймар переслал эти деньги, то

есть около двадцати тысяч марок, в Италию. В следующем, 1220 г. папский легат переправил деньги святого Петра в Париж, чтобы поместить в Тамплъ. По счетам Симона де Монфора, а потом Альфонса Пуатевинского, брата Людовика Святого, которые велись без перерывов с 1245 по 1269 г., видно, что суммы, переводившиеся в Тамплъ, более чем втрое превосходили суммы, поступавшие непосредственно в их Тулузский отель¹.

Благодаря этим денежным вкладам, собранным во Французском и Английском королевствах, Париж, который прежде не был крупным монетным рынком, стал одним из главных финансовых центров Запада. В 1220 г. Пьер Сарразен, парижский бюргер, готовясь к паломничеству в Компостелу, составил завещание, поручив ордену Храма распорядиться своим наследством; он завещал сто ливров матери и шестьсот — аббатству Сен-Виктор, остальное же должно было храниться в сундуках тамплиеров, пока его дети не станут юридически дееспособными, достигнув совершеннолетия.

За счет даров и завещаний, нередко регулярно повторявшихся, которые делали семьи, среди чьих сыновей был рыцарь, благодаря строгому управлению патримонием, за счет покупок, продаж и обменов тамплиеры стали крупными земельными собственниками, войдя в число богатейших в королевстве. В их имениях, называемых командорствами, которые служили хлебными и конскими рынками, укрепленный дом окружали фермы и хозяйственные постройки. Некоторые авторы насчитали во Франции более сотни командорств; эта цифра, несомненно, завышена, но в солидных исследованиях говорится, что

¹ Об этих финансовых операциях см.: *Delisle L.V. Mémoire sur les opérations financières des Templiers*. Paris: Imprimerie nationale, 1889. [Mémoires de l'Institut national de France, l'Académie des inscriptions et belles-lettres. T. XXXIII. 2e partie.] — *Piquet J. Des banquiers au Moyen Age: les Templiers, étude de leurs opérations financières*. Paris, Hachette, 1939. — Интернет-сайт «Mémoires sur les opérations financières du Temple».

в нормандских диоцезах было семнадцать командорств, а в Провансе — сорок.

В Париже их первый дом, Старый Храм (Вьё-Тампл), упомянутый в 1146 г., находился недалеко от Сен-Жан-ан-Грев, в очень густонаселенном районе, и представлял собой настоящую крепость, обнесенную высокими стенами и защищенную донжоном и еще одной, более массивной башней. В 1272 г. они снесли дома за абсидой церкви Сен-Жерве и построили особняк, где вели счета и составляли отчеты. Они владели также портом и тремя мельницами, на Сене у них была печь близ Шатле, недалеко от Крытого рынка, в Шампо — дом с ригой и амбаром. В 1279 г. Филипп III предоставил им право суда высшей и низшей инстанции на некоторых участках обширной территории к северу от Стекольной улицы (рю де ла Веррери) и освободил тех, кто пожелал бы перебраться туда, от пошлины тонляё, дозорной и воинской повинности. Рыцари пробили в королевской стене еще одни ворота, Соломенные (порт дю Шом), и проложили между улицами Храма (рю дю Тампл) и Вьей-дю-Тампл прекрасную прямую улицу, названную улицей Новых Ворот, Порт-Нёв (сегодня Архивная улица, рю дез Аршив), по оси своего участка. В «новый город» вело восемь перпендикулярных ей улиц, три с востока и пять с запада, шириной почти по восемь метров. Большой успех: к 1292 г. этот квартал был почти достроен, и через пять лет в нем насчитывалось более ста хозяев, плативших чинш.

В их новом Тампле монастырские строения, другая капелла и клуатр, зал капитула, жилище магистра, рефекторий и дортуары, суд и тюрьма, декоративные и фруктовые сады теснились на участке в шесть гектаров, на который можно было войти через единственные ворота и который был защищен зубчатой стеной высотой в десять метров с пятнадцатью

башнями и башенками¹. Это был город в городе, и госпитальеры ничего подобного в королевстве не строили.

Такое богатство вызывало зависть и ускорило падение ордена Храма. Тамплиеры и госпитальеры противостояли друг другу еще на Святой земле. Не было случая, чтобы они сражались на поле боя бок о бок, под единым командованием. В Акре тамплиеры укрепились в городском квартале, защищенном стеной и соединенном тоннелем с портом, а госпитальеры занимали другой квартал, далекий от тамплиерского. Одни были союзниками венецианцев, другие — генуэзцев, и из-за этого соперничества, по словам добрых хронистов, был потерян последний крупный латинский город Сирии, который, будь его защитники едины, мог бы лучше отражать нападения мамелюков. После утраты Акры в 1291 г. госпитальеры отступили на Родос, откуда их корабли постоянно атаковали турок на море и его берегах. Тамплиеры нашли прибежище на Кипре, в своей мощной крепости Колосси на южном побережье, недалеко от Лимасола. Но там их было не очень много, и их головным домом оставался парижский «вильнёв».

Еще Филиппа Августа и его Совет беспокоило, что тамплиеры не просто хранят казну, а занимаются и другими делами. Брата Эймара, который, вне всякого сомнения, был одним из самых умелых, пунктуальных и честных финансистов того времени, обвинили в том, что он якобы приказал всем прево и бальи передавать часть выручки непосредственно Храму. Это обвинение ничем не было доказано, но, без всякого судебного следствия, с 1203 г. Эймара исключили из сужавшегося кружка чиновников, руководивших делами и контролировавших счета. Однако ни разрыва, ни санкций не последовало: в 1222 г. король назначил его одним из своих душеприказчиков. Тем не менее при Людовике VIII

¹ Etienne G. La Villeneuve du Temple à Paris aux XIIIe et XIVe siècles // *Études sur l'histoire de Paris et de l'Île-de-France*. Actes du 100e congrès national des Sociétés Savantes, Paris 1975: section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. Paris: Bibliothèque nationale, 1978. T. II. P. 86–99. — Интернет-сайт «La Villeneuve du Temple à Paris».

и Людовике Святом Королевский совет и Счетная палата, постепенно становясь на ноги, потребовали усиления контроля за финансовыми операциями, и Храм был лишен части полномочий. В 1238 г. поступил приказ передавать деньги на ведомство двора непосредственно королю, не отдавая их на хранение и не используя. Многие годы группа клириков время от времени проверяла королевские финансы, а потом, в 1256 г., эта задача была возложена на постоянного уполномоченного — Рауля де Шамбли, в помощь которому вскоре было придано несколько чиновников.

Немилость, которую не без оснований объясняют финансовыми трудностями Филиппа Красивого, приблизило усиление ломбардцев, ставших незаменимыми как специалисты по денежным операциям и как несравненные знатоки бухгалтерской техники¹. Братья Альбиццо и Мушатто, которых после поселения в королевстве флорентинцы стали именовать *dei francesi*, а наши хронисты называли Биш и Муш, уроженцы тосканского городка Сан-Джиминьяно с высокими укрепленными башнями, не принадлежали к какой-либо преуспевающей финансовой компании. Поначалу они были мерзкими ростовщиками, а позже им улыбнулась удача, дав возможность ссужать сперва сеньоров, а потом короля и его приближенных. Эти займы были безвозмездными, но братья компенсировали себе потери, став сборщиками королевского налога и управляющими нескольких имений, где часть доходов они оставляли себе. Несомненно, они еще и спекулировали на монетных курсах, но для людей, столь приблизившихся к власти, это был не более чем мелкий приработок. На службе у короля Филиппа IV, став служащими дворца (*valets de l'hôtel*), они договаривались о займах для него с другими финансистами, платили жалованье капитанам и гарнизонам замков и вносили королевские подати в За-

¹ Сначала они появились в Шампани, где Ренье Акорре, профессиональный ростовщик, стал камергером графа и умело управлял его финансами.

падном Лангедоке. За два года до падения тамплиеров более половины королевских расходов находилось под контролем этих двух тосканцев. Облеченные почестями, получив дипломатические миссии в итальянские города, они окончили жизнь, так и не услышав обвинений ни в каких хищениях, — оба умерли в 1307 г., однако их имущество отошло королевской казне.

Король хотел падения ордена Храма, чтобы наложить руку на его казну, конфисковать его имущество и, более того, чтобы в интересах государства укрепить свою власть и подвести более прочную основу под свое правление. Военные ордены определенно сделались препятствием для развития более уверенной в себе самой, более централизованной и лучше управляемой монархии. Советы, парламент и Счетная палата еще не были хорошо организованы, при формировании их состава дело по-прежнему не обходилось без сомнительных решений и произвола, но эти важные органы государства, уже ориентированного на абсолютизм, не могли потерпеть существования других центров власти.

В 1295 г. Филипп III велел перенести королевскую казну на хранение в замок Лувр. Его сын Филипп Красивый не мог потерпеть, чтобы орден, подчиненный непосредственно Риму, обладал у него в городе огромной властью, располагал значительными финансовыми богатствами и подобием опорного пункта под самыми стенами города. С 1305 г. папой стал француз Климент V, живший у ворот королевства, на другом берегу Роны, в Авиньоне. Падение тамплиеров подготовили памфлеты и слухи, рассчитанные на их дискредитацию и на то, чтобы убедить население в их порочных нравах. Это были низкопробные полицейские операции, что почти не скрывалось: узники, посаженные в тюрьму за недобросовестное кредитование и за отвратительные преступления, рассказывали на допросах своим судьям или сообщали агентам королевского прево о том, что якобы слышали, побывав в каком-либо командорстве, — назвать имен они не могли,

но довольно было и этого. Заговорили о всевозможных мерзостях, прежде всего о сексуальных извращениях, об отречении от Христа и христианской веры.

Приказ арестовать тамплиеров Французского королевства вышел 13 октября 1307 г. Похоже, эффект неожиданности был настолько силен, что мало кто из них успел бежать. Насчитано 138 рыцарей, захваченных в Париже королевскими стражниками во главе с Гильомом де Ногаре, и 94 в остальном королевстве, но это цифры из допросных протоколов, и, судя по всему, арестованных было больше. Примеру французского короля вскоре последовали короли Англии, Арагона и Кастилии. 22 ноября папа Климент V издал буллу, предписавшую распустить орден и поместить его имущество под опеку. Тамплиеров преследовали до самого Кипра, для чего понадобилось более девяти месяцев.

Великий магистр Жак де Моле и еще несколько человек попросили, чтобы их судил церковный суд. Того же во всеуслышание потребовал папа, и его поддержал Парижский университет. Это не смутило Филиппа Красивого — он развернул против Климента V, немолодого и больного, жестокую клеветническую кампанию, приписывая ему даже преступления и проступки и используя те же выражения, какие применял пять лет назад, чтобы убедить собор осудить Бонифация VIII. Узники предстали перед судьями, которые, по меньшей мере некоторые, сами имели за душой старые грехи. Охваченные праведным рвением, они выбрали не менее двух десятков обвинительных статей: преступления против добронравия (содомия, колдовство), отступничество и ересь. *Urbi et orbi* [городу и миру (лат.)] сообщили — и некоторые авторы еще долго это повторяли, — что тамплиеры поклонялись идолу, которого называли Бафомет. А это слово якобы представляло собой искаженное «Магомет», то есть обвинение сводилось к тому, что тамплиеры отступились от своей веры и обратились

в ислам. Судьи, несомненно, не знали, что Мухаммед всегда боролся с культом идолов.

Когда под пыткой у обвиняемых вырвали признания, а потом они от этих признаний отказались, все были осуждены, и 12 или 18 марта 1314 г. Жака де Моле и трех сановников ордена сожгли на костре, сложенном на острове Сите.

Служащие короля: карьеры и опалы

После того как орден Храма был заклеямен позором, а Биш и Муш спокойно умерли своей смертью, король Филипп Красивый и трое его сыновей больше не обращались за помощью ни к ломбардцам, ни к монахам, которые бы хранили казну. Отныне в руки повелителя предавали честь и состояние советники Счетной палаты и сборщики податей и налогов в баляжах и сенешальствах.

Процесс тамплиеров, который считается в своем роде уникальным по концентрации судебного произвола, бесстыдно выставленного напоказ, тем не менее вписывается в длинный ряд судебных дел, которые спровоцировало банкротство государственных финансов. У королей не хватало денег на завоевания в Нормандии и Лангедоке. Вассалы были недостаточно богаты, фиск приносил мало средств; приходилось занимать, а поскольку расплатиться было невозможно, власть не видела иного решения, кроме как отбирать деньги у тех, кто обогатился на королевской службе. Казначей, сборщики податей и пошлин, обреченные на то, что их опозорят в глазах населения, возложив на них вину за долги казны и за рост цен, почти все ходили под дамокловым мечом опалы, а потом несправедливого осуждения, причем некоторые расплачивались жизнью и все до одного — имуществом, конфискованным, чтобы худо-бедно пополнить королевскую казну. Эта жестокая судьба постигала прежде всего мелких дворян или простолюдинов, уроженцев Парижа или Иль-де-Франса, которые при дворе выглядели выскочками. Сначала их богатства

росли с получением каждой новой должности, и их близкие, осыпаемые почестями, уже претендовали на статус, подобающий старинным родам. Некоторым недоставало здравомыслия, чтобы не слишком привлекать к себе внимание. Сохранение милости монарха было трудной задачей, о которой следовало помнить ежеминутно, а удержаться у власти после смерти короля было почти невозможно. Когда после смерти Филиппа Красивого в 1314 г. на престоле менее чем за двадцать лет сменилось четыре короля, каждое счастливое восшествие на трон влекло за собой резкую смену состава служащих на верхних уровнях, и больше всех доставалось финансистам, в том числе высокопоставленным чиновникам. Их положение было опасным, и когда новый обладатель престола спешил изгнать людей, хорошо послуживших покойному предшественнику, это могло обернуться для них трагедией¹.

Клан овернцев, стойкий среди бурь?

Однако от таких опал и таких судов, где сначала осуждали, а потом расследовали, менее часто и менее чувствительно страдали менялы, финансисты и законники, которые умели передавать дела от отца к сыну или племяннику вдалеке от Парижа и от двора, не столь заметные, укрытые от интриг, чуждые борьбе группировок. Это было возможно только при поддержке многочисленной родни и многократных брачных союзов, для этого требовались достаточно твердое здравомыслие, чтобы постоянно вести не слишком вызывающий образ жизни, и амбиции, не идущие дальше приобретения солидных земельных владений.

Три семьи из Ле-Пюи, Сен-Флура и Клермона передавали дела от отца к сыну или племяннику на протяжении трех-четырех поколений. Первый успех семей Гейтов

¹ Вот даты царствования этих королей, которых Морис Дрюон в одной очень талантливой книге назвал «проклятыми королями»: Филипп IV Красивый — 1285–1314; Людовик X Сварливый — 1314–1316; Филипп V — 1316–1322; Карл IV Красивый — 1322–1328.

и Шоша датируется 1260-ми гг., когда Жеро Шоша вступил в Клермоне в тосканскую компанию под руководством Раньери Джакоби, Чепперелло Диотаюти из Прато и братьев Гуиди из Флоренции, выходцев из Муджелло — лена Медичи. Эти семьи прочно обосновались в диоцезе, и епископ Ги де ла Тур дю Пен (ум. 1286) питал к ним столь сильное уважение, что, уезжая надолго, оставлял свои золотые и серебряные сосуды в их сундуках. Через несколько лет Жиль Эйселен, архиепископ Нарбоннский, и Жан, епископ Клермонский, выступая как душеприказчики брата, именно им поручили проверить его счета и ликвидировать наследство. За несколько месяцев реестры долговых обязательств, завещанного имущества и даров, продаж и выплат долгов — все было приведено в порядок, как во Французском королевстве, так и в Риме, где семья Шоша, не держа представителя, сохраняла достаточно хорошие связи, чтобы узнавать всё из писем и от гонцов. В 1304 г. Жеро II Шоша получил от Филиппа Красивого задание убедить коммуны Оверни согласиться заплатить налоги. Поскольку он добился успеха, может быть — вопреки всяким ожиданиям, король сделал его казначеем и позволил купить владения знати. Жеро приобрел сеньорию Сен-Бозир, фьеф, включавший несколько сельских общин и простиравшийся до окрестностей Клермона. Но, побывав советником короля при Людовике X и Филиппе V, сборщиком налогов в Шампани и королевским казначеем, при восшествии на престол Карла IV в 1322 г. он был арестован, заключен в Лувр и, обвиненный в обмане короля, умер под пыткой.

Несколько позже, при Филиппе VI Валуа, этот клан овернцев, в состав которого входили другие Шоша и Гейты, разбогатевшие на левантинской торговле, прочно обосновавшиеся в Нарбонне и Монпелье, объединившиеся с марсельскими негоциантами, превратился в могущественную группу финансистов, сборщиков эда и податей на Юге. Гейт Молодой, казначей сенешальства Тулузы в 1336–1339 гг., нанял нескольких помощников, исключительно

клермонцев, в том числе Дюрана де Рошфора и Бертрана де Лакмёя. Матьё Гейту, казначею сенешальств Каркассона и Безье, помогал тот же Бертран, позже военный казначей в Оверни, при котором служили Жан Буде из Клермона и Жан Шапейрони.

Гильом III Бальбе, потомок другого клермонского рода, сделал карьеру в Париже, снискав такое уважение и доверие короля, что тот в 1336 г. даровал ему дворянство и назначил казначеем вместо Матьё Гейта. Советник Счетной палаты с 1345 г., он был направлен в Лангедок для переговоров о выплате субсидии для войны с англичанами и провел долгие недели в Тулузе, Альби, Каркассоне и Бокере. Из-за реорганизации Счетной палаты аббатами Корби и Сен-Дени он был вынужден на несколько месяцев уйти в отставку. После его возвращения в 1347 г. король послал его в Овернь, чтобы опять-таки попытаться добыть некоторую денежную сумму. В то время как его младший брат Этьен Бальбе делал карьеру папского финансиста, его сын, уже сборщик налогов в Ажене, наследовал ему, а потом поселился в Авиньоне при Клименте VI, продолжая работать на короля как советник, в качестве которого он упоминается в «Журналах казны» по 1347 г.¹

* * *

Видные семейства овернских финансистов и легистов, конечно, пережили немало неприятностей и тоже не раз находились в большой опасности; один из них за немилость заплатил жизнью. Но союзы и клиенты больше века были достаточно сильны, чтобы род из-за этого не угасал, а вскоре снова получал должности и почести, притом что если осуждали людей короля, ни одного их родственника у дел потом не оставалось.

Ангерран де Мариньи, приближенный Юга де Бувиля, камергера Филиппа Красивого, а потом Жанны Наваррской,

¹ *Boudet M. Étude sur les sociétés marchandes et financières au Moyen Âge. Les Gayte et les Chauchat. Paris: Champion, 1915.*

супруги короля, в 1302 г. вошел в число высших коронных чинов и в возрасте сорока двух лет вместе с еще тремя легистами возглавил королевскую администрацию. В 1305 г. он стал председателем Счетной палаты Нормандии и, как говорят, принадлежал к числу тех, кто советовал королю девальвировать монету. Вот уж необоснованные обвинения: король не нуждался в экспертах, чтобы понять, насколько благотворный эффект решительная монетная мутация окажет на его финансы, а именно на возможность платить жалованье чиновникам и капитанам. Прямолинейность и привилегии этого человека вызывали ропот. Его родичи были очень честолюбивы: с интервалом в несколько лет, с 1306 по 1312 г., его сводный брат Филипп де Мариньи стал епископом Камбрейским и позже архиепископом Санским, а Жан, его младший брат, — епископом Санлиским, а потом Бовезийским. Его красивый дворец близ Сен-Жермен-л'Оксерруа достаточно наглядно показывал, что его хозяин умеет пользоваться королевской милостью. Несмотря на все старания Карла Валуа дискредитировать Мариньи, обвиняя в растрате крупных денежных сумм, Филипп Красивый сохранил к нему доверие, назначив хранителем казны и канцлером королевства.

Но после смерти короля в ноябре 1314 г. Ангерран был арестован и отдан под суд. Обвинительный приговор, зачитанный его братом Жаном, который, согласившись стать судьей, тем самым добился прекращения следствия против него самого, содержал почти сорок статей обвинения. Похоже, Людовик X хотел только конфисковать его имущество и выслать его на Кипр, но его советники очень старались погубить Ангеррана: после того как он предъявил многие счета, его обвинили в колдовстве. Отказавшись что-либо говорить на суде, он был приговорен к смерти; его подвергли позорной казни, повесив на виселице Монфокон (30 апреля 1315 г.), где его труп оставался почти два года. Позже на новом процессе, который инициировал Филипп V, его реабилитировали.

Не у всех советников участь была столь же печальной, но все в течение полувека подвергались нападкам завистников и рисковали потерять жизнь и доброе имя. Падение Мариньи повлекло за собой падение его друзей и покровителей, которые не стали свидетельствовать против него или не успели этого сделать. Пьер де Латийи, юрист, ставший клириком, каноник в Суассоне, был назначен коллектором и сборщиком некоторых податей в баляжах Жизор и Санлис. В 1297 г. он распоряжался сбором налогов в Лангедоке и руководил конфискацией имущества у евреев, на которых король наложил штраф. Его называли требовательным, суровым и неуступчивым при взыскании недоимок и безжалостным к беднякам. Король поручил ему несколько дипломатических миссий во Фландрии и в Англии. Это он должен был убедить папу Климента V распустить орден Храма. После смерти Ногаре он стал канцлером Франции, а несколько позже — епископом Шалонским. Когда в 1314 г. Филипп Красивый умер, Карл Валуа добился, чтобы Латийи попал в немилость у короля Людовика X. Его арестовали, посадили в заключение, обвинили в подделке счетов ради своего обогащения и, чтобы помешать ему защититься, заявили, что он отравил короля Филиппа и Жана де Шатовиллена, епископа Шалонского, с целью занять его место. Как служитель церкви он подлежал церковному суду и сумел, затянув следствие, дважды потребовав нового расследования, сохранить себе жизнь. После того как Людовик X в июне 1316 г. умер, а Филипп V не пожелал слушать Карла Валуа, собор, созванный в Санлисе, оправдал Латийи; он вновь занял свой епископский престол и умер в 1328 г., уже не рискуя ни участвовать в финансовых операциях при Карле IV Красивом, ни становиться чиновником его дворца и брать на себя дипломатические миссии¹.

¹ Интернет-сайт: genealogiericher. Raoul de Breuille [http://affinitiz.net/space/genealogiericher/content/_59f4f2b6-e3c7-f788-49ce-5dc7e03a517a]. Три женщины, заподозренные в отравлении епископа Шалонского, были сожжены заживо в Париже.

Пьеру де Реми, казначею короля Карла IV, повезло меньше. Приближенный Людовика X, советник Счетной палаты, ставший казначеем Франции, когда Людовик вззошел на трон, он после смерти повелителя, когда регентом стал Филипп Пуатевинский, был грубо уволен с должности, и его жизнь оказалась под угрозой. Позже Карл IV в первые дни царствования, в январе 1322 г., восстановил его на прежнем высоком посту. Могло показаться, что теперь прекрасное будущее ему обеспечено: король пожаловал ему дворянство, подарил сеньорию Монтины и назначил его сына Жана сборщиком налогов в Шампани, а потом военным казначеем в Гаскони. Реми женился на дочери советника Филиппа Красивого и за несколько лет собрал огромное богатство — несколько больших земельных владений в Иль-де-Франсе и в Ажене, четыре больших дома в Париже. Но смерть короля Карла в 1328 г. означала для него конец. Обвиненный в хищениях крупных денежных сумм, он под пыткой в этом сознался и, как тринадцать лет назад Мариньи, был повешен на Монфоконе. Часть его имущества досталась двум приближенным нового короля Филиппа VI Валуа.

* * *

В течение ста пятидесяти лет, со дня смерти Карла IV Красивого в 1328 г. до смерти Людовика XI в 1481 г., каждый новый король назначал новых руководителей финансов. Карл V окружил себя советниками, которых выбрал сам, чтобы они работали бок о бок с ним. Мы называем их «мармузетами», и вот прекрасный повод разобраться, как слово, никогда не использовавшееся в ту эпоху для обозначения людей, занимающих высокие посты, утвердилось в наших учебниках. Словом «мармузет», возможно, происходившим от «marmot» [мальчуган (*фр.*)], называли тогда уродливых человечков или языческих божков, вырезанных на основаниях, капителях или замковых камнях церковных сводов и на деревянных колоннах одного парижского

дома, так называемого *domus marmoretorum*, который дал имя улице Мармузет¹. Это слово широко употреблялось, сохраняя свое значение несколько веков, но так никогда не именовали никакого политического деятеля². В таком смысле мы его встречаем лишь гораздо позже — его оно приобрело под пером Мишле, в «Истории Франции», начатой в 1831 г. Мишле якобы нашел это слово там, где еще никто не обращал на него внимания, — в кратком отрывке из «Хроники» Фруассара, у которого один из знатных заговорщиков, толкуя о заговоре против Оливье де Клиссона, замечает: как только тот умрет, «со всех мелких мармузетов сдерут шкуру». Лет через пятьдесят это слово подхватили писаки — авторы учебников, охотно ссылавшиеся на Мишле, историка очень неточного, который, не скрывая пристрастности, не находил ничего лучшего, чем собирать анекдоты и дерзкие байки. С тех пор ничего не изменилось: во всей нашей образовательной литературе, от начальной школы до факультетов словесности и общественных наук, Карл V по-прежнему возглавляет славную компанию мармузетов.

Эти люди служили королю подобием политической семьи, спаянной верностью и взаимным доверием, которые так и не поколебались — в 1374 г. король назначил канцлера Бюро де Ла Ривьера своим душеприказчиком. Не все они были выскочками, но у всех были завистники, которые, бессильные им повредить, демонстрировали им презрение. После смерти короля в 1380 г. Карл VI, которому тогда было тринадцать лет, оставил при себе нескольких советников отца, но через десять лет во время его припадков безумия или, скорей, неспособности хорошо править королевством его брат герцог Орлеанский

¹ Эта улица находится на острове Сите и служит продолжением на восток улицы Вьей-Драпри.

² В 1837 г. в «Тайнах братьев Руджери» [О. де Бальзака] астроном при дворе времен Екатерины Медичи говорит о «горбатой беззубой старухе, согнутой и скрюченной, как колдунья (*marmouse*) из сказки» [пер. А. Шадрина].

и дядя, герцоги Беррийский и Бургундский, навязали ему своих людей. Некоторые бывшие советники Карла V, оказавшись в опале и на время попав в тюрьму, все-таки остались в живых: Бюро де Ла Ривьер через несколько лет вышел на свободу; Никола дю Боск, смещенный в 1392 г., через шесть лет, в 1398 г., вновь стал председателем Счетной палаты и хранителем печати, а ушел только в 1400 г., в преклонном возрасте; Пьер ле Бег де Виллен, компаньон Дюгеклена, посаженный в 1392 г. в заключение, освободившись, не вернулся к делам и жил на своих землях. Но Жан де Монтегю, секретарь Карла V, сделавший при Карле VI удивительную карьеру¹, генеральный казначей, великий собиратель имений, строитель внушительного замка Маркуси и монастыря целестинцев, не очень долго сумел оставаться в милости у королевских дядьев. Филипп Храбрый, герцог Бургундский, покровительствовал ему, но после смерти герцога его сын Иоанн Бесстрашный арестовал его в октябре 1407 г. Монтегю обезглавили на городской площади под крики ненависти, доносившиеся из толпы, и его труп, как и трупы нескольких казненных ранее, был выставлен на виселице Монфокон.

Жак Кёр

В 1420 г. король Карл VI лишил сына Карла прав на престол и назначил наследником английского короля Генриха V, супруга своей дочери Екатерины. После того как оба короля в 1422 г. умерли, Генрих V — 30 августа, а Карл VI — 21 октября, Париж и территории, оккупированные англичанами, попали под управление герцога Бедфорда, регента от имени юного Генриха VI, которому едва исполнился год, в то время как сторонники короля Карла VII владели землями к югу от Луары. Этот

¹ Король на свои деньги перестроил усадьбу Этьена Барбетта и отдал ему, добавив изрядный участок земли. Счета Изабо Баварской упоминают серебряную посуду, купленную у менялы Жана Торенна в 1401 г. «на свадьбу дочери Жана де Монтегю».

«буржский королек», которого нам изображают слабым, нерешительным, всеми покинутым, словно бы посаженным на голодный паек, как неоспоримо законный наследник¹ имел на своей стороне Берри, Пуату и Лангедок, более обширные земли и меньше пострадавшие от войны, чем северные, а также, за исключением Парижа, самые крупные и добрые города, источники богатств. Настоящий король Франции, он не жил затворником в мрачных залах Шинонского замка, где, по утверждению историков, его отыскала Жанна д'Арк, — он держал в Бурже блистательный двор, вне всякого сомнения, превосходивший двор англичан в Париже. Финансовые рынки были здесь активней, и немало художников покинуло Париж ради Буржа. Еще до того, как была отвоевана страна и признаны его права (то есть до освобождения Орлеана 8 мая 1429 г. и помазания в Реймсе 17 июля), с самых первых лет его царствования, были вновь упорядочены королевские финансы, оказавшиеся в очень плохом состоянии после войны с англичанами и гражданской войны между арманьяками и бургундцами. Король запретил хождение фальшивых монет, приказав, чтобы монеты, чеканившиеся в Кане и Париже англичанами с открыто провозглашенной целью посеять хаос во Французском королевстве, изымались и отправлялись на переплавку. Это ему в Бурже порекомендовали сделать добрые советники, купцы или менялы, такие как Раван Датчанин, беженец из Руана, и Пьер Годар. В 1426 г. новые монеты с королевским профилем уже чеканились в монетных мастерских Буржа, Шинона, Пуатье и Сен-Пурсена, а в следующем году впервые всплыло имя Жака Кёра, минцмейстера буржской мастерской. Он наследовал Ронсару, деду своей жены Масае, дочери Ламбера де Леоде-

¹ Законы, регламентировавшие наследование престола, ясно указывали, что король не имеет никакого права выбирать себе наследника. Трон должен был переходить старшему сыну или ближайшему родственнику независимо от возраста. Таким образом, дофин Карл был наследником, и Карл VI ни в коем случае не мог лишить его наследства.

пара, королевского прево в Бурже. Он происходил из того же «буржского питомника», сформированного при Иоанне Беррийском, некоторые выходцы из которого уже сделали себе имя, добились положения в обществе и даже дворянских грамот. Как, в частности, Мартен Гуж де Шарпень, который, вступив в клиентелу герцога, стал его казначеем, епископом Шартрским, потом Клермонским, канцлером Берри, а при Карле VII — канцлером Франции. Или как Жан де Камбре, камердинер графа Людовика Фландрского, а потом Иоанна Беррийского: поселившись в Бурже, он женился на девушке из одной из богатейших семей города, и вот один его сын, Жан, стал хлебодаром Карла VII и первым президентом парламента, а другой, Этьен, — каноником в Бурже, епископом Арльским и генеральным контролером финансов Лангедока.

Этих начальников монетных дворов через два года, в 1429 г., обвинили в том, что они, полностью сознавая, что делают, и не пытаясь это скрыть, выпускали либо монеты заниженного веса, либо с заниженным содержанием драгоценного металла, либо то и другое вместе. Король желал, чтобы золотые экю имели пробу в 18 каратов (три четверти драгоценного металла) и чеканились из расчета 70 монет из марки. Они же делали до 80–90 монет из марки, причем из сплава пробой в 14–15 каратов. Таким образом, из марки чистого золота вместо 94 монет у них получалось 120–130. Когда это мошенничество легко удалось разоблачить, проверив несколько «коробок монет» (*boîtes de monnaies*), которые советники Счетной палаты и честные менялы выборочно наполняли из денежных мешков в королевской казне¹, все минцмейстеры были сняты

¹ Пример протокола проверки монет, произведенной в 1428 г., когда хозяевами в Париже были еще англичане (текст был переписан на листочек бумаги шириной 20 см): «Это проверка коробки монет из Руана, денье чистого золота, именуемых салю [салюдор], с гербом Франции и Англии, имеющих курс 21 су 6 денье за монету и чеканившихся из расчета 70 из весовой марки, осуществленная Тома Марселем, ведущим счет оной монете в руке государя нашего

с должностей и приговорены к крупным штрафам, но королевская грамота о помиловании смягчила им наказание, заменив его немедленной выплатой тысячи золотых экю для каждого из виновных. Они подчинились и через несколько месяцев вернулись к чеканке монет, которые стоить больше не стали. Эти мошенники, несомненно, имели высоких покровителей и казались настолько полезными, что судьи не могли или не хотели ничего предпринять против них, бесспорно считая, что таким образом те вознаграждают себя за труд. Раван Датчанин в 1431 г. стал генеральным минцмейстером Франции и остался им до смерти.

Тем временем Жак Кёр держал мастерскую в Бурже, но, через некоторое время снятый с должности, лишившись доверия короля, он отплыл в Левант на судне из Нарбонна. На обратном пути корабль потерпел крушение у побережья Корсики, близ Кальви. На моряков и купцов напал арагонский отряд, который отобрал у них всё, оставив совсем голыми, и держал в плену до выплаты крупного выкупа. Поскольку жители Нарбонна и Монпелье пригрозили отомстить и разорвать все торговые отношения с Барселоной, каталонцы согласились на возмещение ущерба: капитан Жан Видаль получил 2200 ливров, а негоцианты, находившиеся на борту во время этой злополучной авантюры, — от 300 до 400, но Жак Кёр — всего 27 ливров. Это наводит на мысль, что он был не очень удачлив в делах или, что более вероятно, что торговля в восточных странах не была в то время его главным занятием. Из того факта, что он встретил в Дамаске советников герцога Бургундского, посланных осмотреть укрепления турок на Востоке, можно сделать вывод, что он тоже выполнял какую-то диплома-

короля, [за период] с 26 мая 1427 г. по 20 мая 1428 г., при каковой проверке из каждых двухсот золотых денье одно откладывалось в коробку. И имелось в одной коробке 233 монеты из чистого золота, салюдоров... и была означенная коробка вскрыта в присутствии одного Марсея 8 ноября 1428 г... И был найден правильный вес в марках. А пробу каждый салюдор имел 22 карата чистого золота».

тическую или разведывательную миссию. На территории, подвластной королю, он явно обнаружился вновь только в 1436 г., когда, после того как Карл VII наконец помирился с герцогом Бургундским, королевский коннетабль Артюр де Ришмон вступил в Париж. В следующем году Жак Кёр вновь взял в аренду монетную мастерскую в Бурже и стал минцмейстером в Париже.

С 1436 по 1450 г., годы его опалы и судебного процесса, то есть меньше чем за пятнадцать лет, он сколотил громадное состояние, восхищавшее, а потом возмущавшее придворных и советников. Он купил три дома в Лионе, четыре — в Монпелье, сделав из них особняк и склад, и без особых затруднений приобрел в Бурже, далеко от делового центра, несколько участков земли, чтобы построить дворец, не уступавший в пышности дворцам принцев крови. Из его четырех сыновей старший, Раван, работавший при нем, некоторое время прожил во Флоренции; оставаясь в тени отца, он не вызывал особых толков. Но Жоффруа сделал карьеру в высших и главных королевских службах, а потом, в 1463 г., женился на Изабелле Бюро, дочери командующего артиллерией; Анри, декан капитула в Лиможе, стал каноником Сен-Шапель-де-Бурж; Жан, каноник и декан капитула в Пуатье, добился, чтобы в возрасте двадцати двух лет его избрали архиепископом Буржским. Эта должность не была вакантной, и выборы провели под предлогом, что ее обладатель Анри д'Авангур болен, а папа Евгений IV признал их результат только через четыре года. Папа, которого непрестанно упрасивал Карл VII, в конце концов уступил, согласившись сделать исключение из правила, согласно которому архиепископ не мог быть моложе тридцати лет. Тем временем Жак Кёр построил в Буржском соборе новую ризницу, где изваяли его герб и герб его жены; из прежней ризницы он сделал погребальную капеллу для родственников. Пятого ноября 1450 г. Жан торжественно въехал в город Бурж,

и в мрачные дни суда над его отцом папа Николай V неизменно покровительствовал его семье.

Как Жак Кёр, вышедший из «такого ничтожества», смог настолько разбогатеть и обеспечить себе настолько высокое положение в обществе? Долгое время господствовало мнение, что он этого добился при помощи коммерции и обычных операций с деньгами. Некоторые авторы говорят о предприимчивости и врожденной деловой хватке. Однако он ни в чем не проявил себя как умелый негоциант. Нет ни одной счетной книги и ни одного текста иного рода, которые позволили бы оценить природу его сделок или каких-то прибылей. Он никогда не называл себя «купцом», не представлялся в качестве такового, и в текстах, в королевских грамотах, в протоколах, в решениях Совета Монпелье, в материалах допроса свидетелей по его делу его именуют «комиссаром» или «хранителем сокровищницы» короля. Он, как и многие до него, был всего лишь королевским уполномоченным и ради того, чем занимался, не окружал себя негоциантами или финансистами, а для всех своих дел, в том числе для командования «галерами Франции», посылаемыми в Александрию Египетскую, нанимал в Бурже служащих в окружении короля или в собственной клиентеле. Государственные предприятия, которыми он себя посвящал, не требовали ни большого опыта, ни хорошего знакомства с рынками, осторожности и предусмотрительности, потому что он мог тратить деньги королевства без счета. Ему важно было не организовать разумное управление и не получать доходы, а добиться монополии и создать систему, устранив и разорив частных лиц, которые могли бы стать конкурентами. Иначе говоря, организовать государственную экономику.

История, какую в то время писали люди, оплачиваемые королем, уверяет, что Жак Кёр первым в королевстве начал торговать с Левантом. Матьё д'Эскуши в своей «Хронике» пишет, что «на море он держал за свой счет несколько больших кораблей, которые ходили в Барбарю

и до самого Вавилона (Каира) за всевозможным товаром; он ввозил золотую парчу и шелк всех видов и всех цветов». Тома Базен, епископ Лизьё, осмеливается утверждать, что «это он первым из всех французов снарядил и оснастил галеры, которые, груженные шерстяным товаром и другими изделиями французских мастерских, бороздили море до берегов Африки и Востока; и не было тогда в Восточном море иных мачт, кроме тех, что несли флаг с лилией». Всё, что заявляла эта королевская пропаганда, воспевая политические благодеяния своих героев, — преувеличение или ложь. Каждая из двух галер, снаряжаемых ежегодно, могла перевозить самое большее около двухсот тонн товаров, тогда как любой из шести-десяти венецианских и генуэзских нефов мог принять на борт семьсот-восемьсот тонн. Этот маленький флот, очень скромный по сравнению с флотами великих морских народов, никоим образом не содержался «за счет» Жака Кёра. Король купил в Марселе три галеры, уже несколько потрепанные, и дал тысячу экю на постройку еще одной. В качестве командира Жак Кёр сначала пригласил Мишеля Тентюрье, судовладельца и капитана из Монпелье. Но со следующего года он утратил интерес к людям, хорошо знакомым с торговлей и морем, и начал набирать выходцев из Центральной Франции, как легко догадаться, не имевших большого опыта в мореходстве и дальних плаваниях, — Жана де Виллажа из Буржа, женатого на его племяннице Пьеретте, Гильома Жимара, тоже супруга одной из его родственниц, Жана Форе и Гайярде де Ла Фаржа, уроженцев Буржа и близких к Кёру людей. При всех были слуги, только служащие короля, писцы, бравшие с собой деловые бумаги и счета. Экипажи нанимались не в портах Лангедока. Принудительно вербовали безработных простолюдинов и бродяг — ловили по дорогам и силой доставляли на борт. Один ордонанс Карла VII за январь 1447 г. рекомендовал хватать разбойников и маргиналов, людей без господина и без средств,

которых не брали к себе неорганизованные банды рутьеров и которые разоряли окрестности.

Никто не мог ввозить во Францию восточные товары в обход людей короля. Для покупки этих товаров неограниченно ехали со всего королевства в Монпелье, в особняк Жака Кёра, или отправляли приказчиков. Его служащий Эрве Пари поселился в Брюгге и открыл там лавку, в которую его господин от имени короля вложил более пятнадцати тысяч экю. Одна квитанция сообщает о ста упаковках пряностей, вывезенных из Монпелье и доставленных в Брюгге по Регорданской дороге до Сен-Флура, а потом через Орлеан, Париж и Лилль: общая сумма затрат (гузевая перевозка, разные расходы и зарплата) составила 1000 экю, баланс продаж — 5600 экю.

Ходили ли еще в порты Леванта суда, снаряженные, как раньше, жителями Нарбонна или Латта? Можно ли еще было найти в Монпелье свободного человека, который бы вел торговлю по своему усмотрению, соперничая с королевским предприятием? Таких и следа не осталось. Так же как не найти следа финансового участия жителей Лангедока в «галерах Франции» или отправки этими жителями своих товаров на «галерах». Время Жака Кёра стало временем формирования тех «национальных» предприятий, какие приобретут столь большое значение при Людовике XI.

Крупный купец? В его дворце в Бурже не было ни лавки, ни склада. Название «купеческие галереи», данное двум открытым проходам вдоль большого двора, — фантазия в чистом виде, несомненно, пущенная в ход кем-то из историков, которые долго старались представить Жака Кёра деловым человеком. Будучи служащим короля, он должен был это демонстрировать и не допускал, чтобы об этом забывали. У себя во дворце он велел изваять на замковых камнях и на основаниях сводов капеллы герб своего рода, но почетное место принадлежало королю. При входных воротах стояла конная статуя Карла VII в полных доспехах, воздевшего

меч. Вход в большой парадный зал украшали лилии, ирисы и розы, а также большой крылатый олень — символ, который король наследовал от отца.

Всего лишь служащий короля, он не занимал высокой должности, никогда не был советником Счетной палаты или генеральным казначеем королевства. Утверждать, как это делал большой словарь Годафруа 1880 года издания, что «хранитель сокровищницы короля в то время выполнял те же функции, что ныне министр финансов», значит путать этот пост с постом «великого хранителя сокровищницы» (*grand argentier*), введенным только через двести лет. Тексты же того времени именуют Жака Кёра «служащим по сокровищнице» (*commis du fait de l'argenterie*). Это была должность в ведомстве двора, в службе королевского дома.

В 1421 г. он, уже «мастер-шпорник» в Бурже, продал пару шпор дофину Карлу, а немного позже объединился с двумя братьями из этого города, Пьером и Бартомье Годарами, основав компанию «ради всякого товара и даже ради дела короля, монсеньора дофина и других сеньоров». Став хранителем сокровищницы, он снабжал королевский дом и двор шерстяным сукном и шелком, мехами, драгоценностями и пряностями, для чего ежегодно получал от казначеев короля суммы, предназначенные для расходования на эти товары. Он должен был отчитываться перед Палатой, проверявшей его расходы, и его должность, несомненно, была не престижней многих других при дворе, таких, как шталмейстер, кравчий и фурьер. В иерархии почестей он несомненно стоял ниже гофмейстера, капеллана и камергера.

Однако он сумел придать своему посту исключительный блеск. «Лавка» сокровищницы, склад и магазин, сначала находившаяся в Бурже, городе, где располагалась первая резиденция дофина Карла, в 1448 г. была перенесена в Тур, в дом, снятый у одного купца, а потом — в просторное и красивое здание с конюшней и другими пристройками,

которое хранитель купил очень дорого за королевские деньги. Слово «лавка» (*boutique*) не должно сбивать с толку: сокровищница стала большим коммерческим и финансовым предприятием, государственным, которое контролировало огромную сеть снабжения и имело многочисленные филиалы в королевстве. Список, составленный в 1453 г., через два года после падения Жака Кёра, когда снабжение уже прекратилось, оценивает складированные сукно, шкуры и меха более чем в 27 тыс. ливров. Писец потратил на его составление несколько месяцев и перечислил 300 штук шерстяного сукна, в том числе 110 высокого качества, 20 штук шелкового бархата, 24 штуки болонской тафты, несколько сотен шкурок соболя или песца, две богатых шубы из собольих спинок и 34 менее ценных (местная куница, серая белка, белая и черная овчина, горноста́й и лиса).

Для управления таким огромным делом этот агент короля не стал основывать компанию, а ограничивался отдельными акциями, набирая приказчиков или комиссионеров, а в каждом городе — представителей, которые хранили верность, потому что помнили о широком сотрудничестве с ним и оказанных им услугах¹; он брал на службу исключительно уроженцев Берри, вербуя их молодыми. Братья Симон и Гильом, сыновья Рено де Вари, ссудившего крупные суммы королю Карлу VII в самые первые месяцы царствования, отвечали за лавку в Бурже, а потом в Туре, и Симон получил пятьсот экю на покупку должности смо-

¹ «У него было под началом триста представителей, мастеров своего дела, в разных местах, как на море, так и на суше». А другой из современников писал, не в силах сдержать восхищение: «Он вел столь огромное торговое дело, что повсюду в королевстве на свои деньги держал представителей, и среди них было даже несколько таких, которые никогда его не видели». Mathieu de Coussy [d'Escouchy]. *Chronique de 1444 à 1461*; Jacques Du Clerq. *Mémoires de 1448 à 1467 // Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France, avec notices biographiques*, par J.-A.-C. Buchon. Paris: Desrez, 1838. [Panthéon littéraire, 37.]

трителя королевской конюшни. Этьен Маса, выходец из эшевенской семьи Буржа, обучался «работе в сокровищнице» у Гильома де Вари вместе с братьями Вюлькеном и Антуаном Гриньонами, уроженцами Сен-Пурсена. Еще несколько беррийцев — Юрсен Аллегре, Этьен Кайят и Гильом Лаллеман — долго вынуждены были довольствоваться ролью простых слуг. Гильом Трепан «провел с оным Кёром пятнадцать лет или около того, занимаясь разным делом, и ездил вместе с ним по стране, и приучился ему служить, пока в Нанси не приехал король, коему оный Кёр оставил его и велел пребывать в сокровищнице». Хозяин старался их выгодно женить: Гильом Трепан женился на дочери Этьена Мери, родственнице епископа Люсонского, давшего ему пятьсот экю и пообещавшего «предоставить положение и должность, за счет коих тот мог бы жить хорошо и быть в почете».

Ничто не оставлялось на волю случая. Сокровищницу совершенно не интересовали вольные негоцианты. Делая свой выбор и предоставляя заказы, стоившие значительных сумм, она влияла на рынки и на производство сукна, поощряя одних в ущерб другим. Чтобы после войн и разорения страны мастерские и ярмарки королевства могли вновь воспрянуть, за границей закупали мало. Как организатор этой государственной политики Жак Кёр убедил короля издать ордонансы, которые ради борьбы с конкуренцией со стороны сукноделов Руана, еще оккупированного англичанами, изменили уставы для беррийских сукноделов. Его тесть Ламбер де Леодепар возглавлял комиссию, которая насильно навязала сукноделам и купцам новые нормы и правила производства. Если в Артуа, Фландрии и Англии такие правила вырабатывали сами профессиональные ассоциации, гильдии и цехи, совершенно независимые от короля, графа или коммуны, то здесь Жак Кёр вместе с тремя другими королевскими служащими познакомил собрание из тридцати купцов, вынужденных дать согласие, с восемнадцатью статьями,

регламентировавшими качество и происхождение шерсти и красителей, технологию прядения и тканья, периодичность контроля и наказания за мошенничество и брак.

Государственное предприятие? По способу управления и стремлению контролировать рынки — конечно, но он, мошенничая и заключая соглашения и сделки без ведома короля и его советников, сделал из него еще и личный бизнес, приносивший существенные доходы. В 1453 г. прокурор Жан Дове, проверяя его долговые обязательства, выявил, что Жак Кёр, не отражая этого в счетах, продавал сукно и шкуры из турецкой лавки Дюнуа — бастарду Орлеанскому, более чем тридцати сеньорам, рыцарям или оруженосцам, и намного большему количеству бюргеров из Тура, Блуа, Сомюра, Анжера и Ла-Рошели.

Опала, несправедливый и даже незаконный суд, осуждение и иногда смерть — такой еще и при Карле VII, так же как при Филиппе Красивом и его сыновьях, была участь финансистов. Тот, кто их создавал, мог их и уничтожить — либо потому, что они стали неуютны, либо потому, что те, кто им покровительствовал и защищал от всяческих подозрений и посягательств, уже сами вышли из доверия. Карл VII, носивший прозвище «Которому Хорошо Служат», как только его легитимность сделалась вполне признанной и его власть укрепилась, стал безжалостно избавляться от приверженцев, которых первоначально назначил на высшие должности. Он изгонял их, а потом отдавал под специально организованные суды. Причины всех этих процессов, проходивших публично для вящего устрашения, были одними и теми же — желание короля слыть суровым, карать злоупотребления, а также борьба клик за сохранение власти.

Гильом де Шампо, епископ Ланский, отвечавший с 1426 г. за финансы Лангедока, был в 1440 г. обвинен в плохом ведении счетов и снят с должности. Его сменил Жан Барийе де Сенкуан (или Ксенкуан), который в качестве казначея и сборщика денег и в Лангедойле, и в Лангедоке контролировал всё как управленец, сборщик и плательщик.

В 1448 г. его назначили членом Большого совета, а через два года он был обвинен в подделке документов, арестован в Туре 16 октября 1450 г., посажен в тюрьму и вместе с его главным клерком отдан под суд, приговоривший его к конфискации имущества и штрафу в 60 тыс. золотых экю. То же теперь ждало Жака Кёра: Жан де Сенкуан был связан с ним по нескольким делам и был его сообщником, о чем поспешили объявить.

В том же 1450 г. советники короля за несколько недель добились осуждения еще четверых финансовых чиновников: Мартена Ру — сборщика тальи в Оверни, Жака Шаррье — нотариия и секретаря короля, Пьера Годо — ответственного за раскладку и сбор тальи в области Тура и Бертрана де Бово — сеньора Прессиньи. Карл VII приказал также провести следствие по делу Луи де Кюлана, обвиненного в том, что он присвоил жалование своих войск. Ему было трудно оправдаться, и он был бы сурово наказан, оставшись до конца дней в заключении, если бы не вмешались высокопоставленные покровители. Король предоставил ему грамоту о помиловании, и он только потерял должность гофмейстера, уже было пожалованную.

Авторитет Жака Кёра стремительно падал. В 1445 г. Жан Жювеналь дез Юрсен, моралист, старавшийся изобличать злоупотребления и бесчестные деяния, наносившие ущерб общественному благу и губившие королевство, усмотрел в нем «злодея, которого в большей мере следует считать разбойником, нежели тех, что грабят людей в лесу». Он обвинил Кёра в гнусных мошенничествах, творимых в сокровищнице, например, в махинациях с качеством и ценами¹.

¹ Меха, продаваемые как куньи, тогда как на самом деле это были дешевые шкурки; куньи спинки, от которых оставалась половина и часть бока; сбруя, за которую якобы запросили пятнадцать-шестнадцать ливров, а в счет внесли тридцать. *Juvénal des Ursins J. Discours sur la charge de Chancelier // Juvénal des Ursins J. Écrits politiques / publ... par P. S. Lewis et A.-M. Hayez. Paris: C. Klincksieck, 1978–1985. 2 t. V. I. 1978. P. 531–532.*

Так же как многие финансовые агенты на королевской службе, он не получал регулярного жалованья и мог сделать себе состояние, только мошенничая и обманывая. Во времена, когда он пребывал в полном доверии у короля, современники хвалили его доброе поведение и преданность, отнюдь не умалчивали об услугах, оказываемых им короне и королевству, но при этом говорили, что он ловко плутует с монетами, злоупотребляет властью и полномочиями, беззастенчиво путает собственные деньги со средствами из королевской казны. Он разбогател и блистательно выбрался из своего скромного состояния, используя государственные должности. Это наглядно показывает, что в ту эпоху и еще долгое время позже сколотить большое состояние за короткое время нельзя было ни торговлей, ни честными денежными операциями, а только обладая властью.

Как сборщик талы в Лангедоке, он вводил всех в заблуждение насчет курса золотых монет, занимаясь грязными спекуляциями, приносившими ему каждый или почти каждый год двести-триста тысяч монет. Было известно, что он обыкновенно требует, «сверх талы и помимо нее, более крупные денежные средства... и лихоимствует, совершая большие поборы, именуемые в просторечии мздой или подношениями». В 1440–1441 гг. в Монпелье толпа, призывавшая к бунту и громившая дома богатых семей, возлагала ответственность за свое поведение на него.

Он расхищал и растаскивал королевские финансы и делал деньги из всего подряд. Как королевский чиновник, он выставлял на торги откуп пошлин с ярмарок в Пезенасе и Монтаньяке. Имея полномочия на принятие решений, он был не вправе сам участвовать в торгах, но делал это и имел с этого большие барыши — в 1451 г., став «компаньоном» с долей две пятых в одном откупе, он заставил других откупщиков заплатить сверх положенного, тем самым сократив собственный вклад с 3800 до 2300 ливров. Городу Монпелье не повезло, что именно он был «привилегиро-

ванным собеседником» от имени этого города, человеком, которому полагалось доносить до короля жалобы и просьбы горожан. Всякий раз городу это обходилось в двести ливров. О нем ходили темные слухи, и поговаривали, что он имеет обыкновение требовать солидные денежные суммы за услуги, совершаемые от имени короля, не смущаясь, что бросает тень на королевскую администрацию и на честных высоких чиновников. В год, когда готовился брак Жанны, дочери Карла VII, с графом Клермонским, сыном герцога Бурбона, Жак Кёр принял в Шиноне посланников герцога — Лафайета и Канийяка и дал им понять, что ни о чем не будет и речи, если они не согласятся немедленно выплатить две тысячи экю для короля, «чтобы он играл в кости и развлекался на праздники Рождества, которые тогда как раз близились»¹.

Если «дама Фортуна» повернулась к нему спиной, это произошло еще и потому, что он, слишком желая блистать, вызвал чересчур сильную зависть у тех, кто не столь преуспел, а еще большую — у сеньоров, принадлежавших к старинной знати. «Он приобретал города и замки и строил здания, не имевшие себе подобных, вроде его особняка в Бурже; так что зависть к нему не могла не возникнуть, ибо поводов для нее хватало». И еще: «Это был умный и сообразительный, но слишком предприимчивый человек, который, слишком далеко продвинувшись в среду князей и вельмож, хватаясь за все новые откупа, сборы и ссуды, потерпел фиаско, так как не сумел справиться со всем сразу, взял на себя слишком много обязательств и сделался ненавистным для многих».

То, что он получил дворянские грамоты, на самом деле было не столь уж вопиющим фактом. Король на них не скупился, и в число знати вошли также другие люди,

¹ *Actes judiciaires relatifs au procès et à la condamnation de Jacques Cœur* d'après le manuscrit original déposé dans les archives du château de Saint-Fargeau / par J.-A.-C. Buchon. Paris: Desrez, 1838. [Panthéon littéraire, 10.] P. 10.

игравшие куда менее важные роли в политической игре. Но он выбрал себе герб, прославлявший его фамилию (сердце, *sœur*) и достоинства его небесного покровителя, святого Иакова (раковины как символ паломничества в Сантьяго-де-Компостела). Его девиз «Для отважного сердца нет ничего невозможного» слишком уж дышал гордыней и похвальбой тем, чего он достиг. Говорили даже — но это уже во время суда, чтобы крепче пригвоздить его, — что в одном из его домов было то ли высечено на камне, то ли вышито на обоях такое двустиише: «Жак Кёр делает, что хочет, / А король — что может».

Он не упускал случая показать, что занимает самое высокое место, рядом с королем. Когда после тяжелой кампании был взят Руан, в день победоносного вступления Карла VII в город Жак Кёр в камзоле розового бархата, подбитом кунницей, ехал на коне сразу же за графом Дюнуа, первым камергером и сенешалем Пуату. Лафайет, маршал Франции, Гильом дез Юрсен, канцлер, и бальи Руана двигались позади него. Таким образом, «зависть начала атаку на него, и королю было сказано: невозможно, чтобы человек, вышедший из такого ничтожества, как он, мог собрать столько богатств, занимался такой торговлей, как это делал он, покупал земли и сеньории и держал такой большой штат, какой держал он. К этому завистники и недоброжелатели добавили: должно быть, все это делалось на деньги короля, и сказали оному, что довольно и других разумных причин и оснований, чтобы заключить его [Кёра] в тюрьму»¹.

¹ Обо всем вышеприведенном: *Mathieu d'Escouchy*. Chronique / Nouvelle édition... par P. du Fresne de Beaucourt. Paris: Renouard, 1863–1864. P. 282. — П. Клеман: *Clément P.* Jacques Coeur et Charles VII: l'administration, les finances, l'industrie, le commerce, les lettres et les arts au XVe siècle. Paris: Didier, 1866, p. XXVII и XXVIII, излагает мнения Ф. де Бельфоре, историографа Карла VII (*Belleforest F. de*. L'histoire des neuf roys Charles de France. Paris: P. L'Huillier, 1568), Жана Шано (1566) и Бертрана де Жирара дю Айяна (*Du Haillan, Bernard de Girard*. Histoire générale des rois de France depuis Pharamond jusqu'à Charles VII. Paris: P. L'Huillier, 1576).

Его падение, слабо замаскированная политическая операция, было подготовлено и тщательно организовано группой советников и финансистов — выходцев с Севера, из Парижа и Иль-де-Франса, которая желала разогнать обширную сеть чиновников, сформированную при Иоанне Беррийском и в трудные годы царствования Карла VII из уроженцев земель на Луаре. Ими руководило желание рассчитаться; приложили здесь руку и итальянцы — финансисты и ссудодатели, домогавшиеся должностей.

Тридцать первого июля 1451 г. король отдал в Туре приказ арестовать Жака Кёра. Его заключили и судили в замке Пуатье, обвинив для начала в отравлении Агнесы Сорель, фаворитки короля, умершей 9 февраля 1449 г. от скоротечной лихорадки. В этом обвинении не было никакой необходимости, ведь дело рассматривал не суд, а группа из двадцати королевских комиссаров, тщательно подобранных. Во время процесса свидетели, у которых были с ним свои счета или которые желали добиться королевского прощения за дурные дела, обличали и обвиняли его во всевозможных хищениях и мошенничествах, несомненно, преувеличивая их, но для того времени это были довольно заурядные обвинения. Позже свидетелей идентифицировали и выявили, что все они были очень заинтересованы в его осуждении. Одни, крупные должники хранителя сокровищницы, хотели списания своих долгов, другие, более многочисленные, желали угодить королю, чтобы он простил им тяжелые преступления или измены. К числу наиболее заинтересованных принадлежал Антуан де Шабанн, в 1432 г. — балый в Труа, а через пять лет — атаман разбойников, главарь банды «живодеров». Примкнув к королю, женившись на наследнице, брак с которой сделал его графом де Даммартемом, он во время Прагерии, мятежа знати против Карла VII, преследовал дофина Людовика.

Судовладельцы и негоцианты Монпелье жаловались, что организация «галер Франции» и монополия на пряности их разорили, и горели желанием расквитаться. Подали также

голоса, еще более яростно стараясь его погубить, отъявленные проходимцы, которых сыновья Жака Кёра называли «заклятыми врагами отца, подкупавшими распутных, бесчестных и подлых свидетелей». Это были братья Пьер и Отто Кастеллани, ломбардцы из Флоренции, поселившиеся в Монпелье и Туре; еще один ломбардец, Джакопо Медичи, сборщик в диоцезе Ош; Лоренцо Червелли, имевший в Монпелье дом рядом с домом хранителя сокровищницы; Этьен Манне, приказчик в турецкой лавке, которого хозяин прогнал, обвинив в краже сукна.

Королевский Совет отверг ходатайства обвиняемого, заявившего, что как духовное лицо он подлежит только церковному суду. Почти через два года после ареста, по окончании процесса, был составлен обвинительный протокол, «занимавший шесть толстых книг и несколько документов, общим весом едва ли не с груз вьючной лошади, и три четверти бумаг там были ни к чему». Двадцать девятого мая 1453 г. Жака Кёра приговорили к смерти и конфискации имущества. Он принес публичное покаяние, на коленях, с зажженной свечой в руке, и ему смягчили приговор, заменив на пожизненное заключение и штраф в тысячу золотых экю. В октябре 1454 г. он совершил побег из замка Пуатье, где его держали под заключением, нашел убежище в небольшой церкви на берегах Эндра, потом — в Лиможе, откуда, по-прежнему ускользая от хорошо организованной погони, бежал в Бокер и, хоть агенты короля держали его под плотным наблюдением, пересек ночью на лодочке Рону и достиг Прованса. Король Рене отказался выдавать его, но не мог его охранять, и беглец отправился в Рим, где папа Николай V принял его как знатную особу и велел своим медикам позаботиться о нем. Апостолическая палата поручила ему собрать десятину на крестовый поход против турок. Одиннадцатого июня 1456 г. он покинул Чивитавеккью на борту корабля папского флота, заболел и, ослабев от горячки, умер на Хиосе 25 ноября того же года.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ: НЕУДАЧИ

Во Французском королевстве многие города сами управляли своими финансами. Они собирали подати, сами составляли себе бюджеты и брали на себя общественные расходы. Почти повсюду это приводило к разорениям. Хотя налоги, в частности, на основные продукты питания, становились все тяжелей, долги накапливались, и казна этих вольных коммун вскоре приходила в серьезное расстройство. Ответственные лица, сталкиваясь с сильным недовольством горожан, обращались к королю, который, чтобы вновь взять эти города в свои руки, посылал в них опытных следователей и комиссаров. Таким образом несколько коммун снова оказались под властью королевских чиновников: с 1318 г. — Санс, с 1319 г. — Компьень, с 1320 г. — Мелён, а потом Суассон, Санлис и Провен. В последнем городе по вопросу, следует ли сохранить муниципальную администрацию или перейти под руку короля, организовали голосование; протокол этого голосования перечисляет в целом 2701 участника (в том числе 350 женщин), и в его ходе за коммуну было подано 156 голосов, а за короля — 2545.

По-настоящему существенными такие перемены во власти были только в Иль-де-Франсе и Пикардии. Однако некоторые города королевства, особенно во Фландрии, сумели кое-как сохранить административную и финансовую автономию, поручив управление своими доходами и денежными средствами особым органам — цеховым ассоциациям, религиозным братствам, благотворительным учреждениям, приходским старостам, которые умели свести баланс и на этом остановиться, не совершая необдуманных трат, воздерживаясь от займов и, главное, не повышая налогов.

В Лилле постепенно возникло, а потом укрепилось тесное сотрудничество эшевенов с деловыми людьми — настолько тесное, что счета города почти неизменно вела

«гильдия ганзы», которая, может быть, только одна и была способна обеспечить хорошую собираемость налогов и настоящий учет. В Турне, в области Эно, организация «Милосердие святого Христофора» (*Charité Saint-Christophe*) во главе с пятью избранными *мажорами* (*majores*) и эсвардёрами (*eswardeurs*), которые контролировали качество сукна, производимого мастерскими пяти городских приходов, хранила муниципальную казну, следила за использованием общественных денег и собирала пошлину-тонльё. Со временем ее власть усиливалась, и счета, заботливо хранящиеся с 1240 г., показывают, что эти правители собирали также талью и от имени эшевенов занимали у аррасских финансистов денежные суммы, регулярно расплачиваясь результатами поборов — пошлин с вин Франции, Ла-Рошели и Гаскони и более высоких, с ячменного пива и с гондабля (плохого пива). Им доверяли хранение монет, собранных благотворительными заведениями, которые опекали горняков и сирот. Эти *мажоры*, выступавшие в качестве подрядчиков при ремонте городских стен и дозорной башни, часто подменяли коммунальную администрацию и держали представителей в нескольких городах, представляя ее в суде, и уполномоченных в Париже, в Реймсе при архиепископе и в Риме¹. Всего за год их конные гонцы (*chevaucheurs*) совершили более ста поездок по Фландрии или по Эно, в Амьен, Кёльн и Париж.

Независимым городам Италии, даже процветавшим, крупным рынкам или финансовым центрам, разбогатевшим на обмене и ростовщичестве, где власть повсюду находилась в руках олигархов, поднаторевших в искусстве бизнеса, все равно не хватало средств на их всё более значительные затраты. Эти добрые города, которые мы любим называть «торговыми» и «мирными гаванями», прибежища для беглецов и для несчастных, разорвались из-за войн — сначала между

¹ Verriest L. La "Charité Saint-Christophe" et ses comptes au XIIIe siècle // *Bulletin de la Commission royale d'histoire*. 73 (1904). P. 143–267.

лигами гибеллинов и гвельфов, а потом не менее ожесточенных войн, которые велись во имя захвата территорий, раздвигания границ *контадо* и строительства государства за счет соседей. От их коммунальных ополчений больше не было толку, и они задорого нанимали военачальников, кондотьеров, капитанов-авантюристов и младших отпрысков княжеских родов. В каждом городе заседания коммунального совета очень часто открывались одними и теми же словами дожа или гонфалоньера: «Синьоры, в казне больше нет ни сольдо».

Дорожа свободой, недавно дорого приобретенной, они не хотели позволять ростовщикам из других мест управлять их финансами и собирать для них налоги. Нужно было либо передавать руководство финансами и сбор некоторых податей в более умелые руки, чем у совета, часто выказывавшего некомпетентность, либо без меры наращивать государственный долг, все чаще беря все более крупные займы.

Жители Пистойи, города, расположенного недалеко от Флоренции, в 866 г. посвятили одну из церквей «за стенами» святому Иакову, защитившему город от нападения сарацин. С тех пор горожане сохраняли тесные связи с Галисией и ежегодно устраивали паломничество в Компостелу. В 1150 г. епископ Атто, уроженец Бадахоса в Эстремадуре, приобрел реликвию апостола и заказал ковчежец, ставший богатейшей драгоценностью соборной сокровищницы. Организация «Дело святого Иакова» (*Opera di San Jacopo*), основанная для строительства и украшения капеллы под эту реликвию, наняла двух служащих, чтобы охранять ее, и постепенно коммуна доверила ей хранить свое ценное имущество и протоколы своих заседаний. На праздник святого Иакова 25 июля собиралась такая толпа во главе с магистратами и советниками, консулами и главными мастерами цехов, а также послами некоторых городов Тосканы и Умбрии, что *opera* назначила десять приставов для поддержания порядка и оказания помощи

мужчинам и женщинам, пострадавшим в давке. «Дело» на свои деньги содержало больницы, давало девушкам приданое, студентам — ссуды, помогало паломникам, ходившим в Рим и Компостелу, и раздавало беднякам одежду. Немного позже хранители святого Иакова стали контролировать финансы города, а потом управлять ими; они собирали некоторые подати и от имени коммуны укрепляли городскую стену, а также, мешая спекулянтам наживаться в голодные годы, закупали зерно.

Члены городского управления Сиены, города — соперника Флоренции, уступили руководство своими финансами обществу «Монте¹ деи Паски». Сначала это было объединение скотоводов, взявшееся охранять своих овец и пастбища (*paschi*) в тосканской Маремме, следить за состоянием скота и руна и выгодно продавать шерсть². Эта «Монте», совершенно непричастная к раздорам партий или семейств, губившим город, так пеклась о справедливости и так строго распоряжалась муниципальными денежными поступлениями, что ей доверили управлять коммунальными финансами. Ее счета, тщательно переписанные, чтобы ее честность не вызывала никаких сомнений, ежегодно публиковались в книгах, деревянная обложка первой из которых была украшена изображением Мадонны Милующей работы художника

¹ Слово *monte*, столь часто использовавшееся в Италии в ту эпоху, непереводимо. Можно считать, что оно, применявшееся по самым разным поводам, означало совокупный капитал либо задолженность финансовой организации, которую основали коммуна или общественный орган, действующий от ее имени.

² Эти общества самообороны, конечно, многочисленные в то время, объединяли людей, желавших защитить свое имущество от разбойников и прочих злодеев. Самое знаменитое было, вне всякого сомнения, основано в области Толедо для защиты ульев от воров; оно расширилось на другие территории, включило в себя другие сферы деятельности, набрало настоящие вооруженные силы, стало бросать преступников в тюрьмы и в XV в. превратилось в «Святую Эрмандату», способную навязать свой закон и порядок всей Кастилии и отдавать виновных под собственные суды.

Бенвенуто дель Гуаста¹. Впоследствии на обложке каждый год писали сцены, изображавшие разные моменты из жизни деловых людей и ремесленников города. Для историка этот набор рисунков имеет мало равных и, вне всякого сомнения, более аутентичен, чем знаменитые сцены «Война» и «Мир» работы Амброджо Лоренцетти, написанные на стенах большого зала Дворца коммуны. «Монте» взяла на себя управление городскими финансами и с 1520 г. разместилась в великолепном дворце семейства Салимбени, где ее офис находится и по сей день: она стала банком, но по-прежнему поддерживает множество социальных учреждений и достойных культурных акций, в частности, публикацию работ по экономической истории, которые без нее, может быть, не нашли бы издателя.

УПРАВЛЕНИЕ ДОЛГОМ: ЗАЙМЫ И УХИЩРЕНИЯ

К спасению в таких формах прибегали немногие. В большинстве городов не видели иного выхода, кроме как выпускать займы, и всё чаще. Но в то время подписчики на заем не довольствовались каким бы то ни было обещанием государства погасить его в более или менее отдаленный срок, а каждый год выплачивать проценты. Они желали солидных гарантий и получали их. При осуществлении любой операции держатели новых государственных облигаций объединялись в общество, управляемое избранными делегатами, которые, чтобы платить каждому причитающиеся проценты, взимали одну или несколько пошлин и податей, право сбора которых уступала им коммуна. Эти облигации, которые называли «luoghi» [букв. «места» (*ит.*)], можно было дробить, продавать или закладывать.

¹ Родился в Сиене в 1470 г., умер в 1524 г., автор картин на светские («Суд Париса») и религиозные сюжеты («Святой Иероним в пустыне», «Смерть Екатерины Сиенской»). [Это биографические данные не Бенвенуто дель Гуаста, а Джироламо ди Бенвенуто, его сына (*прим. перев.*).]

С годами этих займов оказывалось так много, все они так отличались друг от друга, а *luoghi* и проценты стоили настолько по-разному, что ориентироваться на рынке ценных бумаг становилось все трудней. В конечном счете раньше или позже, более или менее успешно, все эти задолженности волевым решением объединяли в единую массу, которой ведала, как тогда говорили, «монте», то есть общество, дававшее право на получение одинаковых процентов по всем облигациям.

Организация и формы управления этих «монте», которые обнаруживаются почти во всех городах Центральной и Северной Италии, были настолько сложны и так варьировались в разных городах, что долго не привлекали внимания историков, ломавших головы прежде всего над разными и многочисленными механизмами и пружинами политической игры, разобраться в которой было уже трудно. Но теперь мы можем оценить их значимость, хотя бы для крупнейших городов.

Венеция, очень рано взявшаяся завоевывать себе колониальную империю на Востоке и одновременно «терраферму», чтобы государство имело достойные размеры, одной из самых первых, несомненно, собрала государственные долги воедино. В 1262 г. все займы были объединены в одну «монте». Но поскольку выпускались все новые займы, то через два века, в 1482 г., создали «Монте Нуово», а в 1509 г. — «Монте Нуовиссимо».

Во Флоренции первую консолидацию долга провели только в середине XIV в., во время войн с Сиеной и Луккой: за четыре года, с 1343 по 1347 г., многочисленные ценные бумаги, *prestanze* и *accatti*, собрали под эгиду «Монте комуне», облигации которой, *luoghi di monte*, давали право на получение 5% годовых¹. Едва возникло это общество, тут же на свет появились другие, которые

¹ *Armstrong L.D.* Usury and public debt in Early Renaissance Florence: Lorenzo Ridolfi on the 'Monte Comune'. Toronto (Ont.): Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2003.

под займы, соответствовавшие все более насущным нуждам, предлагали самые выгодные условия, — как «Монте ин дуэ» в 1358 г., а позже другое, названное «Монте ин тре», в книги которых, регистрировавшие подписку на заем, записывали суммы соответственно вдвое и втрое больше реально вложенных¹. В 1378 г. город Флоренция должен был управлять пятью «монте», суммарный капитал которых превышал миллион флоринов, а долг только рос — всякий раз, когда город брал на жалованье крупный отряд наемников. Финансовые агенты принимали в год от 250 тыс. до 280 тыс. флоринов. В мирное время это позволяло почти сбалансировать бюджет. Но в 1402 г. коммуна, сверх обычных 166 тыс. флоринов на проценты с государственного долга, потратила еще более 600 тыс. флоринов на «кондотту» — договор, подписанный с одним капитаном. Бюджетный дефицит, в другие годы не превышавший нескольких десятков тысяч флоринов, вырос более чем до пятисот тысяч, и эта сумма была покрыта новым займом.

Курс *luoghi*, всегда отличавшийся от номинальной стоимости, не прекращал колебаться в зависимости от спроса и предложения, и торговлю ими на городской площади немедленно взяли под контроль своего рода биржевики и спекулянты. Владельцы, вынужденные продавать облигации, чтобы сделать покупки для дома и расплатиться с долгами, уступали их за хорошую цену, и понемногу во Флоренции, как и в Венеции, бо́льшая часть государственных долговых обязательств попала в руки некой аристократии финансистов, менял и ростовщиков. Как на всех рынках ценных бумаг, частные лица или компании, срочно образуемые

¹ Интернет-сайт: Sistema Informatico Archivio di Stato di Firenze. Repubblica fiorentina, Monte comune (1343–1530). [http://www.archiviodistato.firenze.it/siasfi/cgi-bin/RSOLSearchSiasfi.pl?_op=getsprod&id=IFDB1327XX&_language=ita&_selectbycompilationdate=SI&curwin=thirdwindow]. [Эти фонды, Монте «двойки» и Монте «тройки», предлагали благодаря этому вдвое и втрое большие проценты по сравнению с «Монте комуне» (*прим. перев.*).]

с конкретной целью, играли на повышение, скупая их, чтобы перепродать дороже.

Однако «Монте комуне», которую один современник назвал «бьющимся сердцем нашего города, стражем наших денежных крепостей и несокрушимым королем государства», играла свою роль и в социальной сфере. Во Флоренции великодушные горожане покупали облигации и записывали на свое имя, блокируя их с запретом продавать, а проценты направляя в пользу больницы «Приют невинных», принимавшей брошенных детей, или на приданое бедным девушкам¹. Тот же дух милосердия и социальной помощи был присущ и «Монте делле доти» [Горе приданных], основанной в 1435 г., во время войны с Миланом. Отец девочки при ее рождении вкладывал туда капитал в размере не менее шестидесяти флоринов, а потом добавлял новые суммы, когда ей исполнялось пять, семь, одиннадцать и пятнадцать лет. Проценты, неотчуждаемые и заблокированные, с каждым годом увеличивали капитал, и когда девушка в назначенном заранее возрасте выходила замуж, эта сумма в качестве приданого доставалась мужу². Если девушка умирала или уходила в монастырь, родители получали только вложенный капитал, а проценты отходили коммуне. Эта «Монте» давала более высокий доход, чем коммунальная, и в течение XV в. в нее записали более двадцати тысяч девушек³. В ту же эпоху «Монте маскулорум»

¹ *Gavitt Ph.* Charity and children in Renaissance Florence: the Ospedale degli innocenti, 1410–1536. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1990.

² Однако в 1475 г., когда коммуна приблизилась к полному краху, решили, что муж будет получать только 20% наличными, а остальное останется на кредите счета «Монте» еще на три года. В дальнейшем последние выплаты совершались все позже.

³ *Kirschner J.* The morning after: collecting Monte dowries in Renaissance Florence // *From Florence to the Mediterranean and beyond: essays in honour of Anthony Molho* / ed. by D. Ramada Curto. Firenze: Olschki, 2009. 3 v. V. 1. P. 29–61. — *Kirschner J.* Pursuing honor while avoiding sin: the Monte delle doti of Florence. Milano: A. Giuffrè, 1978. Для другого города: *Chabot I., Fornasari M.* L'economia della

гарантировала молодым людям, что в году, в котором они вступят в деловой мир, она им передаст капитал, который они смогут вложить в коммерческое общество или в мореходное предприятие. В случае кончины молодого человека половина капитализированной суммы отходила наследникам, а другая — родителям.

«КАЗА ДИ САН-ДЖОРДЖО»

В Генуе первые ассоциации кредиторов государства назывались «сотреге» [букв. «покупки»]¹. К концу XIV в. их стало так много, что никто бы не мог точно сосчитать количество ценных бумаг, *luoghi*, покупавшихся и продававшихся каждый день на городской площади. В 1407 г. насчитывалось более тридцати «компер», когда маршал Бусико, наместник города от имени французского короля, решил объединить их в одно учреждение, которое было названо «Компере ди Сан-Джорджо» в честь святого Георгия, покровителя города. Он издал постановление о слиянии крупнейших обществ и, чтобы унифицировать стоимость облигаций и упростить возможное погашение долга, предписал, чтобы все *luoghi* стоили по сто лир и приносили 7% годовых. Хотя было нанято много нотариев и писцов, группе финансистов понадобился почти век, чтобы за четыре-пять этапов добиться полной инкорпорации всех компаний. «Компера Капитули», одна из старейших, объединявшая очень богатых купцов, просуществовала долго, наращивая капитал из года в год, получив контроль даже над *цеккой* — монетной мастерской, а потом право собирать немалое количество податей: это были пошлины, которыми облагались сукно, оливковое

carità: le doti del Monte di pietà di Bologna, secoli 16.–20. Bologna: Il mulino, 1997.

¹ От глагола «сотрепе» [«comprare»?]: участники их купили по несколько государственных долговых обязательств.

масло, пенька, производство бумаги. Окончательно упразднили ее только в 1454 г.

По-настоящему улажено ничего не было: коммуна, чем способствовать росту капитала под управлением Сан-Джорджо, предпочитала выпускать отдельные займы, отчего появлялись новые общества кредиторов. Когда в 1445 г. моряки или негоцианты с судна, снаряженного в Генуе, захватили на Родосе имущество мавританских купцов, эмир Гранады приказал конфисковать всё, чем генуэзцы владели в его эмирате, — недвижимость, нефы, товары и долговые обязательства. Потери были оценены почти в 40 тыс. лир, не считая сумм, которые пришлось потратить, чтобы не допустить новых репрессий, и не считая представительских расходов. Коммуна, неспособная или не слишком желавшая платить из своих денег, через шесть лет выпустила заем — двести облигаций по сто лир каждая. Через десять дней была учреждена «Компера Гранате»¹, получившая право собирать *dricetus Granate* — 1,25%-ный налог с торговли с Гранадским эмиратом, а право взять эту подать на откуп выставлялось на торги на городской площади раз в три года. «Старейшины», или «протекторы», этой *комперы* осуществляли строгий контроль за торговыми операциями, опрашивая шкиперов и судовых писцов, чтобы конфисковать товары контрабандистов. Они решили платить держателю каждой облигации 7% годовых, а излишек прибыли должен был использоваться для компенсации части потерь, потому что, как

¹ Эта компания взята здесь в качестве примера как одна из немногих, для которой благодаря превосходно сохранившейся документации: протоколу первого собрания, протоколам совещаний, бухгалтерским книгам — можно хорошо изучить возникновение, функционирование, узнать имена участников. Ср.: Heers J. Le Royaume de Grenade et la politique marchande de Gênes en Occident (XVe siècle) // *Moyen Âge*. 63 (1957). P. 87–121.

всегда в подобных случаях, существовала надежда на более или менее скорое погашение долга¹.

Эта *компера*, хорошо управлявшаяся, регулярно выплачивавшая проценты всем участникам, тем не менее постановлением коммуны была включена в состав «Казы ди Сан-Джорджо», руководство которой стало для генуэзцев совершенным образцом хорошей администрации: восемь «прокураторов и протекторов» назначали служащих, писцов и приказчиков, в частности, консулов, ведавших отдачей налогов на откуп, цензоров, проверявших счета, и управляющих филиалами и колониями, которые уступила коммуна. Состав руководства обновлялся каждый год, но нередко явно происходила кооптация, поскольку с интервалом всего в несколько лет повторяются одни и те же фамилии; однако при этом следили за сохранением постоянной пропорции представительства «нобилей» и «пополаров», а в отношении партий — «белых» и «черных». Благодаря репутации честных и строгих администраторов, какую имели эти люди, с ними консультировались по делам, для которых, казалось бы, их компетенция не была столь необходимой: в 1454 г. коммуна, желая навязать женским монастырям более строгие правила поведения, назначила ведомство из трех «честных женщин» и трех протекторов Сан-Джорджо.

В 1449 г., счета за который уже хорошо известны, капитал (*massa*) еще составлял всего 6300 лир, но он стал угрожающе расти в трудные годы, когда город был вынужден выпускать новые займы. В 1453 г. он уже достиг полумиллиона лир, а в 1471 г. превысил четыре миллиона. После нескольких лет спокойствия, когда финансы

¹ На самом деле выплаты компенсации происходили очень медленно, и компании при таких темпах пришлось бы просуществовать больше века, если бы через 21 год один милосердный горожанин не погасил весь долг, положив в Сан-Джорджо крупную сумму: этот капитал, замороженный, подлежал использованию для погашения долга несколько мелких *компер*. О такой практике, называемой «мольтипликати», см. ниже, с. 309???

контролировались лучше, в результате новых займов стали регистрироваться, иногда чаще, чем раз в год, сотни тысяч новых облигаций. В 1515 г. к *primum debitum* в 6 600 000 лир писцы добавили деньги новых участников, записавшихся за десять последних лет, на общую сумму в 16 800 000 лир, что в итоге составило 23 400 000 лир.

Один документ за 1457 г., где не упоминаются ни пошлины на продукты питания, ни налоги, которые нельзя определить иначе, кроме как по фамилии тогдашнего откупщика, тем не менее перечисляет 55 податей, какие взимала «Каза ди Сан-Джорджо». В 1454 г. благодаря конверсии «Комперы салис» она получила монополию на торговлю солью. Ее агенты преследовали контрабандистов, контролировали прибытие кораблей из Прованса или с Ибицы, следили за оценкой количества и хранением соли на огромных складах, вели переговоры о продажах с заальпийскими монархами и городами, договаривались с *muletiers* — водителями караванов в несколько сот животных, каждое из которых несло груз почти в сто пятьдесят килограммов. В 1450 г. коммуна отказалась управлять морской таможней и взимать таможенную пошлину, и Дворец моря стал дворцом Сан-Джорджо — красивой и горделивой постройкой, которую, поскольку она стояла на *riva* [набережной], одной из первых видели мореплаватели и купцы, пришедшие из открытого моря и уже впечатленные силуэтом высокого маяка, «Лантерны», ставшего для них первым образом гордого и сурового города. Этот финансовый орган, располагавший своими полицией и галерным флотом для надзора за торговлей на суше и на море, совершенно независимый от органов муниципальных, стал и могучей колониальной властью, подменив *Officium Gazariae*¹ коммуны. В 1447 г. государство доверило ему на двадцать девять лет управле-

¹ Этот орган, управлявший генуэзскими колониями в Средиземном море, своим названием обязан слову «Газария», каким генуэзские нотариусы и счетные книги именовали тогда фактории на Черном море, в частности, Кафу и зависимые от нее земли на Крымском полуострове.

нием Кипром в обмен на обязательство потратить десять тысяч лир, чтобы освоить остров, поселив там колонистов и ремесленников, набранных в селениях обеих лигурийских Ривьер. Через шесть лет ему достались фактории в Черном море, оказавшиеся под турецкой угрозой, а еще через несколько месяцев — Корсика.

НОВЫЕ МОНЕТЫ

Рынок ценных бумаг в Генуе, и прежде очень оживленный, приобрел более сложную структуру и иные масштабы, когда облигации «Казы ди Сан-Джорджо» стали регулярно выбрасывать на этот рынок, продавать и закладывать. Из года в год, без резких изменений, продаж производилось более чем на полмиллиона лир. Курс колебался каждый день, и бумаги продавались либо непосредственно частными лицами, либо через торговые конторы, собиравшие платежные поручения. Продажа и покупка облигаций стали настолько обычным делом, что генуэзцы любого социального положения, даже невысокого, использовали их как монету, расплачиваясь с долгами. Некоторые дельцы сделали постоянным источником дохода спекуляцию на них. Бенедетто ди Санто Стефано, нотариус, державший скамью близ монастыря бенедиктинцев, в предместье, населенном беднотой, и служивший в канцелярии «Казы», занимал очень удобное положение, чтобы следить за переменами на рынке и оценивать, откуда дует ветер. У себя в тетради он изо дня в день записывал все свои финансовые операции, покупки, продажи, в том числе в кредит, даты и цены, назначаемые заранее¹. Возникали и финансовые компании с единственной целью спекулировать на колебаниях курса. В ноябре 1458 г. тридцать генуэзцев собрали огромную сумму в 170 тыс. лир, равноценную 83 600 золотых дукатов, и купили сразу 3740 долговых обязательств. Некоторые из

¹ *Archivio di Stato di Genova*. 37:40, *gabella carne*, №1230, 1462 г.

них, уповая на успех, заняли большие денежные суммы, чтобы стать пайщиками этой компании. Но это дело, за перипетиями которого несложно проследить по книгам, какие вели управляющие компанией, не принесло ожидаемых результатов. Правда, момент был выбран удачно, как раз когда курс ценной бумаги составлял 48 лир генуэзской монетой, то есть находился на минимуме кривой, но подъем пошел медленно — через четыре года эта цена достигла 60 лир, то есть прибыль составляла немногим менее 7% в год. Фактически, кроме нескольких по-настоящему исключительных случаев, за год курс менялся мало, не более чем на две-три лиры. Зато эти облигации были надежными: ни государство, ни крупные финансисты не могли повлиять на рынок, чтобы поднять или сбить цены¹.

В 1460-е гг. «Каза ди Сан-Джорджо» ежегодно выплачивала в качестве процентов держателям облигаций около 300 тыс. ливров, то есть 140 тыс. дукатов, тогда как прямой налог на доходы с движимого имущества, получаемый коммуной, в тот период был менее 50 тыс. ливров, а налог на земельные владения, *gabella possessionum*, — всего 13 тыс. ливров. Первоначальные 7% сократились с 1420 г. до 5,25%, а впоследствии неизменно колебались между 4 и 3%². Эти проценты, называемые *proventi* [букв. «дохо-

¹ При изучении ситуации в 1450–1470-х гг., хоть этот период отмечен тяжелыми политическими конфликтами в городе и проблемами с сохранением восточных факторий, удалось обнаружить только одну очень удачную спекуляцию: в 1463 г. одна из финансовых компаний перепродала по 33 лиры облигации, купленные годом раньше по 24 лиры, что принесло ей прибыль 37%. См.: Sayous A. — É. Un marché de valeurs au XIIIe siècle: la «Compere salis» de Gênes // *Annales d'histoire économique et sociale*. 4 (1932). P. 70–73.

² Самое меньшее, что можно сказать по этому поводу, — что рассчитать эти проценты было непросто, а в большинстве случаев настолько трудно, что сегодня мы бы сочли такой расчет невозможным без помощи вычислительной техники. Капитал, состоящий из начального взноса и ежегодных процентов, выражался с годами все более сложным набором лир, сольдо и денаро. Деньги, набегавшие в каждом году, здесь для понятности указаны в процентах, как в наше время, но в ту эпоху проценты всегда обозначались

ды»] или *paghe* [букв. «выплаты»], добавлялись к капиталу сначала четырежды в год: в феврале, мае, августе и ноябре, потом всего раз в год, а в следующие годы случались все более долгие просрочки — до трех, четырех или пяти лет. Тем не менее *paghe*, не выплаченные в данном году, оставались собственностью держателя облигации. Каждый год их сумму вносили в специальный реестр, называемый *cartularium pagarum*, и эта запись сохранялась до реальной выплаты, которая произойдет через три, четыре или пять лет. Любой мог пользоваться ими как монетами, продавать, чтобы оплатить покупку, или закладывать. Поэтому торговля такими *lire di paghe* [«лирами, положенными к выплате»] происходила на рынке ценных бумаг, причем в каждой бумаге указывалась дата предстоящего платежа, и по мере его приближения курс рос¹. Каждая операция по продаже записывалась в реестр данного года, и агент перечислял эту сумму с одного счета на другой. Такие картулярии *paghe* [выплат] насчитывали более чем по тысяче листов, и ежегодное количество продаж можно оценить более чем в десять тысяч на общую сумму, эквивалентную нескольким тысячам золотых дукатов. У братьев Чентурионе, генуэзских финансистов и союзников Медичи, одни только такие перечисления со счета на счет (*giri di partite*) занимают

по-другому — в лирах и сольдо с лиры в год. Как можно было, например, в 1461 г. при «проценте», равном 3 лирам 17 сольдо со 100 лир, рассчитать доход с суммы 300 лир 12 сольдо 5 денаро? А ведь в каждом году такие расчеты должны были производиться сотнями. Вот почему меж страниц реестров еще иногда находят забытые там таблицы, которые должны были мало-мальски облегчать работу расчетчиков.

¹ Этот рынок был удивительно богатым и разнообразным, и сегодня трудно представить, насколько сложно он был устроен. Если просрочка выплаты составляла четыре года, на рынке присутствовали четыре разных *paghe* с указанием реальной даты выплаты процентов. Пример: в 1450 г. *paghe* 1454 г., подлежащие выплате через четыре года, котировались ниже, чем *paghe* 1453, 1452 и 1451 гг., платеж по которым должен был наступить соответственно через три года, два года и год.

в этих реестрах более четырех страниц на сумму от пяти до семи тысяч лир.

Lire di paghe, менее стабильные, чем другие счетные монеты, мало подходили для международной торговли, но очень часто использовались для мелких бытовых покупок — повседневных продуктов питания, соли и дешевых пряностей, оливкового масла и воска. В *lire di paghe* оценивалось также все, имевшее отношение к производству шелка — промыслу, ввезенному недавно и все более процветавшему, причем это обыкновение распространилось и на закупку сырья, то есть шелка-сырца из Гранады или с Востока и красителей. Финансисты охотно использовали такие «монеты», чтобы скрывать ростовщический доход: когда деньги занимали, их сумма оценивалась в лирах *di paghe*, а платеж, согласно договору, назначался в лирах, «находящихся в обращении».

«САН-ДЖОРДЖО» И ГЕНУЭЗСКОЕ ОБЩЕСТВО

Данные о ценных бумагах «Сан-Джорджо» регулярно записывались в книги, называемые «картуляриями столбцов» (*cartularii delle colonne*); туда вносились сведения о продажах, покупках, ипотеках, а также, ежегодно, о процентах, подлежащих уплате в этом году. «Каза» ежегодно вела четыре реестра, огромные тома ин-фолио, насчитывавшие каждый почти по тысяче страниц, настолько тяжелые и неудобные в обращении, что служащим «Archivio di Stato» Генуи стоило большого труда доставлять их со складов, а для их пролистывания приходилось выделять специальный стол. Каждый реестр распространялся на два

из восьми округов города. Владельцев классифицировали кое-как, в алфавитном порядке и гораздо чаще по именам, чем по фамилиям, а что касается благотворительных и религиозных сообществ и учреждений, то критерии их классификации определить трудно. Писцы использовали только латынь¹, добавляя особые пометки и сокращения, которые в ту эпоху, несомненно, легко мог расшифровать любой, но которые у современного читателя иногда вызывают затруднения.

В течение 1450–1460-х гг. количество столбцов, то есть собственников *luoghi*, держалось в пределах от десяти до одиннадцати тысяч. Купцы и деловые люди Генуи не проявляли очень большого интереса к таким инвестициям, которые, конечно, давали надежные гарантии, но приносили мало дохода. Генуэзская аристократия среди владельцев этих бумаг присутствовала, но больше в лице дочерей, жен и вдов, чем глав семейств: к примеру, у Дориа — 56 женщин на 30 мужчин, у Ломеллини — 34 на 14. И в каждом семейном клане, который мог насчитывать, как известно, по несколько десятков человек, охотней всех в число таких собственников записывались самые неимущие. Крупные суммы вкладывали больницы и приюты, городские приходы, а также религиозные общины, особенно монастыри нищенствующих орденов и церковные братства, которые довольствовались небольшими гарантированными доходами, не рискуя связываться с большой коммерцией и финансовыми спекуляциями.

Заметно представлены были и владельцы ленов в горах — сеньоры Чибо, Маласпина и Парентучелли из Сарцаны, зачастую чуждые торговому обороту и финансовым операциям. А также — и это отражало перевод капиталов с Востока на Запад, происходивший в те трудные времена, — Лузиньяны

¹ Эти книги велись на латыни до тех пор, пока Бонапарт не упразднил власть «Казы», положив конец четырехвековому правлению, которое всех устраивало, и навязав анонимную унификацию, контролируруемую государством.

с Кипра, которые, упомянутые пять раз, в сумме вложили более 50 тыс. ливров, и несколько позже — «бюргеры» из Перы, генуэзского квартала Константинополя. У крупных иностранных купцов не было выбора: коммуна требовала, чтобы они, поселяясь в городе с намерением торговать в нем, вкладывали круглые суммы в Сан-Джорджо. В «столбце» семьи Борромео из Милана бывало записано до семидесяти тысяч лир, и этими средствами управляли представители семьи, закладывая их часть каждый год для поручительства за их закупки соли. Можно добавить менее активных, но неизменно присутствующих выходцев из Турина, Кремоны, Пармы и многочисленных астийцев.

«МОЛЬТИПЛИКАТИ»

«Сан-Джорджо» был очень полезен, предлагая надежные инвестиции, способные храниться годами, людям, которые хотели, чтобы их капитал из года в год увеличивался и наконец дошел бы до крупной суммы, которую можно было бы использовать в случае несчастья или, в более ходовом варианте, чтобы выдать замуж дочь либо основать благотворительное учреждение. Каждый год проценты позволяли покупать новые *luoghi*, и капитал, часто поначалу скромный, рос все быстрее и быстрее. Каждый мог его использовать по своему усмотрению, и *moltiplicati* [зд. «распределенные» (*um.*)] годились для всевозможных комбинаций. Эта практика была настолько распространенной, что трудно найти завещание генуэзца, какое бы социальное положение он ни занимал, где не содержались бы очень подробные инструкции, как управлять облигациями «Сан-Джорджо», на какое время замораживать проценты и как распорядиться накопленными суммами. В 1469 г. Андреа Дориа приобрел 550 *luoghi* и заблокировал на сто лет, указав, что десять одиннадцатых *massa* подлежат разделу между его прямыми наследниками, а остальное отойдет

письмоводителям и счетоводам. Лучший способ распорядиться средствами не всегда удавалось найти с первого раза, и многие завещатели возвращались к нотарию, чтобы кассировать прежний документ и дать новые указания. Некоторые поручали двум-трем доверенным людям, не обязательно своим наследникам, корректировать заданные правила в зависимости от изменений на рынке ценных бумаг. Так формировалась настоящая наука, освоить которую могли только опытные маклеры.

В огромном большинстве эти фонды служили для строительства и содержания церкви или капеллы, снабжения больницы, выплаты жалования капеллану. У семьи Дориа было семь «столбцов», которые предназначались для содержания капелл их церкви Сан-Маттео, основанных в разное время одна за другой. Капитал в них насчитывал от 230 до 3200 лир. Филиппо Мария Висконти купил *luoghi* на общую сумму 17 тыс. лир, чтобы финансировать шестнадцать капелл в Милане. И, не слишком рискуя ошибиться, можно сказать, что не было в Генуе ни одного благотворительного учреждения, на которое в реестрах «Сан-Джорджо» не были бы записаны круглые суммы и которое не было бы обязано своим выживанием *proventi* с его ценных бумаг. Подобные субсидии стали настолько многочисленными и крупными, управление ими занимало столько рабочего времени у письмоводителей, что был заведен пятый реестр — под названием *cartularium misericordiae*. Другие «мольтипликати» предназначались для того, чтобы улучшать жизнь горожан, исправлять сеть улиц и площадей, строить и содержать новый акведук, обеспечивать хорошее состояние набережных и портовых молов.

Богатые частные лица, желая способствовать погашению части государственного долга и отмене налогов, обременяющих большинство жителей, делали дары с тем, чтобы этот капитал, растущий с каждым годом, лет через двадцать-пятьдесят был использован для выкупа ценных бумаг. В память таких дарителей, сообразно раз-

меру завещания, ставили статую в полный рост, бюст или просто делали надпись в одном из залов дворца «Сан-Джорджо». Эти фонды замороженных ценных бумаг так и называли — *lapidia* [каменные (*лат.*)]. Первый из них, который в 1371 г. создал Франческо де Вивальди в размере 9 тыс. лир, через сто лет составил 80 тыс. и позволил отменить семь налогов на продукты потребления. В 1461 г. Лучано Гримальди передал «Сан-Джорджо» шесть тысяч ливров при условии, что часть процентов будет распространяться непосредственно среди бедных, а другая будет использована для выкупа податей. Известно также, что, перед тем как отправиться в четвертое и последнее путешествие в Новый Свет, Христофор Колумб 21 марта и 2 апреля 1502 г. написал письма соответственно Николо Одериги, генуэзскому послу в королевстве Кастилии, и «благороднейшим сеньорам Преславной палаты Святого Георгия», чтобы предложить вписать десятую часть своих доходов в книги «Казы» ради поддержки простолюдинов его родного города Генуи, дабы были сокращены налоги на продовольствие, зерно, вино и другие продукты питания.

* * *

Этот «дом святого Георгия», который в своих книгах мы всегда определяем как «банк», никоим образом не был коммерческим банком, несколько разнузданным, какие называются этим словом сегодня. Он был, скорей, сберегательной кассой, которая, не предлагая дополнительных услуг, не внушая надежд на удачные спекуляции, давала вкладчикам гарантии, что они ничего не потеряют. Умело управляемый людьми, которые, как свидетельствуют все тексты, не получали от этого никакой личной выгоды, он противился внешнему давлению и полностью избегал получения директив от государства. Он не занимался обменом, не ссужал денег ни князьям, ни частным лицам, не скупал недвижимость, не вкладывал капиталов ни в какое дело и избегал малейшего риска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На скамьях ростовщиков или же посредством обмена и ретратты займы давали ненадолго — на несколько месяцев и никогда не больше чем на год. В городе их брали на существенные расходы, например, на свадьбу дочери или прием важного родственника. В деревне — на покупку семян, оплату труда сборщиков винограда, покупку рабочего скота. Проценты, которые контролировал князь или коммунальные власти, не были чрезмерно высокими¹. Ни один финансист в ту эпоху не сознался бы, что задешево скупает долговые обязательства, чтобы потом преследовать неплательщиков.

Ростовщичество в таком понимании становилось нужным, а очень часто и необходимым для повседневной жизни ремесленников и крестьян. Занимали не затем, чтобы накопить запасы, а затем, чтобы начать дело. Капиталы для организации торговых предприятий, связанных с перевозками по суше и по морю, или компаний, занятых обработкой шерсти или шелка, собирали люди, которые были ничем не обязаны какому-либо банку и, следовательно, никогда не должны были платить проценты или просить о новых ссудах. Таким образом, финансисты, ростовщики, называвшие себя менялами, не имели никакого права контроля за ходом дел.

¹ Как мы видели, тогда не знали тех выплат в рассрочку, какие сегодня рекламируют во всех иллюстрированных журналах и какие, если как следует посчитать, иногда предполагают выплату более 20%.

Коммерческие операции предполагали всевозможные опасности — морские риски, зловредные спекуляции, изменения рыночной конъюнктуры¹. Менялам и ссудодателям не было никакой необходимости отправляться в опасные путешествия и помещать деньги в предприятия, зависимые от переменчивого спроса. Доходы, погашения долгов и выплату процентов гарантировали им князь или коммуна, и эти доходы поддавались регулярному предварительному расчету, не суля неожиданностей. Просрочки позволяли им получать больше. Финансисты, от простого частного лица до крупных денежных воротил, понемногу отказались от обмена вручную и от выдачи процентных займов на городских площадях и в совершенстве овладели практикой ретратты, более скрытной, которая обеспечивала им порядочный доход, позволяя обходиться без настоящих спекуляций и откровенно не опасаться осуждения, с каким население относилось к мерзким ростовщикам. Их барышам были не страшны смуты и войны, колебания конъюнктуры, задержки и непредвиденные случайности. Они не выходили из дому, работали только над ведением счетов, поддерживали лишь слабые связи с должниками и ни к кому не обращались, чтобы взыскать долги. В результате именно им, а не крупным негоциантам, лучше всех удавалось держаться в обществе на высшем уровне, не страшась особых невзгод. Когда богатые горожане приобретали земли, имения, даже сеньории, то в немалой части, а возможно, и в основной это значило: денежные воротилы конфисковали земельные владения. Жак Кёр и семейство Медичи не были купцами.

¹ В XIV и XV в. английских негоциантов, которые использовали свои корабли и капиталы для заморской торговли, а именно купцов из Бристоля и Лондона, в договорах и в счетных книгах обычно называли «*merchants adventurers*» [купцами-авантюристами (англ.)].

ЛИТЕРАТУРА

Arles A. Entre monnayage officiel et faux-monnayage. La fabrication de la monnaie au marteau en France (XIIIe–XVIIe siècles). Approche physico-chimique, expérimentale et historique. (Thèse de doctorat.) Orléans: Université d'Orléans, 2009.

Azemard É. Étude sur les israélites de Montpellier au Moyen Âge. Université de Montpellier. Faculté de droit. Thèse pour le doctorat ès sciences juridiques. Nîmes: Azémard cousins, 1924.

Barbadoro B. Le finanze della repubblica fiorentina: imposta diretta e debito pubblico fino all'istituzione del Monte. Firenze: Leo S. Olschki, 1929.

Bautier R.–H. Commerce méditerranéen et banquiers italiens au Moyen Age. Aldershot: Variorum, 1992.

Bautier R.–H. Marchands, voituriers et contrebandiers du Rouergue et de l'Auvergne. Trafics clandestins d'argent par le

Dauphiné vers les foires de Genève (1424) // *Bulletin philologique et historique du Comité des travaux historiques et scientifiques*. 1963. P. 669–688.

Bautier R.-H. Les registres des foires de Champagne // *Bulletin philologique et historique du Comité des travaux historiques et scientifiques*. 1942–1943. P. 157–188.

Bergier J.-F. Genève et l'économie européenne de la Renaissance. Paris: SEVPEN, 1963.

Blancard L. Documents inédits sur le commerce de Marseille au Moyen Âge édités intégralement ou analysés. Marseille: typ. et lith. Barlatier-Feissat père et fils, 1884–1885. 2 v.

Blancard L. Le Millarès, étude sur une monnaie du XIIIe siècle imitée de l'arabe par les chrétiens pour les besoins de leur commerce en pays maure. Marseille: Barlatier-Feissat père et fils, 1876.

Bompaire M. Évaluer les monnaies à la fin du Moyen-Âge: Une information imparfaite et inégale // *Revue européenne des sciences sociales*. 45 (2007). P. 69–79.

Bompaire M. Les monnayages d'or du XVe siècle: le témoignage d'un livre de changeur languedocien // *Bulletin de la Société nationale des antiquaires de France*. 1992. P. 354–373.

Bonnet M. Les changeurs lyonnais au Moyen Âge (1350–1450) // *Revue historique*. 506 (avril-juin 1973). P. 325–352.

Boudet M. Étude sur les sociétés marchandes et financières au Moyen Âge. Les Gayte et les Chauchat. Paris: Champion, 1915.

Boudet M. Notes pour servir à l'histoire du commerce de la haute Auvergne: Les marchands d'Aurillac aux foires de Champagne et à Montpellier // *Revue de la Haute-Auvergne*. 15 (1913). P. 326–341.

Brucker G. A. The Medici in the fourteenth century // *Speculum*. 32 (1957). P. 1–26.

Carrère C. Barcelone, centre économique à l'époque des difficultés, 1380–1462. Paris; La Haye: Mouton, 1967. 2 vol.

Cazelles R. Nouvelle histoire de Paris: De la fin du règne de Philippe Auguste à la mort de Charles V, 1223–1380. Paris: Association pour la publication d'une Histoire de Paris, 1972.

Les comptes des consuls de Montferrand / éd. par R. A. Lodge. Paris: École des chartes, 2006–2010. 2 v.

Dauvet J. Les affaires de Jacques Coeur: journal du procureur Dauvet: procès-verbaux de séquestre et d'adjudication / éd. par M. Mollat. Paris: A. Colin, 1952–1953. 2 vol.

De Roover R. L'évolution de la lettre de change: XIVe–XVIIIe siècle. Paris: Armand Colin, 1953.

De Roover R. Lorenzo il Magnifico e il tramonto del Banco dei Medici // *Archivio storico italiano*. 107 (1949). P. 172–185.

De Roover R. Le marché monétaire au Moyen Âge et au début des temps modernes: Problèmes et méthodes // *Revue historique*. 244 (1970). P. 5–40.

De Roover R. The Medici bank: its organization, management, operations, and decline. New York: New York University press; London: G. Cumberlege: Oxford University press, 1948.

De Roover R. The rise and decline of the Medici Bank: 1397–1494. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1963.

De Roover R. The scholastic attitude toward trade and entrepreneurship // *Explorations in Entrepreneurial History*. 2 (1963). P. 76–87.

De Roover R. The Story of the Alberti Company of Florence, 1302–1348, as revealed in its Account Books // *Business History Review*. 32 (1958). P. 14–59.

Documents relatifs à l'Histoire de l'industrie et du commerce en France / publiés par... G. Fagniez. Paris: A. Picard et fils, 1900. T. II: XIVe et XVe siècles.

Emery R. W. The Jews of Perpignan in the thirteenth century: an economic study based on notarial records. New York: Columbia University Press, 1959.

Fanfani A. Le origini dello spirito capitalistico in Italia. Milano: Vita e Pensiero, 1933.

Favreau R. Les changeurs du royaume sous le règne de Louis XI // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. CXXII (1964). P. 216–251.

Gandilhon R. Politique économique de Louis XI. Paris: Presses universitaires de France, 1941.

Germain A. Ch. Histoire du commerce de Montpellier, antérieurement à l'ouverture du port de Cette. Montpellier: J. Martel, aîné, 1861. 2 vol.

Il giornale del Banco Strozzi di Napoli (1473) / a cura di A. Leone. Napoli: Guida, 1981.

Guillot R. La chute de Jacques Coeur: une affaire d'État au XVe siècle. Paris: l'Harmattan, 2008.

Heers J. Espaces publics, espaces privés dans la ville: le «Liber terminorum» de Bologne (1294). Paris: éd. du C.N.R.S., 1984.

Heers J. Gênes au XVe siècle: activité économique et problèmes sociaux. Paris: SEVPEN, 1961.

Jordan W. Ch. The French monarchy and the Jews: from Philip Augustus to the last Capetians. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1989.

La Sorsa S. L'organizzazione dei cambiatori fiorentini nel Medio evo. Cerignola: Tip. edit. dello «Scienza e diletto», 1904.

Labrot J. Affairistes et usuriers au Moyen âge. T. I: Les Lombards, l'hérésie et l'Eglise. Cahors: La Louve, 2008.

Lane F. Ch. Andrea Barbarigo, merchant of Venice: 1418–1449. Baltimore: The Johns Hopkins press, 1944.

Lane F. Ch. Venetian ships and shipbuilders of the Renaissance. Baltimore: The Johns Hopkins press, 1934.

Lescuyer M. L'inventaire après décès de Raynard Balbet, bourgeois de Clermont (1359) // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 160 (2002). P. 79–113.

Luzzatto G. Il debito pubblico nel sistema finanziario veneziano dei secoli 13.–15. // *Luzzatto G.* Studi di storia economica veneziana. Padova: CEDAM, 1954. P. 211–224.

Melis F. Storia della ragioneria: contributo alla conoscenza e interpretazione delle fonti piu significative della storia economica. Bologna: Zuffi, 1950.

Mueller C. The role of bank money in Venice: 1300–1500 // *Studi Veneziani*. New series. 3 (1979). P. 47–96.

Paris sous Philippe-le-Bel: d'après des documents originaux et notamment d'après un manuscrit contenant le rôle de la taille imposée sur les habitants de Paris en 1292 / publ. par H. Géraud. Paris: Crapelet, 1837.

Piquet J. Des banquiers au Moyen âge: les Templiers, étude de leurs opérations financières. Paris: Hachette, 1939.

Piton C. Les Lombards en France et à Paris. Paris: H. Champion, 1892–1893. 2 vol. T. 2: Leurs marques, leurs poids-monnaie, sceaux de plomb, l'échiquier.

Podestà F. La pesca del corallo in Africa nel medioevo e i Genovesi a Marsacares: Luoghi d'armamento in Liguria. Genova: Tip. Istituto Sordomuti, 1897.

Renouard Y. Les relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378. Paris: E. de Boccard, 1941.

Rey M. Le domaine du roi et les finances extraordinaires sous Charles VI (1388–1413). Paris: Impr. nationale, 1965.

Rey M. Les finances royales sous Charles VI: les causes du déficit, 1388–1413. Paris: Impr. nationale, 1965.

Reyerson K. L. Business, banking and finance in medieval Montpellier. Toronto: Pontifical Institute of medieval studies, 1985.

Sapori A. Le marchand italien au Moyen âge: conférences et bibliographie. Paris: A. Colin, 1952.

Shatzmiller J. Recherches sur la communauté juive de Manosque au Moyen âge: 1241–1329. Paris; La Haye: Mouton, 1973.

Silvestri A. Sull'attività bancaria napoletana durante il periodo aragonese: Notizie e documenti // *Bollettino dell'Archivio storico del Banco di Napoli*. 6 (1953). P. 80–120.

Solivetti G. Il Banco dei Medici in Roma all'inizio del 15. secolo. Roma: E. Pinci, 1950.

Villes d'Italie: textes et documents des XIIe, XIIIe, XIVe siècles / Sous la direction de J.-L. Gaulin, A. Jamme, V. Rouchon-Mouilleron. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава I. Золото и серебро.....	13
Суданские копи и золото караванщиков.....	15
Авантюристы на дорогах Сахары.....	20
Португальцы в Африке.....	23
Сербия и Чехия, серебряные копи.....	31
Глава II. Обмен.....	37
«Красивые» монеты, вес и проба.....	39
Перевозки, металлы и монеты.....	47
Фальшивые монеты, плохие копии.....	52
Обмен.....	56
Глава III. Займы и ростовщичество.....	73
«Gratis et amore Dei»: помогать соседу.....	75
Флорентийский врач.....	78
Бернардо, отец Никколо Макиавелли.....	84
Проценты: их осуждали или терпели?.....	91
Ростовщик в городе.....	102
Менялы диаспор.....	115
Глава IV. Ростовщичество, состояния и великие судьбы.....	125
Обеспеченный ростовщический заем.....	127
Скамьи, прилавки и дворцы.....	137
Богатые и могущественные.....	148
Долгие пути к власти.....	154
Земля, приобретенная ростовщичеством.....	170

Глава V. Дела, капитал и труд.....	181
Бумажные монеты, счетные монеты.....	183
Капитал и труд.....	197
Глава VI. Недуги и банкротства	
государственных финансов.....	243
Во Франции: от тамплиеров до Жака Кёра.....	245
Муниципальные финансы: неудачи.....	287
Управление долгом: займы и ухищрения.....	291
«Каза ди Сан-Джорджо».....	295
Новые монеты.....	299
«Сан-Джорджо» и генуэзское общество.....	302
«Мольтипликати».....	304
Закключение.....	311
Литература.....	318

Жак Эрс

**РОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА
В СРЕДНИЕ ВЕКА
МЕНЯЛЫ, РОСТОВЩИКИ
И КРУПНЫЕ ФИНАНСИСТЫ**

Научное издание

Директор издательства: *Чубарь В. В.*

Главный редактор: *Трофимов В. Ю.*

Верстка: *Гуляев В. В.*

Корректурa: *Чебыкина М. В.*

Подписано в печать 27.06.2014. Формат 84х108/32.

Усл. печ. л. 14,7. Гарнитура «Antiqua».

Бумага офсетная №1.

Тираж 2000 экз (1-ый завод 1–1000).

Заказ № 4233

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86, пом. 106,

тел. (812) 320-57-74, <http://www.eurasiabooks.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10